

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

8

Выпуск (902)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

8
Issue (902)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 8 (902)

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 8 (902)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Особенности речевых действий незрелых носителей русского языка:
«Фрагменты региональной субъективной аксиологии»

БУТАКОВА Л. О. 9

Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода
ПИЩАЛЬНИКОВА В. А. 19

Значимость и содержательная специфика базовой ценности «любовь»: экспериментальное исследование
СТЕПЫКИН Н. И. 28

Экспериментальная верификация психологической актуальности символического содержания
флоронима 竹子 / бамбук в китайской лингвокультуре
У. ЦЗЯЦЯНЬ 35

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции
в изучении коммуникативного поведения
ГЕРМАНОВА Н. Н. 41

Лингвосемиотические проблемы современного ребрендинга
МАКСИМЕНКО О. И. 51

Конструирование прагматической идентичности в академическом дискурсе
(на материале китайских и русскоязычных рецензий на лингвистические монографии)
ПЭЙ СЯНЛИНЬ, ХАНЬ БОВЭНЬ 59

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Язык и феномен творения в сигнифике и семиотике Виктории Уэлби
КИОСЕ М. И. 69

Дискурсивные практики пуристических движений в исторической перспективе
КОСТЕВА В. М. 77

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глагол вкусовой перцепции *амсай* в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс
ИВАНОВА Р. П. 84

Лингвокогнитивные особенности концепта «завтра»
(на материале монгольского концепта «Маргааш»)
ЦЫБЕНОВА О. А. 92

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Предикативность как переводческая категория ИВАНЕНКО К. В., ФРОЛОВ В. И.	100
Проблема интерпретации цветообозначений как смыслового средства в художественном произведении САКУРАИ М.	106

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Интерактивность исторической перцепции и художественной объективации в драматургии Фридриха Шиллера БОНДАРЕВ А. П.	114
«Драгоценный» Болота Ширибазарова: буддийская репрезентация романа воспитания ДУБАКОВ Л. В.	122

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Творческие достижения советской архитектуры в годы Великой Отечественной войны ГОРЛОВ В. Н.	128
Исследовательский потенциал культурных моделей (на материале юмористических произведений английских писателей) КОСИЧЕНКО Е. Ф., ПОПОВА Г. В.	136

LINGUISTICS

PSYCHOLINGUISTICS: ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Features of Speech Acts of Non-adult Native Speakers of the Russian Language: “Fragments of Regional Subjective Axiology” BUTAKOVA L. O.	9
Associative Field Indexes as Parameters of Speech Action Research: Towards the Formation of a Method PISHCHALNIKOVA V. A.	19
The Significance and Meaningful Specificity of the Basic Value of “Love”: Experimental Research STEPYKIN N. I.	28
Experimental Verification of the Psychological Relevance of the Symbolic Content of the Phloronym 竹子 / <i>Bamboo</i> in Chinese Linguoculture JIAQIAN WU	35

DISCURSIVE PRACTICES IN VARIOUS COMMUNICATIVE CONTEXTS

Interpersonal Pragmatics: New Tendencies in Studies of Communicative Behaviour GUERMANOVA N. N.	41
Linguistic and Semiotic Problems of Modern Rebranding MAKSIMENKO O. I.	51
Construction of Pragmatic Identity in Academic Discourse (Based on Chinese and Russian-Language Reviews of Linguistic Monographs) XIANGLIN PEI, BOWEN HAN	59

LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY

Language and Creation in Victoria Welby's Significs and Semioethics KIOSE M. I.	69
Discursive Practices of Purist Movements in Historical Perspective KOSTEVA V. M.	77

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA: LINGUOCOGNITIVE RESEARCH

The Verb of Taste Perception <i>amsai</i> in the Sakha Language: A Cognitive-Semiotic Perspective IVANOVA R. P.	84
---	----

CONTENTS

Linguo-Cognitive Features of the Concept “Tomorrow” (based on the Mongolian concept “ <i>Margaash</i> ”)	
TSYBENOVA O. A.	92

LINGUISTIC ASPECTS OF TRANSLATION

Predicativity as a Translation Concept	
IVANENKO K. V., FROLOV V. I.	100
Translation of Colour Terms as a Means of Conveying Sense in a Work of Fiction	
MAI SAKURAI	106

LITERARY STUDIES

Interactivity of Historical Perception and Artistic Objectivation in the Dramaturgy of Friedrich Schiller	
BONDAREV A. P.	114
“The Precious” by Bolot Shiribazarov: Buddhist Representation of the Bildungsroman	
DUBAKOV L. V.	122

CULTUROLOGY

Creative Achievements of Soviet Architecture During the Great Patriotic War	
GORLOV V. N.	128
Research Potential of Cultural Models (analysis of humorous writings by English authors)	
KOSICHENKO E. F., POPOVA G. V.	136

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

УДК 81'23:811.161.1

Особенности речевых действий невзрослых носителей русского языка: «Фрагменты региональной субъективной аксиологии»

Л. О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия
larisabut@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования – показать фрагменты региональной субъективной аксиологии, выявив стратегии, примененные в ходе реагирования на стимулы, находящиеся в бинарных оппозитивных отношениях, – «добро / зло», «правда / ложь». Использован метод свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2023–2024 годы с респондентами 12–14 лет – учащимися школ и гимназий Омска. Результаты обобщены в виде ассоциативного поля, инструментом анализа которого стало понятие «речевое действие», позволившее выявить следующие стратегии семантизации: актуализация парадигматических отношений, персональной, профессиональной или социальной субъективизации, предметизации, атрибутирования, оценки, индивидуально-ассоциативного соотношения.

Ключевые слова: речевое действие, ассоциативный эксперимент, региональная аксиология, языковое сознание, опоры или стратегии семантизации

Для цитирования: Бутакова Л. О. Особенности речевых действий невзрослых носителей русского языка: «Фрагменты региональной субъективной аксиологии» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 9–18.

Original article

Features of Speech Acts of Non-adult Native Speakers of the Russian Language: “Fragments of Regional Subjective Axiology”

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia
larisabut@rambler.ru

Abstract. The aim of the research is to show fragments of regional subjective axiology, identifying the strategies used in responding to stimuli in binary oppositional relations – ‘good / evil’, ‘true / false’. A free association experiment conducted in 2023–2024 with students of Omsk schools and gymnasiums aged 12–14 was used to achieve it. The results were summarized in the form of an associative field. The tool for analyzing the associative field is the concept of “speech act”, which made it possible to identify the following semantization strategies: actualization of paradigmatic relations, personal, professional or social subjectivization, objectification, attribution, evaluation, individual-associative correlation.

Keywords: speech act, associative experiment, regional axiology, linguistic consciousness, supports or strategies of semantization

For citation: Butakova, L. O. (2025). Features of speech acts of non-adult native speakers of the Russian language: “Fragments of regional subjective axiology”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 9–18. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Комплексные и частичные модели языкового сознания представителей определенных социальных или возрастных групп остаются в поле зрения лингвистов, социо- и психолингвистов. Цифровые методы расширили возможности лингвистических реконструкций, задав «идентификационную» стилистическую линию, увеличив охват анализируемого материала, но не сняли остроты поиска параметров модели носителей языка, структур их сознания (вернее, в них параметры приобрели другой вид). См. анализ исследовательских областей в [Nguyen et al., 2016; Литвинова, 2022]. Особенно важен сбор массива данных в ситуации виртуального общения [Литвинова, 2019; Литвинова, 2022].

На фоне торжества дигитализации не перестает быть актуальным то, что было сделано «без цифрового» участия на массиве больших и не очень больших данных. В работах А. А. Залевской разработана концепция слова как достояния индивида и принципы анализа его значения сквозь призму эксперимента [Залевская, 2005, Залевская, 2011]. В. А. Пищальниковой предложен оригинальный вариант применения психологического понятия «речевое действие» к анализам результатов ассоциативного эксперимента [Пищальникова и др., 2019], проанализировано его современное состояние [Пищальникова, 2020], описаны возможности его применения для установления идентичности [Пищальникова и др., 2021]. Решение проблемы системно-языковой и когнитивной интерпретации результатов эксперимента, использование категории «психолингвистическое значение» предложены И. А. Стерниным [Стернин, 2020]. Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания незрелых носителей русского языка и коммуникаций, его формирующих, произведен Л. О. Бутаковой, Е. Н. Гуц, Е. А. Козловской [Бутакова, Гуц, Козловская, 2018]. Система исследовательских процедур разработана и применена для описания языкового сознания и языковой личности пожилого человека коллективом под руководством Л. О. Бутаковой [Бутакова и др., 2020], многоступенчатая методика моделирования языкового сознания подростка предложена Е. Н. Гуц [Гуц, 2005], вариант трендовых исследований субъективной семантики разработан Л. О. Бутаковой, Е. Н. Гуц [Бутакова, Гуц, 2024]. Этот же аспект исследований оценочной лексики представлен в новом качестве на основе применения психологической категории «образ мира» [Бутакова, Гуц, 2025]. Базовые ценности носителей русской культуры отражены в экспериментальном проекте «Базовые ценности¹, а

также в исследованиях, направленных на создание интерактивной карты базовых ценностей, установления идентичности [Пищальникова и др., 2021]. Моделирование ассоциативной грамматики русского языка задано Ю. Н. Карауловым [Караулов, 2010]. Категория языкового сознания носителей русского языка предложена и определена Е. Ф. Тарасовым [Тарасов, 2000]. Моделирование динамики феномена языкового сознания произведено Н. В. Уфимцевой [Уфимцева, 2011].

Очевидно, что у каждой модели есть свои возможности и ограничения, связанные с выбранным основанием и наличием речевых продуктов, по которым производится реконструкция речевой деятельности или языкового сознания. Возможности методологических процедур, объем ассоциативно-вербального материала (общероссийского и регионально ориентированного, собранного в несколько этапов в разные временные периоды) в психолингвистике далеко не исчерпаны. Речь идет о видах анализа ассоциативных полей (далее АП), основанного на понятии психоглоссы «как обладающего признаками доминантности смыслового образования, которое поэтому имеет вектор направленности» [Шапошникова, 2018, с. 269], связанного с поколенческими и групповыми моделями языковой личности, развитии ассоциативной типологии как фундаментальных положений, связанных с «системогенезом языка как достояния человека» [Шапошникова, 2024, с. 86], исследованиях трендового, синхронного и сопоставительного профиля, проводимых в Омской психолингвистической школе с использованием понятий «речевое действие», «стратегия семантизации» [Бутакова, Гуц, 2024; Бутакова, Гуц, 2025] и пр. Значительный методологический потенциал есть у теории опознавания языкового знака А. А. Залевской (понятие «опор» или стратегий семантизации, применяемое ученым, эффективно для оценки ассоциативного поведения носителей языка или билингвов). В рамках данной теории может быть выделен любой аспект описания ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) респондента, в том числе как фрагмент его языкового сознания. В зависимости от места проведения экспериментов, их типа и широты охвата аудитории можно варьировать описываемый аспект и говорить о тех или иных тенденциях, касающихся организации и связей в ментальном лексиконе носителей языка.

Актуальность предлагаемого исследования определяется принадлежностью к направлению реконструкции значения как достояния индивида, ориентацией на экспериментальный подход к его моделированию, применением к полученному материалу категории «речевое действие»,

¹Базовые ценности носителей русской культуры. М.: ИЯ РАН, 2019.

необходимостью выявить региональные особенности субъективной аксиологии. Его новизна связана с применением понятия «региональная субъективная аксиология», а также с вводимым в научный оборот материалом, полученным автором в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Респонденты – учащиеся школ и гимназий г. Омска 12–14 лет, количество участников 263, получено 1052 реакции на четыре анализируемых стимула. Форма предъявления анкет – письменная, давалась инструкция: отреагировать на каждый стимул первым приходящим в голову словом.

Проведение указанного эксперимента обеспечивало получение синхронного материала для моделирования фрагментов региональной субъективной аксиологии. Элементы статистического анализа были использованы для установления частотности и «веса» реакций в составе АП, тем самым решалась задача определения состава и структуры каждого АП. Установление типа связи стимулов и реакций, стратегии семантизации, примененной респондентом, производилось с помощью применения понятия «речевое действие».

Речевая деятельность невзрослых жителей региона на основе указанного материала представлена в парадигме теории значения слова как «средства познания и общения» А.А. Залевской [Залевская, 2005, с. 231–233], лексикона человека как функциональной динамической системы [там же, с. 436]. Были применены понятия «стратегия семантизации», «речевое действие». Последнее введено А. Н. Леонтьевым, развито в российской психолингвистической школе [Степыкин, 2021], понимается как «одновременно и способ предсказания, представляющий личностный смысл, и средство предсказания, установленное внутренней формой языка» [Пищальникова, 2020, с. 10].

Для предлагаемого анализа не случайно были выбраны оппозитивные языковые знаки, представляющие сферу аксиологии. Постулировалось частичное сходство способов семантизации в процессе реагирования на фоне смысловой дифференциации фрагментов АВС, связанных с данными стимулами. Территориальное ограничение экспериментальной базы (проведение экспериментов в г. Омске) определило региональный аспект исследования. Описание семантики языкового знака как достояния индивида позволило говорить о региональной субъективной аксиологии и ее фрагментах.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Стимул «добро» вызвал разнообразие стратегий (от актуализации парадигматических отношений

до опоры на описание действия-ситуации, см. схему 1, табл. 1). Тенденция несимметричного формирования оппозитивных областей АВС проявляется в разной активности выбора тех или иных опор и определенном качественном заполнении смысловых полей. Это заметно на уровне семантики. При высокой частотности стратегии выбора оппозитивов / симиляров в качестве реакций на абстрактный аксиологический стимул «добро» их состав невелик. Выбор оппозитивов при реагировании на стимулы «добро» / «зло» практически совпадает количественно (зло 33 р / добро 31 р), что создает линию равновесия «взаимной обратимости» стимулов-реакций.

Схема 1

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ДОБРО»

1. Через симиляры-оппозиты:

зло (33); добро (7); позитив (3); доброта (2); не зло (2); и зло; добродушее¹ (49 р = 18,6 %)

2. Через персональную субъективизацию:

Аня; Аня Быкова и Аня Акимова; Варя; Верность; Дима; Днс; Единая Россия; Россия; Оби-Ван; Путин; Россия; Саша; США; Чебурашка (14 р = 5,3 %)

3. Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию:

я (7); друг (4); семья (3); родители (2); музыкальная группа (2); благотворительный фонд; бог; валантеры; группа; дети; детский сад; друзья; добрый чел; Калифорний, уран, ртуть и диспрозий♥; комфортный человек; мама; муж; кто делает что-то хорошо; кто?; не я; небожитель; родные; радуга; человек (2); человек который всем помогает; человек сделал какое то доброе дело (40 р = 15,2 %)

4. Через предметизацию – качества, состояния:

мир (7); радость (5); помощь (4); счастье (4); дружба (3); поступки (3); поступок (3); свет (3); доброта (2); хороший поступок (2); бескорыстность; благотворительность; верность; вкусоности; возмездие; деньги; доброе дело; добрые поступки; дпужилюбность; дружелюбие; жертва; объятия; обязательность; ответ; отзывчивость; добродушее; волонтерство; либерализм; любовь; мораль; приятное дело; помощь людям; признание; сказка; сок; умение понимать и помогать; то что можно сделать; хорошее качество; честность; что то хорошее; что-то приятное;

¹Здесь и далее в схемах и при цитировании сохранены пунктуация, графика и орфография респондентов.

чувство; щедрость; это когда ты помогаешь; это то что в чём вы помогаете; это что хорошее (73 р = 28 %)

5. Через действия-ситуации:

пожаловать (5); побеждает зло (2); делает нас сильнее; возвращается; побеждает; проигрывает; когда поделились чипсами; когда помогаешь людям; когда разрешили проехать на автобусе бесплатно; когда ты что-то хорошее сделал; помогают маме, папе, сестре, брату; помочь коту или человеку; сказать продавщице без сдачи а она ответила у вас не хватает; существует; улыбнулся (20 р = 7,6 %)

6. Через признак:

добрый (2); не плохой; положительный; приятное; расслабленный; частливый; милый; милый, хороший (9 р = 3,4 %)

7. Оценка:

Хорошо (9); Позитив (3); За***сь; Правильно; это главное; Это хорошо; Это что хорошее (17 р = 6,4 %)

8. Ассоциации:

Beautiful; teuflisch; ;) А; Безвозмездно; Белый цвет; Вообще такой тип, который в общем такой весь из себя скромни добри; Да; Дал подруге 100 рублей; Делай добро ,а оно вернётся; есть; Злр; папоротник; Резинка; Спасибо; Существует; я сама доброты. не верите умрите; 오오오 (18 р = 6,8 %)

Стратегия персональной субъективизации была реализована с помощью имен, фамилий знакомых и друзей, а также названий партий, стран, фамилий глав государств, героев детской литературы – Единая Россия, Россия, США, Путин и Чебурашка. Персонификация добра вылилась в стратегию качественной или профессиональной связанности стимула со сферой друзей, членов семьи, человека, но данная стратегия не является высокочастотной. При выборе опор опознавания стимула значительно преобладает опора на «предметы» абстрактного типа – качества, состояния, ценности и пр. Набор таких предметных опор обширен. В рамках указанной стратегии выбирались развернутые способы реагирования:

то что можно сделать; что то хорошее; что-то приятное; это когда ты помогаешь; это то что в чём вы помогаете; это что хорошее.

К «сигналам оптимизма» могут быть отнесены в данной части ABC респондентов реакции с социально-значимым потенциалом:

бескорыстность; благотворительность; волонтерство; либерализм, мораль.

Стратегия опираться в ходе реагирования на действия и ситуации не столь частотна, как другие, но показывает стремление респондентов либо обратиться к стереотипным речениям, отражающим культурные сценарии:

пожаловать (5); побеждает зло (2); делает нас сильнее; возвращается; побеждает; либо описать сценарий действий – когда поделились чипсами; когда помогаешь людям; когда разрешили проехать на автобусе бесплатно; когда ты что-то хорошее сделал; помогают маме, папе, сестре, брату; помочь коту или человеку; сказать продавщице без сдачи а она ответила у вас не хватает.

Сигналы «тревожности» в АП стимула 'добро' обнаруживаются при выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор, связаны с разговорными, обценными – *позитив* (3); *за***сь*; иноязычными и графическими реакциями – *Beautiful; teuflisch; ;)*; 오오오.

Стимул «зло» связан, как и его оппозиит, с аналогичными способами опор. Набор реакций симилиативного и оппозиитивного типа не отличается разнообразием. Среди реакций, реализующих стратегию персональной субъективизации, традиционны фамилии и имена друзей, одноклассников. К сигналам «повышенной тревожности» можно отнести реакции – *США; Хэди; Украина*. Такие же настораживающие реакции есть при выборе стратегии качественной или профессиональной субъективизации – *школа* (2); *евреи; мама, математика; физичка*.

Схема 2

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ЗЛО»

1. Через симилары-оппозииты, повтор

добро (31); зло (11); злость (2); и добро; не добро; не доброжелательность; недоброжелательность (48 р = 18,2 %)

2. Через персональную субъективизацию

Бражник (2); Алина; Дима; Дота 2; Иван золо; Люба; Миша; Роблокс; США; Хэди; Украина; Фашенко; Мирон (14 р = 5,3 %)

3. Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию

враг (6); люди (2); месть (2); не я (2); я (2); вы; школа (2); евреи; класс; макака; мама, математика;

Матрешка рп и гранд мобиле; мой друг; обманщик; физичка; плохое чувство; это какое либо плохое дейсвие; это такой сын; это кто-то не хорошее (30 р = 11,4 %)

4. Через предметизацию – качества, состояния
агрессия (3); гнев (3); зависть (3); плохой поступок (3); злость (2); убийство (2); эмоции (2); алкоголь; безвыходность; боль; война; вред; героин; грусть; дача; есть заблуждение; книга; коварство; кров; лень; мошенничество; мультик; наркотики; недуг; обида; отчуждение; пессимизм; плохое чувство; порча имущества; поступки; предательство; рабство; ремень; репрессии; сказка; слова; ссора; судьба; тьма; удар; холод; что можно совершить другому человеку; порча имущества; чувство человека; электрофорез; какая-то неприятность; когда ты злох (61 р = 23,2 %)

5. Через действия-ситуации
грубить; не помогать; делаем; наступает; не всегда таковым является; нужно наказать; омрачает; отвергать; побеждает добро; совершить другому человеку; проиграет; рассердится; это когда ты решил кому то сделать плохо; добро побеждает зло (14 р = 5,3 %)

6. Через признак
красный (2); быть корыстным; вредно; доброе, плозое; плохой; повсюду; скрыто; хмурый (10 р = 3,8 %)

7. Оценка
плохо (20); фууу (2); нет; нету; норм; попа; ужасно; фуфufу; хз (29 р = 11 %)

8. Ассоциации
не знаю (2); с домом; Angr; Gut; No way this bro started his own villain arc 🤔🤔🤔; А; през; дей; его нет; зачем такие вопросы?; зеркало; нинаю; огонь; швьютутуи; я хочу косп на таксиста. читайте эрху; لقيارتغفدب (18 р = 6,8 %)

Самой частотной стратегией является стратегия предметизации, связанная с наименованием качества, состояния и предметов, их обеспечивающих. Реализация стратегии происходит за счет широкого круга наименований состояний, эмоций, отношений, качеств человека и пр. Описаний сценариев действий в реакциях минимальны:

это какое либо плохое дейсвие; какая-то неприятность; когда ты злох.

Стратегия опоры на описание действий или ситуаций реализована с помощью лексики, передающей действия субъекта и действия того, что названо стимулом:

грубить; не помогать; делаем; наступает; не всегда таковым является; нужно наказать; омрачает; отвергать; побеждает добро.

Речения, отражающие культурные сценарии, единичны.

Таблица 1

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ДЛЯ ОППОЗИТОВ «ДОБРО / ЗЛО»
В СОПОСТАВЛЕНИИ

Стратегия	Стимул 'добро'		Стимул 'зло'	
	Объем (раз)	Объем (в %)	Объем (раз)	Объем (в %)
Актуализация сист отнош (оппозиты / симиляры)	49	18,6	48	18,2
Субъективизация персональная	14	5,3	14	5,3
Субъективизация кач / проф	40	15,2	30	11,4
Предметизация	73	28	61	23,2
Действий, ситуации	20	7,6	14	5,3
Признак	9	3,4	10	3,8
Оценка	17	6,4	29	11
Ассоциации	18	7,5	18	6,8
Отказы	23	8,7	39	14,8

При выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор использовались междометные – фууу (2); фуффу, разговорные – *пона*; хз; иноязычные реакции и графические знаки – *Angr*; *Gut*; *No way this bro started his own villain arc* 😡😡😡; لقيار تغف دب.

Реагирование на стимул «правда» отличается от реагирования на все описанные стимулы отсутствием выбора стратегии персональной субъективизации (см. табл. 2). Стратегия опоры на симиляры и оппозицы достаточно востребована за счет высокой частотности нескольких реакций, особенно это касается оппозицы «ложь». Заметна значительная асимметрия: на стимул «правда» оппозицы *ложь* является реакцией в 36 случаях, на стимул «ложь» оппозицы *правда* был выбран только 20 раз. Опора на качественную или профессиональную субъективизацию редка, связана в том числе с проявлением эмоций – *сестра* (2); *друзья*; *друзьяшки* 😊😊. Частотна опора на предметизацию качества, состояния, переданных с помощью наименований конкретных и обобщенных качеств, эмоций личности:

честность (12); боль (2); искренность (2); а грусть; легкость; любовь; радость; проявлений характера – сила (4); добро (3); верность (3); смелость; прямолинейность; деятельностных состояний – облегчение; очищение; признание; жизнь; или действие (3); действие (2) и др.

Сценарный характер реагирования при реализации стратегии редок – *это верный ответ; это когда тебе не соврали*. Он пересекается с выбором в качестве опоры описаний речевых действий или ситуаций, с ними связанных (к этой стратегии респонденты прибегали также редко 4,3 %):

говорить правду (2); не врать (3); говорить всегда; когда кто то говорит что есть облегчает; только было.

Опора на оценочное представление стимула связана с выбором наречий, передающих позитивную оценку, – *хорошо* (11); *верно* (2); *классно*; *круто*; *чудесно*. Амбивалентные, сценарные, персональные представления выступили в качестве средств реализации опоры на признак:

горькая (4); за мной (2); моя (2); болезненна; в добре; в героине; в правде сила; в том что я знаю все китайские новеллы; горькая; горькая, но лучше сладкой лжи.

Заметна тенденция передавать признак сочетанием существительного с предлогом.

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ПРАВДА»

1. Через симиляры-оппозицы, повтор

ложь (36); правда (10); истина (10); не правда (5) вранье; достоверность; истинность; нет ложь; откровенность (56 р = 24,3 %)

2. Через персональную субъективизацию

нет

3. Через качественную или профессиональную субъективизацию=идентификацию

я (3); сестра (2); детектор лжи 2.0; друг; друзья; друзьяшки 😊😊; лоб; обезьяна; молодец (12 р = 5,2 %)

4. Через предметизацию – качества, состояния

честность (12); сила (4); добро (3); или действие (3); верность (3); боль (2); искренность (2); действие (2); а грусть; жизнь; легкость; любовь; облегчение; очищение; признание; прямолинейность; радость доверие; смелость; содеянное; справедливость; счастье; что-то; это верный ответ; это когда тебе не соврали (47 р = 20,4 %)

5. Через действия-ситуации

говорить правду (2); не врать (3); не знаю (2); говорить всегда; когда кто то говорит что есть облегчает; только было (10 р = 4,3 %)

6. Через признак

горькая (4); за мной (2); моя (2); белая цвет; болезненна; в добре; в героине; в правде сила; в том что я знаю все китайские новеллы; горькая; горькая, но лучше сладкой лжи; комсомольская; лучше; лучше лжи; лучше чем ложь; не всегда; не приятная; ни в чем; русская; сладкая ложь; точна?; точный ответ; хорошая чука но не всегда в твою пользу; хорошее качество; хороший (33 р = 14,3 %)

6. Оценка

хорошо (11); верно (2); классная вещь; классно; круто; не варя; тяжело; хорошая чука но не всегда в твою пользу; хорошее качество; хороший; чудесно; это хорошо (23 р = 10 %)

7. Ассоциации

а; врыттытв; да; ее нет; к; какая; лм; нет; нету когда кто то говорит что есть; прив тян го чилить; рубашка; рыба; сила в; сила в правде брат; сюда; точка зрения; юа; Hütte (19 р = 7,7 %)

При выборе оценочных и индивидуально ассоциативных опор использовались сочетания графем, цитата из одноименного фильма, иноязычное слово.

Схема 4

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ (РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ) СТИМУЛА «ЛОЖЬ»

1. **Через симиляры-оппозиты, повтор**
правда (20); вранье (17); не правда (13); обман (13); ложь (3); предательство (3); хорошая вещь; это чистая правда; правда в кавычках; минус доверие; ответ (74 р = 28 %)
2. **Через персональную субъективизацию**
Зоя (2); Алина; Андрей; Валера; Варя; Катя; Дима и Мирон; Люба (9 р = 3,4 %)
3. **Через качественную или профессиональную субъективизацию = идентификацию**
Дед мороз; лжец; лох; врач; маме; динозавр; враг; не я (2); я (10 р = 3,8 %)
4. **Через предметизацию – качества, состояния**
грех (6); зло (5); боль (2); вина; вред; грехи; выбор; злость; огорчение; ошибка; результат; слабость; стресс; недосказанность; паприка; детектор (2); детектор лжи; зеркало; красота; лабиринт; добро (32 р = 12,1 %)
5. **Через признак**
плохой (2); отрицательное; плохое качество; плохой поступок; черный; едка; моя (8 р = 3,4 %)
6. **Через действия-ситуации**
врать (2); вру; не знаю; не надо; не одобряю; не поможет; нельзя лгать; обманывать; скрывать;

страх быть непонятым; то что иногда может спасти, отрезание рук; друг нае***л на сотку; глаза не врут; очернить (16 р = 6 %)

7. Оценка

плохо (10); во благо (5); это вранье (2); не правильность; неверно; это плохо; это хорошо; может быть прекрасна; подло; необходимость; неотъемлемость; негатив (2); ужас; грязь (29 р = 11 %)

8. Ассоциации

5 по матеше, неправда, без неё никак, везде, да, долой, есть, лод, любая ложь всегда раскроется, нет, нет такого, нет нету, паль, не всегда, правдв, рен тв, типо не правда, ты, у васс, украинская ложь, фу, фуу, хайп, харам, чуть, я гу юнь кинни, wahrheit (27 р = 10,3 %)

В ходе реагирования на стимул «ложь» обнаружилось много отказов, как и на стимул «правда» (см. схему 3, табл. 2). Опора на актуализацию системных отношений в качестве стратегии реагирования является преобладающей среди всех стратегий реагирования на все рассмотренные стимулы, что доказывает наибольшую ее актуальность. Причем частотны обращения не только к оппозиру, но и ряду симиляров экспрессивного и нейтрального типа.

Стратегия персональной субъективизации была востребована редко (3,4 %), связана с именами друзей. Качественная или профессиональная субъективизация также редка, означена наименованиями реальных – *лжец; лох; врач; враг; не я* – и ирреальных – *Дед мороз; динозавр* – фигур. Стратегия опоры на предметизацию может быть квалифицирована как «средневостребованная» (12,1 %). При такой ее актуальности важна широта привлекаемых слов – наименований качеств, свойств, состояний.

Таблица 2

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ДЛЯ ОППОЗИТОВ «ПРАВДА / ЛОЖЬ» В СОПОСТАВЛЕНИИ

Стратегия	Стимул 'правда'		Стимул 'ложь'	
	Объем (раз)	Объем (в %)	Объем (раз)	Объем (в %)
Актуализация системы отношений (оппоз. / сим.)	56	21,3	74	28
Субъективизация персональная	–	–	9	3,4
Субъективизация кач. / проф.	12	5	10	3,8
Предметизация	47	18	32	12,1
Действий, ситуации	10	3,8	16	6
Признак	33	13	8	3,4
Оценка	23	9	29	11
Ассоциации	20	7,6	27	10,3
Отказы	62	24	58	22

Стратегия опоры на признак была мало востребована, реализована с помощью прилагательных, передающих отрицательную оценку. Интересно, что оценочная стратегия как таковая применялась чаще, характер оценки – амбивалентный с перевесом в негативную сторону:

плохо (10); это вранье (2); не правильность; неверно; это плохо; подло; негатив (2); ужас; грязь // во благо (5); это хорошо; может быть прекрасна; необходимость; неотъемлемость (20 р = 7,6 % // 9 р = 3,4 %).

Опора на действия-ситуации выбиралась не очень часто (6 %), но ее реализация вовлекла разговорные глаголы-наименования действия, связанного со стимулом, – *врать* (2); *вру*; модальные высказывания – *не надо*; *не одобряю*; *не поможет*; *нельзя лгать*; *иногда может спасти*, описание ситуаций (в том числе жаргонное) – *отрезание рук*; *друг нае***л на сотку*. Традиционно для описываемого эксперимента разнообразно воплощение

индивидуальных ассоциаций через разговорные выражения и жаргонные слова – *5 по матеше*; *паль*; *хайп*; *харам*; игру слов – *правдв*; *лод*, *я гу юнь кинни*; *у васс*; междометия – *фу*; *фуу*; немецкий оппозит – *wahrheit*. Сигналы «повышенной тревожности» связаны с социальной персонификацией лжи – РЕН ТВ, украинская ложь.

При реагировании на оппозитивные аксиологические стимулы была зафиксирована тенденция опираться на повторы стимула в одиночном варианте или фразовом, однокоренные дериваты и словоформы. Частотность таких опор различна в качественном и количественном отношении (см. табл. 3). В количественном отношении указанный тип реагирования преобладает для стимулов (в порядке убывания) «правда», «добро», «зло». Тенденция не столь активно используется, как, например, в иноязычной аудитории [Тао, 2024], но ее устойчивость указывает на востребованность подобного типа семантизации стимула и несформированность у определенной группы респондентов иных отношений в АВС.

Таблица 3

ПОВТОРЫ СТИМУЛА И ЕГО ДЕРИВАТОВ ПРИ ВЫБОРЕ СТРАТЕГИИ РЕАГИРОВАНИЯ

	Добро		Зло		Правда		Ложь	
Повторы стимула	добро	7	зло	11	правда	10	ложь	3
	доброта	2	злость	2	неправда	5	лжец	
	добрый	2	добро побеждает		говорить правду	2	нельзя лгать	
	добродушее		зло		в правде сила		любая ложь всегда	
	добрый чел				сила в правде брат		раскроется	
	добра нет							
	доброе дело							
	добрые поступки							
Объем	Повтор	7	Повтор	11	Повтор	10	Повтор	3
	Дериваты	7	Дериваты	2	Дериваты	5	Дериваты	1
	Фразы	3	Фразы	1	Фразы	4	Фразы	2
Всего	17		14		19		6	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что фрагменты региональной субъективной аксиологии могут быть представлены в виде моделей, созданных экспериментальным путем с помощью использования стимулов, находящихся в бинарных оппозициях.

Со стимулами «добро / зло», «правда / ложь» в сознании незрелых носителей русского языка связаны наборы смысловых структур пересекающегося типа, которые при реагировании проявляют стратегии семантизации, сходные частично. Последнее проявляется в несимметричности выбора опор опознавания знака на фоне сходных

стратегий, обусловленных частью речи и характером значения стимула.

Для рассматриваемых пар актуальны стратегии выбора единиц узловой парадигматической области (оппозитов / симиляров), персональной субъективизации, профессиональной или социальной субъективизации, предметизации, атрибутирования, оценки, индивидуально-ассоциативного соотнесения.

Стабильные зоны каждой аксиологической области связаны с устойчивостью отношений по симилятивному и оппозитивному, признаковому и предикативному линиям, устойчивостью повторов, дериватов стимулов.

Динамика смысловых областей обеспечивается появлением графических знаков, слов других языков, идеологически окрашенных реакций, не выходящих за границы единичных употреблений, обладающих потенциалом речевой агрессии, социальной или национальной конфликтности.

Различия оппозитивных аксиологических смысловых областей состоят в преобладании значимости области действий, ситуаций у стимулов «добро / зло», отсутствии области персональной субъективизации у стимула «правда», важности области предметизации для стимулов «правда / ложь».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nguyen D. [et al.] Computational Sociolinguistics: A Survey / D. Nguyen, A. S. Doğruöz, C. P. Rosé, F. de Jong // Computational Linguistics. 2016. № 42 (3). P. 537–593.
2. Литвинова Т. А. Стилетрическая идентификация автора. Воронеж: Истоки, 2022.
3. Литвинова Т. А. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 7 (25). С. 6–11.
4. Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания // Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 215–234.
5. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской государственный университет, 2011.
6. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова и др. ; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2019.
7. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. № 1. С. 17–29.
8. Пищальникова В. А. [и др.]. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности / В. А. Пищальникова, З. Г. Адамова, Н. И. Степыкин, А. И. Хлопова / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021.
9. Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–126.
10. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Наука, 2018.
11. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование / Л. О. Бутакова и др. ; под ред. Л. О. Бутаковой и Н. В. Орловой. Омск: Амфора, 2020.
12. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005.
13. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Образ мира сквозь призму оценочной лексики: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1 (59). С. 36–59.
14. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Особенности идентификации слов незрелыми носителями русского языка: трендовое исследование // Вопросы психолингвистики. 2025. № 1 (63). С. 44–62.
15. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
16. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 24–32.
17. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
18. Шапошникова И. В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273.
19. Шапошникова И. В. К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 86–109. DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-86-110.
20. Степыкин Н. Н. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
21. Тао Е. Субъективная семантика слов русского языка в языковом сознании обучающегося билингва: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2024.

REFERENCES

1. Nguyen, D., Doğruöz, A. S., Rosé, C. P., Jong, F. de. (2016). Computational Sociolinguistics: A Survey. Computational Linguistics, 42(3), 537–593.
2. Litvinova, T. A. (2022). Stilemetricheskaja identifikacija avtora = Stylometric identification of the author. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
3. Litvinova, T. A. (2019). Idiolect as an object of corpus idiolectology: towards the formation of a new linguistic direction. Memoirs of Novgorod State University, 7 (25), 6–11. (In Russ.)
4. Zalevskaya, A. A. (2005). Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniya =The meaning of the word and the possibilities of its description. In Zalevskaja A. A. Slovo. Tekst. Izbrannye Trudy (pp. 215–234). Moscow: Gnosis. (In Russ.)
5. Zalevskaya, A. A. (2011). Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta =The meaning of the word through the prism of experiment. Tver: Tver State University. (In Russ.)

6. Pishchalnikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki = Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics / ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
7. Pishchalnikova, V. A. (2020). Eksperimental'noe psiholingvisticheskoe issledovanie znachenija slova: nereshennye problemy = Experimental psycholinguistic study of word meaning: unsolved problems. Proceedings of the Southwest state university Series: Linguistics and Pedagogy, 1, 17–29. (In Russ.)
8. Pishchalnikova, V. A., Adamova, Z. G., Stepykin, N. I., Khlopova, A. I. (2021). Psiholingvisticheskij eksperiment i issledovanie identichnosti = Psycholinguistic experiment and study of identity / Ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
9. Sternin, I. A. (2020). Interpretation problems of associative experiments. Journal of Psycholinguistics, 3 (45), 110–126. (In Russ.)
10. Butakova, L. O., Guts, Ye. N., Kozlovskaya, Ye. A. (2018). Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: kompleksnyj analiz cennostnyh fragmentov jazykovogo soznaniya i institucional'nyh kommunikacij = Childhood in the discursive space of the region: a comprehensive analysis of value fragments of linguistic consciousness and institutional communications. Omsk: Publishing House Science. (In Russ.)
11. Butakova, L. O. et al. (2020). Pozhiloj chelovek v sovremennyh russkojazychnykh diskursah: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie = An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic study / ed. by L. O. Butakova, N. V. Orlova. Omsk: Amphora LLC. (In Russ.)
12. Guts, Ye. N. (2005). Psiholingvisticheskoe issledovanie jazykovogo soznaniya podrostka = Psycholinguistic study of the linguistic consciousness of a teenager. Omsk: Variant-Omsk. (In Russ.)
13. Butakova, L. O., Guts, Ye. N. (2024). Obraz mira skvoz' prizmu ocenочноj leksiki: trendovoe issledovanie = The image of the world through the prism of evaluative vocabulary: a trend study. Journal of Psycholinguistics, 1(59), 36–59. (In Russ.)
14. Butakova, L. O., Guts Ye. N. (2025). Osobennosti identifikacii slov nevzroslymi nositeljami russkogo jazyka: trendovoe issledovanie Features of word identification by non-adult native speakers of the Russian language: a trend study. Journal of Psycholinguistics, 1(63), 44–62. (In Russ.)
15. Karaulov, Y. N. (2010). Associativnaja grammatika russkogo jazyka = Associative grammar of the Russian language. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
16. Tarasov, Ye. F. (2000). Aktual'nye problemy analiza jazykovogo soznaniya = Topical problems of the analysis of linguistic consciousness. In Ufimtseva, N. V. (Ed.), Jazykovoe soznanie i obraz mira. consciousness = Linguistic consciousness and image of the world (pp. 24–32). Collection of articles. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. (In Russ.)
17. Ufimtseva, N. V. (2011). Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' = Language consciousness: dynamics and variability. Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
18. Shaposhnikova, I. V. (2018). Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments). The Siberian Journal of Philology, 3, 255–273. (In Russ.)
19. Shaposhnikova, I. V. (2024). K associativnoj tipologii v kontekste izuchenija jazyka kak dostojanija cheloveka = Towards associative typology in the context of studying language as a human asset. Journal of Psycholinguistics, 3(61), 86–109. (In Russ.)
20. Stepykin, N. N. (2021). Rechevoe dejstvie kak psiholingvisticheskij mehanizm porozhdenija i aktualizacii smysla = Speech action as a psycholinguistic mechanism for generating and actualizing meaning: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
21. Tao, Ye (2024). Subjective semantics of Russian words in the linguistic consciousness of a bilingual learner: PhD thesis in Philology. Omsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутакова Лариса Олеговна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Butakova Larisa Olegovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian Language, Literature and Document Communications
Omsk Dostoevsky State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.06.2025
12.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода

В. А. Пищальникова

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – обосновать положение, согласно которому совокупность признаков предикации между стимулом и реакцией может стать основой алгоритмического анализа ассоциативных полей слов. Теоретическая актуальность исследования связана с необходимостью развития теории речевого действия, начатой работами А.А. Леонтьева, и важностью упорядочения методических процедур анализа массива ассоциатов, имеющихся в современной лингвистике. Автор предлагает использовать в анализе реакций, полученных экспериментальным путем, ряд качественно-количественных индексов, отражающих существенные стороны процесса ассоциирования и значимые связи реакций, выявляющие структуру ассоциативно-вербальной сети. В статье демонстрируется также процедура применения индексов в установлении диахронического изменения содержательных связей между стимулом и реакцией.

Ключевые слова: речевое действие, индекс частотности реализации признака, индекс разнообразия признаков ассоциирования, индекс признаков ассоциирования, ассоциативно-вербальная сеть

Для цитирования: Пищальникова В. А. Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 19–27.

Original article

Associative Field Indexes as Parameters of Speech Action Research: Towards the Formation of a Method

Vera A. Pishchalnikova

INION RAS, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the position according to which a set of predication features between a stimulus and a reaction can become the basis for algorithmic analysis of associative fields of words. The theoretical relevance of the research is related to the need to develop the theory of speech action, initiated by the works of A.A. Leontiev, and the importance of streamlining methodological procedures for analyzing the array of associates available in modern linguistics. The author suggests using a number of qualitative and quantitative indices in the analysis of reactions obtained experimentally, reflecting the essential aspects of the association process and significant connections of reactions, revealing the structure of the associative-verbal network. The paper also demonstrates the procedure of using indices in establishing diachronic changes in the meaningful connections between a stimulus and a reaction.

Keywords: speech action, index of frequency of feature realization, index of diversity of association features, index of association features, associative-verbal network

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2025). Associative field indices as parameters of speech action research: towards shaping the method. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 19–27. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Поиски алгоритма анализа ассоциативных полей (далее АП) слов требуют объединения разрозненных методик их изучения в исследовательский метод. Исследование *признаков ассоциирования*, выявляющих характер предикации между стимулом и реакцией и рассматриваемых, по А. А. Леонтьеву, как речевое действие (далее РД), может составить ядро такого объединения. Актуальность подхода связана, во-первых, с давно осознаваемой необходимостью установления сущности РД как конструктивной составляющей речевой деятельности, во-вторых, с выработкой такого алгоритма анализа данных АП, который позволяет отойти от бессмысленного семантического анализа реакции в отрыве от вызвавшего ее стимула. Такая работа будет способствовать углублению представлений о строении ассоциативно-вербальной сети и факторах, активирующих те или иные ассоциации. В статье доказывается, что количество выявленных признаков ассоциирования (индекс признаков ассоциирования), индекс разнообразия признаков ассоциирования, индекс реализации операций синтаксирования и др. являются важными показателями существенных связей в ассоциативно-вербальной сети и позволяют показать, как можно использовать предлагаемые нами индексы в анализе диахронического изменения содержательных связей между стимулом и реакцией.

Ассоциативный эксперимент (далее АЭ) до сих пор эффективно используется в качестве метода сбора и первичной классификации ассоциативных данных при формировании АП, хотя авторы многих работ говорят о нем как об *исследовательском методе* [Дмитрюк, 2000; Закорко, 2012; Залевская 2014; Уфимцева, 2014; Курганова, 2019; Стернин, 2022]. Но чтобы экспериментальная методика сбора эмпирического материала могла преобразоваться в метод, необходима разработка такой последовательности приемов и операций анализа ассоциативных данных, которая в результате приводила бы к установлению *существенных* свойств РД как основной составляющей речевой деятельности, т. е. структурировала бы и направляла процесс познания психолингвистических закономерностей бытия слова. Это позволяет, с одной стороны, обеспечивать надежность и воспроизводимость анализа АП, с другой – варьировать последовательность приемов в зависимости от целей исследования, создавая новые методики. В алгоритмичности приемов и операций, образующих метод, фиксируются закономерности определенной проблемной области, и применимость / неприменимость алгоритма к определенному материалу может свидетельствовать как о его презентативности, так и правильности постановки теоретической проблемы.

Одним из важнейших методологических положений теории речевой деятельности является то, что *интерпретация значения ассоциатов вне их связи со стимулом* научного результата не дает, поэтому необходимо исследовать параметры АП, важные для установления содержания и специфики различных психолингвистических категорий, для выявления их сущности, закономерностей психологически актуального функционирования единиц языка, опираясь на анализ предикативных отношений между стимулом и реакцией.

Нужно такое описание смысловых и количественных отношений между реакциями АП, которое демонстрирует не только *частотность* тех или иных способов фиксации смыслов, актуальных для человека, но также способы их вербального представления, что дает возможность прогнозировать тенденции развития значения стимула, расширение контекстов его употребления и др. Сделать это без детального исследования отношений ассоциатов внутри АП невозможно. Если мы говорим об АП как материале для моделирования ассоциативно-вербальной сети индивида, необходимо *найти универсальные параметры объединения реакций в такой сети*. Они должны выделяться на основе строгих процедур и не менее строго контролироваться в эксперименте. Конечно, всю совокупность факторов, обуславливающих ассоциирование, верифицировать в одном, даже многоэтапном эксперименте, невозможно [Пищальникова, 2020], как невозможно и создание общей модели, объединяющей все параметры, в силу стохастичности процесса порождения РД и принципиально бесконечной ассоциативности индивида. Но чем больше будет установлено таких параметров, тем шире будут теоретические возможности анализа разных психолингвистических проблем на базе материала АП, поэтому его структура должна задаваться, по крайней мере, *контролируемыми* параметрами. При этом нужно подчеркнуть, что говорящий в процессе порождения РД руководствуется не теоретическими представлениями о языке как механизме, а речевым опытом применения определенных типов *речевых действий* в известных ему коммуникативных ситуациях [Карданова-Бирюкова, 2023]. В АЭ испытуемые практически полностью свободны от коммуникативных условий (за исключением требования вербальности реагирования), и потому при ассоциировании наиболее очевидно проявляются индивидуальные умения и предпочтения индивида, в том числе в области использовании определенных операций при продуцировании речи. Актуальный, психологически значимый для индивида смысл представляется в конкретном РД – ментальной операции порождения такого смысла. Любое высказывание предсказывает

ситуацию, в которой субъект производит осмысленное действие или неосознаваемую операцию, при этом восприятие свойств объекта слушающим во многом зависит именно от эффективности РД говорящего.

До сих пор почти единственным основанием структурирования АП в большинстве работ является частотность ассоциатов, которая, естественно, не отражает всех признаков предикации в РД, а между тем именно толкование таких признаков ведет к установлению мотива речевой деятельности – проблемы, фундаментальной для психологии и психолингвистики.

Системный анализ ряда индексов, разработанных американскими учеными и примененных к характеристике АП русской лингвокультуры, дает значимые результаты при смысловой интерпретации ассоциатов [Степыкин, 2016; Степыкин, 2021; Ассоциативный эксперимент..., 2019; Пищальникова, Степыкин, 2024].

В настоящем исследовании автор на основе многолетней работы с данными АЭ вводит еще несколько индексов, выявляющих отношения между ассоциатами в составе АП, и предлагает последовательность применения приемов их анализа, позволяющих говорить об АЭ как *исследовательском методе*.

ИССЛЕДОВАНИЕ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АССОЦИАТИВНЫХ ДАННЫХ

С целью установления роли связей ассоциатов в АП для определения сущности и динамики механизма РД предлагаем учитывать следующие параметры АП, как уже используемые в психолингвистике [Nelson, Schreiber 1992; Nelson, Bennett, Leibert, 1997], так и предложенные нами [Пищальникова, 2020; Степыкин 2021].

Частотность реакции как отношение количества лексем-реакций к общему количеству компонентов АП в *выборке* определяет значимость лексемы-ассоциата в структуре АП. Частотность – это по сути проявление операциональности (неосознаваемости) владения единицами языковой системы и их связями. Как правило, такие реакции не представляют индивидуальных смыслов, за исключением реализации смыслов в научном дискурсе, и активируют разного рода устойчивые отношения единиц языка, фиксирующие их intersubъектные содержания: *небо – голубое*. Мы уже отмечали, что данный параметр используется в анализе АП практически как единственный. О частотности реакции идет речь в *совокупном индексе яркости значения* В. В. Левицкого и И. А. Стернина [Левицкий, Стернин, 1989] в применении к анализу АП, но авторы устанавливают не соотношение

определенных реакций, актуализировавших тот или иной компонент значения, а отношение количества испытуемых, вербализовавших определенную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых [Стернин, 2022].

Важным показателем отношений компонентов ассоциативно-вербальной сети является количество выявленных признаков ассоциирования, опирающееся и на единичные реакции. С целью формализации этого компонента предлагаем ввести понятие **индекса признаков ассоциирования** как отношения количества признаков ассоциирования к общему количеству компонентов АП. Этот индекс дает представление об основных тенденциях предсказания, связанных с определенным стимулом.

Кроме того, важным параметром анализа АП может стать **индекс частотности реализации признака** ассоциирования как отношение количества реакций, реализующих его, к общему количеству компонентов АП. Предположим, что признак «положительные свойства характера» в АП стимула *бабушка (добрая 7, доброта 3, умная 2, славная 2)* актуализируется в 14 ассоциатах из 100; в этом случае индекс частотности реализации признака составит 0,14.

Разнообразие признаков ассоциирования связывается с устойчивостью механизма продуцирования РД; изменение соотношения форм, реализующих это разнообразие, в сторону активизации какой-то одной (или нескольких), свидетельствует и об изменении самого механизма производства речи, или, по крайней мере, об изменении уровня языковой компетентности индивида, а в определенных культурных условиях – и языкового сообщества в целом. При этом проявляется тенденция: чем выше такой индекс, тем стереотипнее реакции в АП и тем реже РД, в рамках которого они представлены, реализует индивидуальный смысл. Например, анализ признаков на стимул *бабушка* выявляет 13 признаков ассоциирования по данным САНРЯ¹ и 12 – по данным ЕВРАС², причем индексы признаков ассоциирования и характер их разнообразия, как покажем далее, различаются.

Индекс разнообразия ассоциатов давно используется в исследовании АП, но он требует уточнения. Обычно под «степенью разнообразия реакций» понимается количество разных лексем-реакций по отношению к общему количеству реакций. Но такое соотношение не является показательным, поскольку

¹В современной отечественной психолингвистике САНРЯ – общепринятое сокращение «Словаря ассоциативных норм русского языка / под редакцией А. А. Леонтьева; Институт русского языка им. А. С. Пушкина. М.: Изд-во Московского университета, 1977.

²В современной отечественной психолингвистике ЕВРАС – общепринятое сокращение издания: Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): в 2 т. М.: Моск. междунар. академия, 2018. Т. 1: От стимула к реакции.

разные лексемы могут реализовать один и тот же смысловой признак ассоциирования, хотя характер синтаксирования в РД стимул – реакция может быть разным: *бабушка – любимая 4, дорогая, любить, любовь* и под. Поэтому мы предлагаем ввести индекс **разнообразия признака ассоциирования** как отношение количества *разных* ассоциатов, реализующих определенный смысловой признак, к числу *всех* ассоциатов, реализующих данный признак. Чем выше такой индекс, тем частотнее / стандартнее реакция, тем более она операциональна, например, на слово *белый* получена 231 реакция *черный* из 600, следовательно, признак «антонимические отношения лексем как единиц языка» реализован в 231 случаях из 231 реакции, и индекс разнообразия этого признака ассоциирования равен 1. В другом случае признак «атрибутирование объекта предикации по признаку “возраст”» представлен реакциями *старая 78, старенькая 56, старушка 21, старуха 6, старость 5, старая женщина 2, ей 70 лет, пожилой человек, престарелый человек, старушонка, старый*, и индекс разнообразия этого признака ассоциирования ≈ 0.278 .

Значимость предлагаемого **индекса реализации операций синтаксирования** определяется работами Н. И. Степыкина [Степыкин, 2021], который, вслед за А. А. Леонтьевым и Т. В. Рябовой-Ахутиной, считает, что полный цикл продуцирования РД на основе операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования свидетельствует о нормальном речепорождении; отсутствие поверхностного синтаксирования – о «сбоях» в механизме продуцирования РД. Анализ характера синтаксической связи между стимулом и реакцией с учетом модели речепорождения А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой-Ахутиной [Ахутина, 2007] позволил Н. И. Степыкину охарактеризовать три основных типа РД: полного цикла синтаксирования, топик-коммент структуры и синтаксические примитивы [Караулов, 2002]. Все три последовательные операции синтаксирования с преобладанием поверхностного синтаксиса образуют РД полного цикла синтаксирования (например, *бабушка старая, бабушка наша; бабушка в платке; бабушка далеко; бабушка вяжет; бабушка надвое сказала*). В процессе формирования топик-коммент структур реализуются смысловое и семантическое синтаксирование (например, *бабушка – дедушка; бабушка – внучка; бабушка – очки*), а в синтаксических примитивах – только смысловое (например, *бабушка – держаться; бабушка – Ленинград; бабушка – читать*). Доминирование той или иной операции синтаксирования при продуцировании РД определяется прежде всего уровнем языковой компетентности индивида и полностью согласуется с концепцией «соперничества» трех типов синтаксиса, которая разделяется зарубежными и отечественными

психологами и психолингвистами [Ахутина, 2022; Bates, 1976; Bruner, 1975; Bruner, 1984]. Индекс реализации операций синтаксирования – это соотношение количества операций определенного типа к общему количеству РД, представленных в АП (количеству ассоциатов в АП).

Для последовательного представления этапов реализации ассоциативного метода мы намеренно берем АП слова, которое обозначает ядерное понятие лингвокультуры, – *бабушка*. Для демонстрации метода содержательная устойчивость понятия является необходимым условием предполагаемой стабильности ассоциатов. Это позволяет считать, что доминантные признаки ассоциирования радикально не изменятся, но возможно изменение их разнообразия, частотности, характера синтаксических операций.

В перспективе необходимо продемонстрировать предлагаемый метод на разных группах ассоциатов и сравнить данные АП, полученные от респондентов разного возраста. Пока же мы основываемся на данных САНРЯ и ЕВРАС, издание которых разделено более чем сорока годами, но подавляющее большинство респондентов, на основе реакций которых составлялись словари, – это люди в возрасте от 17 до 25 лет с полностью сформированной языковой способностью и социально активные, что позволяет надеяться на получение широко разветвленной ассоциативно-вербальной сети. Анализируя АП разного временного среза, можно говорить о тенденциях изменения механизма продуцирования РД. Так, в частности, экспериментально доказано, что в настоящее время в русской лингвокультуре уменьшается количество РД полного цикла синтаксирования и растет число топик-коммент структур и синтаксических примитивов [Степыкин, 2021].

Произведем анализ данных АП *бабушка*, опуская анализ частотности ассоциатов и их разнообразия, поскольку эти показатели указаны в словарной статье, и акцентируя этапы исследования, которые в итоге дают существенное представление о характере структуры АП и РД.

Таким образом, мы предлагаем анализировать АП, применяя такую последовательность приемов: (1) выделение *количества признаков ассоциирования* в изучаемом АП; определение индекса признаков ассоциирования, (2) характеристика *частотности* ассоциатов, представляющих тот или иной признак; установление индекса частотности реализации признака; (3) характеристика *разнообразия* реализации выделенного признака; определение индекса разнообразия признака ассоциирования; (4) характеристика продуцирования РД; вычисление индекса реализации

операций синтаксирования. Эти параметры представляются необходимыми для первичной обработки связей ассоциатов внутри АП. Совокупность и последовательность этих приемов, приводящая к установлению существенных параметров АП и РД, может быть названа **методом признакового анализа** АП.

Продemonстрируем последовательность применения предложенных процедур на анализе АП *бабушка* (САНРЯ). Выделим признаки ассоциирования лексемы.

1. Антонимическое отношение лексем как единиц языка (*дедушка* 204; цифра рядом с лексемой-реакцией указывает на их количество в АП). Признак ассоциирования (= основание предикации) в данном случае актуализирует системные языковые отношения компонентов РД и демонстрирует операциональность, неосознаваемость реакции, что поддерживается ее частотностью. Частотность *ассоциата* совпадает здесь с частотностью реализации *признака предикации (ассоциирования)*, что дает предельно высокий индекс = 1 и говорит о доминировании признака в структуре АП.

Индекс разнообразия признака ассоциирования (далее РПА) в данном случае очень низкий – $\approx 0,005$, поскольку в АП 204 одинаковые реакции из 204, актуализировавших выделенный признак. Это свидетельствует о самой высокой степени стереотипности реакции и одновременно об операциональном характере РД.

Значение индекса РПА теоретически может находиться в промежутке от 0 до 1, и чем он выше, тем индивидуальнее представляется выделенный признак в структуре АП.

2. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**возраст**»: *старая* 78, *старенькая* 56, *старушка* 21, *старуха* 6, *старость* 5, *старая женщина* 2, *ей 70 лет*, *пожилой человек*, *престарелый человек*, *старушонка*¹, *старый*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,278$ существенно ниже, чем в первой группе, что указывает на меньшую важность выделенного признака в АП, а индекс РПА ниже единицы – 0,064, что указывает на малое разнообразие представления признака ассоциирования. При этом в анализе учитываются в качестве отдельных как все разные словоформы одной лексемы (поскольку они образуют разные РД), так и однокорневые слова.

3. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**положительные свойства характера**»: *добрая* 35, *доброта* 2, *умная* 2, *добренькая*, *добрость* (так у испытуемого. – В. П.), *добрый*, *самая добрая*, (*толстая и*) *добрая*; *милая*, *ласковая*, *ласка*, *башка*, *отношение ее*, *тихая*, *труженица*, *гостеприимная*,

¹Подчеркнутые ассоциаты содержат значимый коннотативный эмоциональный компонент.

держаться. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,085$ ниже, чем у предыдущего признака, что отражает еще меньшую его значимость в структуре АП. Вместе с тем индекс РПА выше, чем в предыдущей группе, – 0,32.

4. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**эмоционально-оценочное отношение к объекту предикации**»: *моя* 28, *хорошая* 14, *любимая* 4, *наша* 2, *родная*, *дорогая*, *любить*, *любовь*, *счастье* *иметь бабушку*, *тепло*, *близкий друг*, *надежда*, *скверная*, *моя бабушка*, *наша*, *это не дедушка*, *отличная*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,1$; индекс РПА – 0,28.

5. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**внешние признаки объекта**»: *седая* 8, *очки* 7, *в платке* 4, *морщины* 3, *седина* 2, *в длинной юбке*, *в очках*, *толстая (и добрая)*, *в платочке*, *низенькая*, *розовая и седая*, *рыхлое*, *лицо*, *девочка*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,055$ ниже, но при этом индекс РПА выше – 0,471, что указывает на важность внешних признаков объектов при их восприятии.

6. **Смежность объектов**: *блины*, *грипп*, *дом*, *Киев*, *Ленинград*, *молоко*, *сказка*, *читать*, *школа*, *деревня*, *дерево*, *улица*, *соседка*, *газета*, *хорошо*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,024$; индекс РПА – 1,0, что в данном случае свидетельствует о единичности всех реакций.

7. **Смерть и приближение смерти**: *умерла* 4, *ушла* 2, *болеет*, *больная*, *гроб*, *нет*, *нет у меня*, *смерть*, *умереть*, *умрет скоро*, *царство ей небесное*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,024$; индекс РПА – 0,8.

8. **Родственная связь**: *родственник* 3, *предки* 2, *внучка*, *внуки*, *дед*, *дедьянка*, *дедушке*, *двоюродная*, *мама*, *тетя*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,021$; индекс РПА – $\approx 0,8$.

9. **Признак действия, выполняемого объектом предикации**: *вяжет* 2, *рассказывала*, *вспомнила*, *придет*, *ругает*, *ругается*, *сердится*, *встречать*, *читать*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,016$, индекс РПА – 0,8.

10. **Номинации** конкретных людей: *Васильевна*, *Надя*, *Наташа*, *Юркина*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,006$, РПА – 1.

11. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**отрицательные свойства характера**»: *злая*, *крик*, *палец*. Индекс частотности $\approx 0,005$, РПА – 1.

12. Ассоциат *надвое сказала* относится к числу операциональных реакций, при которых неосознаваемо актуализируются системные языковые связи. Индекс частотности $\approx 0,002$, РПА – 1.

13. Неоднозначно интерпретируемые признаки: *квартира*. Индекс частотности $\approx 0,002$, индекс РПА – 1.

Некоторые ассоциаты могут быть интерпретированы на основе разных оснований предикции. Так, на основе устойчивых стереотипных культурологических ассоциаций выделяется группа реакций, связанных со сказочным образом бабушки из «Красной Шапочки» Ш. Перро: *красная шапочка, сказка, пирожки, вяжет, вязание, спицы, в платочке, в очках, розовая и седая, платочек, в длинной юбке*. Такая интерпретация возможна потому, что на деле респонденты не соотносят образы реальных бабушек с перечисленными признаками. Показательно, что и в ЕВРАС, спустя сорок лет, в 2,4 % ассоциатов реализуется тот же устойчивый образ сказочной бабушки, подкрепленный иллюстрациями к сказке Ш. Перро: *пирожки, с пирожками, волк, пироги, клюка, пряжа, плед* и др. Вместе с тем в ЕВРАС отмечены реакции, связанные с другими сказками и явлениями массовой культуры: *Яга* (персонаж русского фольклора Баба Яга), *гуси* (песня М. Клоковой-Лапиной и М. Красева «Жили у бабуси...»), *рядышком, рядышком с бабушкой* (песня И. Резника и Р. Паулса «Бабушка рядышком с дедушкой»), *бэтмэн* и др.

Таким образом, на основе анализа отношений между стимулом и реакцией выделено 12 однозначно интерпретируемых признаков ассоциирования и, следовательно, индекс (количества) признаков ассоциирования составляет $12: (622-1) = 0,019$. Установлена зависимость между выделенными индексами: чем ниже индекс частотности признака, тем выше индекс его разнообразия, что связано с репрезентацией низкочастотных признаков в единичных реакциях.

При сопоставлении показателей разных полей для получения значимых индексов необходимо сделать выборку из разных АП.

Проанализируем признаки ассоциирования лексемы *бабушка*, по данным ЕВРАС, чтобы проверить выявленные зависимости между индексами и установить динамику их значимости в структуре АП.

1. Словарь отражает изменение доминирующего основания ассоциирования: на первое место выходит атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**возраст**»: *старая 43, старушка 19, старость 12, старенькая 6, возраст 3, старуха 2, молодая 2, в третьем поколении, пожилая, пожилая женщина, престарелый, старики, старейшина, старушки, человек в возрасте*, при этом наиболее частотные ассоциаты совпадают с реакциями, реализующими тот же признак в САНРЯ, – *старая, старенькая, старушка*, а лексические различия незначительны. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,176$, индекс разнообразия признаков ассоциирования $\approx 0,158$ в целом указывают на высокую стереотипность реакций.

2. **Антонимическое отношение** лексем *бабушка* – *дедушка* демонстрирует операциональность реакции *дедушка 90*. Индекс частотности реализации признака в АП $\approx 0,166$, индекс РПА – 1. Частотность ассоциата в данном случае тоже совпадает с частотностью признака предикации и свидетельствует о высшей степени стереотипности реакций, т.е. об операциональном характере РД и его доминирующей значимости в структуре АП.

3. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**положительные свойства характера**»: *добрая 24, доброта 11, добро 6, заботливая 2, мудрая 2, мудрость 2, веселая, доброе, добрый, ласка, выдержка, строгая, спокойная, порядок*. Индекс частотности реализации признака высокий $\approx 0,1$, индекс РПА $\approx 0,25$, что также говорит о стереотипности реакций.

4. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**внешние признаки объекта**»: *платок 7, очки 3, в платке, платочек, седая, сморщенный*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,03$ значительно ниже, чем в предыдущей группе, индекс РПА данного признака $\approx 0,43$. Изменяется частотность реализации признака, частотность отдельных ассоциатов, резко падает разнообразие реакций по сравнению с данными САНРЯ.

5. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**эмоционально-оценочное отношение к объекту предикации**»: *любимая 25, моя 21, родная 17, тепло 8, любовь 3, люблю 3, родня 3, дорогая 2, родное 2, злая 2, рева 2, близкий человек, богиня, любимая бабушка, милая, моя любовь, мягко, не забалуешь, черт, переживание, плакать, радость, самое дорогое, святое, сила, хорошая, это всё*. Индекс частотности реализации признака – 0,199; индекс разнообразия ассоциатов, реализующих признак, – 0,269. Индекс частотности реализации признака, по сравнению с САНРЯ, увеличился практически вдвое, что говорит об увеличении значимости признака в общей структуре АП, при этом разнообразие признака ассоциирования остается практически тем же, и это свидетельствует о стереотипности части реакций и об устойчивости ядерных ассоциатов, реализующих признак, что вполне объясняется отнесением исследуемого слова к номинирующим базовые понятия лингвокультуры. Вместе с тем отметим появление относительно значительного числа реакций (19 % по сравнению с 1,6 % в САНРЯ), выражающих негативное отношение к объекту предикации (*злая 2, рева 2, черт*).

6. **Смежность объектов**: *деревня 14, блины 3, блинчики 2, вязание 2, детство 2, дом 2, носки 2, уют 2, борщ, булки, варенье, вишневый пирог, зима, клюка, конфеты, няня, огород, одуванчик, ослик*,

пирожки с вишней, пряжа, вязание, клубок, семечки, сказки, суп, творчество, трость, плед, болеть, лавка, память. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,098$, индекс РПА – 0,6, что показывает усиление стереотипности реакций (*деревня 14, блины 3* и др.): в САНРЯ все ассоциаты, реализующие этот признак, отмечены как единичные.

7. **Родственная связь:** *родственник 10, семья 4, внучка, внук, внука, дед, и дедушка, дедушки, родня, кровь, мама, папа, теща, родство.* Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$, свидетельствующий о небольшом увеличении значения этого признака в структуре АП по сравнению с САНРЯ; индекс РПА – $\approx 0,538$ указывает на повышение стереотипности реакций.

8. **Смерть и приближение смерти:** *умерла 3, нет.* Индекс частотности реализации признака $\approx 0,007$; РПА – 0,5 говорят о резком падении частотности признака ассоциирования и сохранении высокой стереотипности признака разнообразия ассоциатов.

9. **Признак действия, выполняемого объектом предсказания:** *спит, болеет, вкусно готовит, готовит, ест, звонит, накормит, стряпает.* Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$; индекс РПА – $\approx 0,538$, что демонстрирует значимое увеличение стереотипности реакций. Подтверждается зависимость между индексами, установленная в анализе данных САНРЯ; отметим, что содержательно большинство реакций связано только с физиологическим состоянием объекта, названного стимулом. Разнообразие признаков ассоциирования существенно падает.

10. Номинации конкретных людей: *Маша, Ани-сья, Зина, Ира, Настя, Тамара, В. И. Астафьева, друга, Кузьмы, Гэтман.* Индекс частотности реализации признака $\approx 0,018$; индекс РПА – 1,0.

11. Культурологические ассоциации: *Яга, с пирожками, пирожки, пироги, волк, рядышком, рядышком с бабушкой, гуси.* Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$; индекс РПА – $\approx 0,538$.

12. Операциональные реакции: *бабушка, Grand-mother* с индексом частотности реализации признака $\approx 0,048$ и индексом РПА – $\approx 0,538$ говорят о низком уровне языковой компетентности конкретных испытуемых, которые или вообще не производят ассоциирования, или осуществляют операциональную связь со знаком другого языка, номинирующим стимул.

13. Неоднозначно интерпретируемые реакции: *дорога / дорога* (письменная форма реакции не позволяет однозначно интерпретировать ее содержание), *почета, чертополох, убийца, бэтмэн.*

Проведенный анализ признаков позволяет установить индекс признаков ассоциирования стимула *бабушка*, по данным ЕВРАС: $12:(622-5) \approx 0,019$.

Индекс реализации операций синтаксирования в связи с ограниченностью объема статьи по исследуемым данным приводиться не будет, но он рассчитывается без затруднений и также является необходимым этапом предварительного описания АП при решении любой исследовательской задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотеза о том, что количество признаков ассоциирования, выявленных в составе АП, а также индексы частотности и РПА находятся в закономерных связях и являются существенными параметрами ассоциативно-вербальной сети, доказана. Особенно значимы перспективы использования этих индексов в анализе диахронического изменения оснований предсказания. Устойчивость индекса признаков ассоциирования свидетельствует о структурной устойчивости исследованного АП. Вместе с тем качество и иерархическая последовательность признаков в структуре АП изменяется, индексы снижают / повышают свои числовые значения, свидетельствуя о разной степени снижения РПА и, следовательно, об увеличении стереотипности реакций и количества операциональных реакций.

Таким образом, метод признакового анализа АП включает последовательную реализацию таких исследовательских приемов: (1) моделирование АП по параметру частотности ассоциатов; (2) установление количества признаков ассоциирования в АП на основе интерпретации отношений предикации между стимулом и реакцией; определение индекса признаков ассоциирования, (3) характеристика частотности реакций, фиксирующих тот или иной признак предсказания (ассоциирования); определение индекса частотности реализации конкретного признака; (4) анализ разнообразия реализации выделенного признака; определение индекса РПА; (5) выявление специфики продуцирования РД; вычисление индекса реализации операций синтаксирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриук Н.В. Ассоциативные портреты-характеристики представителей русского и казахского этносов // Языковое сознание и образ мира: сборник научных статей. 2000. С. 248–260.

2. Загорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 105–109.
3. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова. М.-Берлин: «Директ-Медиа», 2014.
4. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9. С. 340–346.
5. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (4). С. 24–37.
6. Стернин И.А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2022. №1(51). С.112–121.
7. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 1. С. 17–30.
8. Карданова-Бирюкова К. С. Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 49–56.
9. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 3. 2016. № 3. С. 110–115.
10. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127.
11. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В.А. Пищальникова и др. ; под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2019.
12. Пищальникова В.А., Степыкин Н. И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психолингвистические параметры анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 3. С. 6–16.
13. Nelson D. L., Schreiber T. A. Word concreteness and word structure as independent determinants of recall // Journal of Memory and Language. 1992. № 31. P. 237–260.
14. Nelson D. L., Bennett D. J., Leibert T. W. One step is not enough: Making better use of association norms to predict cued recall // Memory & Cognition. 1997. № 25. P. 785–796.
15. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1989.
16. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. №6. С. 13–27.
17. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. С. 750–782.
18. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л.С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 7–27.
19. Bates E. Language and Context: The Acquisition of Pragmatics. New York: Acad. Press, 1976.
20. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // Journal of Child Language, 1975. Vol. 2. № 1. P. 1–9.
21. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // Psycholinguistics. Moscow: Progress, 1984. P. 21–49.

REFERENCES

1. Dmitrjuk, N. V. (2000). Associative portraits-characteristics of representatives of Russian and Kazakh ethnic groups (pp. 248–260): Jazykovoje soznanie i obraz mira: sbornik nauchnyj statej (In Russ.)
2. Zakorko, S. V. (2012). Free associative experiment as the main method of psycholinguistic research. The Science of the person: humanitarian researches, 1(9), 105–109. (In Russ.)
3. Zalevskaja, A. A. (2014). What's behind the word? Questions of the interface theory of the word. Moscow – Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
4. Ufimceva, N. V. (2014). Associative dictionary as a model of the linguistic worldview. Proceedings of Irkutsk State Technical University, 9, 340–346. (In Russ.)
5. Kurganova, N. I. (2019). Associative experiment as a method of studying the meaning of a living word. Journal of Psycholinguistics, 3(4), 24–37. (In Russ.)
6. Sternin, I. A. (2022). Lexicographic and experimental description of linguistic meaning. Journal of psycholinguistics, 1(51), 112–121. (In Russ.)

7. Pishchal'nikova, V. A. (2020). Experimental psycholinguistic study of the meaning of a word: unresolved problems. *Proceedings of the South-West state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 10 (1), 17–30. (In Russ.)
8. Kardanova-Birjukova, K. S. (2023). Semiosis of natural communication: determinants in variability. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 49–56. (In Russ.)
9. Stepykin, N. I. (2016). Associative field: a product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word. *Proceedings of the South-West state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 3, 110–115. (In Russ.)
10. Stepykin, N. I. (2021). The potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Scientific Dialogue*, 8, 112–127. (In Russ.)
11. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2019). *Assosiativnyj jeksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki* = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Ed. by V. A. Pishchal'nikova. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
12. Pishchal'nikova, V. A., Stepykin, N. I. (2024). Speech action as a semantic component of communication: psycholinguistic parameters of analysis. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(3), 6–16. (In Russ.)
13. Nelson, D. L., Schreiber, T. A. (1992). Word concreteness and word structure as independent determinants of recall. *Journal of Memory and Language*, 31, 237–260.
14. Nelson, D. L., Bennett, D. J., Leibert, T. W. (1997). One step is not enough: Making better use of association norms to predict cued recall. *Memory and Cognition*, 25, 785–796.
15. Levickij, V. V., Sternin, I. A. (1989). *Jeksperimental'nye metody v semasiologii*. = Experimental methods in semasiology. Voronezh: Izdatel'stvo VGU. (In Russ.)
16. Ahutina, T. V. (2007). The Leontiev–Ryabova speech generation model: 1967–2005. *Journal of Psycholinguistics*, 6, 13–27. (In Russ.)
17. Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkij assosiativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza jazykovoj sposobnosti* = Russian Associative Dictionary as a new linguistic source and a tool for analyzing linguistic ability. In Karaulov, Yu. N. et al. *Russian Associative Dictionary* (vol. 1, pp. 191–218): in 2 vols. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)
18. Ahutina, T. V. (2022). The Vygotsky School Model of Speech generation: fundamentals and verification. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 164(1-2), 7–27. (In Russ.)
19. Bates, E. (1976). *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics*. New York, Acad. Press.
20. Bruner, J. S. (1975). The ontogenesis of speech acts. *Journal of Child Language*, 2(1), 1–19.
21. Bruner, J. S. (1984). The ontogenesis of speech acts. In *Psycholinguistics* (pp. 21–49). Moscow: Progress.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета
главный научный сотрудник ИНИОН РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University
Chief Researcher at INION RAS

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.06.2025
14.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Значимость и содержательная специфика базовой ценности «любовь»: экспериментальное исследование

Н. И. Степыкин

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nick1086@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить степень значимости и психологически актуальное содержание базовой ценности «любовь» на основе разработанной нами комплексной экспериментальной методики, предполагающей три этапа исследования: опрос, ранжирование и свободный ассоциативный эксперимент. По данным опроса, ценность «любовь» занимает третье место в списке, содержащем 35 базовых ценностей. Эксперимент на ранжирование позволил установить весомость ценности «любовь» и подтвердить достоверность и валидность результатов опроса. Анализируя признаки предиктирования и вероятность продуцирования речевых действий в составе полученных в обследованных городах ассоциативных полей «любовь», мы пришли к выводу об актуальности признака предикации «субъекты и объекты любви» и о сближении содержания ценностей «любовь» и «семья» в сознании россиян.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, опрос, ранжирование, речевое действие, признак предиктирования, базовая ценность «любовь»

Для цитирования: Степыкин Н. И. Значимость и содержательная специфика базовой ценности «любовь»: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 28–34.

Original article

The Significance and Meaningful Specificity of the Basic Value of “Love”: Experimental Research

Nikolay I. Stepykin

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nick1086@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to identifying the degree of significance and psychologically relevant content of the value of “love”. The study is based on a specially designed complex experimental procedure which includes a survey, ranking and a free association test. According to the survey, love is the third basic value in the list of 35 names. The ranking experiment revealed the importance of the value of “love” and confirmed the reliability and validity of the survey results. Analyzing the predication features and the probability of producing speech actions in the association fields of love obtained in the studied cities we came to the conclusion about the relevance of the predication feature “subjects and objects of love” and the convergence in the content of such values as “love” and “family” in the minds of Russians.

Keywords: association experiment, survey, ranking, speech action, predication feature, the basic value of “love”

For citation: Stepykin, N. I. (2025). The significance and meaningful specificity of the basic value of “love”: experimental research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 28–34. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных направлений работы лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета (далее МГЛУ) является изучение психологического значения базовых ценностей России. В настоящее время опубликованы ассоциативные словари базовых ценностей и морально-этических категорий¹, обоснована методология психолингвистического исследования базовых ценностей [Пищальникова, 2019], рассмотрены параметры анализа и интерпретации речевого действия на материале ассоциативных данных [Пищальникова, 2020; Степыкин, 2024], а также проводятся исследования психологически актуального содержания аксиологических единиц [Ладоса, Хлопова, 2021; Хлопова, Ладоса, 2021].

В 2024 году сотрудниками лаборатории психолингвистики разработана карта базовых ценностей России. Данные по каждому из девяти обследованных городов РФ (Москва, Тверь, Курск, Брянск, Киров, Барнаул, Якутск, Мирный и Нерюнгри), отраженные на карте, включают информацию об иерархии базовых ценностей (по данным опроса и ранжирования), а также сформированные в результате свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ) ценностные поля.

Цель нашего исследования – установить значимость и психологически актуальное содержание ценности «любовь» для россиян на основе эмпирических данных, собранных в рамках работы над проектом «Интерактивная карта базовых ценностей России». Материал исследования получен в результате трех взаимосвязанных экспериментальных этапов. Опрос (2000 заполненных анкет), проведенный на первом этапе в письменной форме, позволил выявить десять наиболее важных ценностей для жителей разных регионов РФ. Вторым этапом стал эксперимент на ранжирование (2500 бланков), позволивший установить степень значимости ценности «любовь». На третьем этапе в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента (2500 бланков) были сформированы ассоциативные поля (далее АП), отражающие психологическое содержание анализируемого слова-стимула. Общее количество участников проведенных экспериментальных процедур составило 7 тыс. человек, большинство из которых являются студентами российских вузов. Анализ вероятности актуализации

речевых действий в составе сформированных в различных городах РФ ассоциативных полей «любовь» применяется с целью выявления универсальных признаков предсказания, отражающих психологически актуальное содержание базовой ценности «любовь».

Научная новизна исследования состоит в разработке междисциплинарного подхода к исследованию ценностей, интегрирующего достижения теории речевой деятельности и современных лингвистических парадигм, а также в получении новых данных о степени значимости и специфике психологического содержания базовой ценности «любовь» в сознании россиян.

Практическая ценность работы заключается в том, что разработанный нами исследовательский подход может быть использован для изучения специфики психологического содержания базовых ценностей различных лингвокультур, а полученные результаты могут быть использованы при создании тезауруса или карты базовых ценностей различных регионов России и мира, а также для совершенствования учебных курсов по психолингвистике, лингвоаксиологии, ассоциативной лексикографии.

ЗНАЧИМОСТЬ ЦЕННОСТИ «ЛЮБОВЬ», ПО ДАННЫМ ОПРОСА И ЭКСПЕРИМЕНТА НА РАНЖИРОВАНИЕ

Первым этапом исследования стал опрос. Согласно инструкции, участники опроса должны были выбрать 10 наиболее важных ценностей из 35 наименований: безопасность, богатство, вера, власть, гармония, демократия, деньги, доверие, достаток, дружба, жизнь, здоровье, интеллект, истина, комфорт, любовь, милосердие, патриотизм и др. Список был составлен на основании Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809², а также сравнения и объединения данных социологии [Rokeach, 1973; Рындина, 2021], социальной психологии [Rohan, 2000; Schwartz, 1994; Schwartz, 2012; Refining the theory of basic individual values, 2012], философии [Момджян, 2015], лингвистики [Карасик, 2002; Арутюнова, 1988] и психолингвистики [Пищальникова, 2020].

¹См.: Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова и др. М.: Спутник+, 2020; Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск: Университетская книга, 2020; Пищальникова В. А., Хлопова А. И., Адамова З. Г. Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Наука, 2024.

²Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.04.2025).

Результаты опроса о значимости ценности «любовь»

По данным опроса, в каждом из обследованных городов, любовь является одной из важнейших базовых ценностей россиян (см. табл. 1).

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ РФ О ЗНАЧИМОСТИ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ «ЛЮБОВЬ»

Город	Доля опрошенных, выбравших любовь в списке из 35 базовых ценностей, %	Место в списке по итогам опроса
Москва	71	2
Тверь	67,2	2
Курск	65,1	3
Брянск	67	2
Киров	72,4	3
Барнаул	63,2	3
Мирный	68,7	3
Нерюнгри	64	3
Якутск	62,7	4

Минимальная доля опрошенных, выбравших любовь как одну из десяти важнейших базовых ценностей (полный список включал 35 базовых ценностей), составила 62,7 % (г. Якутск), 4 позиция в общем списке. Проанализировав долю респондентов, отметивших ту или иную базовую ценность как важнейшую, мы обнаружили, что ценность «любовь» занимает 3-е место в пяти из девяти городов (Курск, Киров, Барнаул, Мирный, Нерюнгри). Самые высокие показатели в пределах 67–71 % выявлены при опросе жителей Москвы, Твери и Брянска. В этих городах ценность «любовь» была поставлена респондентами на второе место.

Результаты ранжирования ценности «любовь»

На втором этапе исследования был проведен эксперимент на ранжирование с целью выявления весомости ценности «любовь» и присвоения ей соответствующего ранга. Испытуемым были предъявлены бланки со списком из 10 наиболее часто выбираемых в результате опроса базовых ценностей, которые было необходимо расположить в порядке возрастания степени их важности для индивида. Данные ранжирования по ценности «любовь» отражены в таблице 2.

Результаты ранжирования подтверждают значимость ценности «любовь» для жителей различных регионов РФ. Самый высокий второй ранг был выявлен в результате эксперимента с жителями Москвы, а самый низкий (седьмой) был зафиксирован по итогам ранжирования в Брянске. Большинство испытуемых поставили ценность «любовь» на четвертую позицию (жители Курска, Кирова, Нерюнгри и Якутска) из тридцати пяти. Пятый ранг был присвоен по данным ранжирования в Твери и Мирном, а шестой – в Барнауле.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ РАНЖИРОВАНИЯ ПО БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ «ЛЮБОВЬ»

Город	Весомость любви в общем списке ценностей	Результирующий ранг
Москва	0,002	2
Тверь	0,011	5
Курск	0,008	4
Брянск	0,005	7
Киров	0,006	4
Барнаул	0,002	6
Мирный	0,023	5
Нерюнгри	0,013	4
Якутск	0,030	4

СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТИ «ЛЮБОВЬ», ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Значимость ценности определяется не только данными опроса и ранжирования, но и ее содержанием, поэтому на третьем этапе исследования был проведен САЭ и сформированы АП, представляющие собой модели ментальной репрезентации содержания базовых ценностей.

Анализ речевых действий в составе АП «любовь»

АП «любовь», полученное в эксперименте с жителями Москвы, включает следующие ассоциаты:

семья¹ 77, сердце 50, счастье 30, мама 29, тепло 23, девушка 21, доверие 20, жизнь 17, забота 17, отношения 11, нежность 10, верность 9, партнер 9,

¹Здесь и далее орфография и пунктуация даны в авторской редакции.

поддержка 8, привязанность 8, родители 8, человек 8, love 7, вечная 7, мир 7, морковь 7, чувства 7, бог 6, страсть 6, чувство 6, дружба 5, мужчина 5, настоящая 5, парень 5, принятие 5, сильная 5, спокойствие 5, близкие 4, взаимопонимание 4, дом 4, жена 4, искренность 4, кот 4, красный 4, любовь 4, моя 4, ненависть 4, смысл жизни 4, я 4, брак 3, вера 3, комфорт 3, красота 3, люди 3, навсегда 3, огонь 3, ответственность 3, радость 3, секс 3, сила 3, смысл 3, ум 3, безответная 2, близость 2, боль 2, бывает 2, важность 2, вечность 2, гармония 2, душа 2, женщина 2, зла 2, зло 2, игры 2, к делу 2, к жизни 2, кайф 2, мечта 2, на всю жизнь 2, он 2, пара 2, понимание 2, прекрасно 2, приятно 2, работа 2, свадьба 2, свет 2, теплота 2, тяжело, «-_-», ..., 0, 10, 7/10, amor, black, lexus ls460, αγάπη, а она есть, Амур, бабушка, батя, без границ, безгранична, безграничная, безмерная, безопасность, безумие, безусловная, безусловная любовь, белая девочка, бесконечна, близкие люди, больно, борьба, братья, бред, бремя, брс, в крови, в Париже, важно, вар, Варя, великое чувство привязанности к другому человеку, весна, вечна, взаимность, Вика, витает в воздухе, Вконтакте, влечение, внутри, все, всевластная, всегда, вселенная, главное, го..но, грусть, да, Даня, двое, девочка, девушка Юля, дедушка, дело, дельфин, деньги, дети, Диана, Дима, для всех, добро, доверия, доверять, честность, долгая, друг, друзья, ее не существуют, ещкере, жажда, женщины, жертва, жестока, здоровая, Земфира, значимое, игра, идеальная, Илья, имя партнера, интеллект, интерес, искренняя, истинная, й, к себе, каждому, касание, Кирилл, книги, комп, концепт, Костя, коты, кошка, кошки, красное сердце, как в эмодзи, крепкая, Купидон, лоб, Люба, любовь жестока, мальчик, мамина, миф, Миша, мой парень, мой партнер, молодой человек, море, мочь, мы, навеки, наверное, надежность, Настя, не вечна, не для всех, не знаю, не ощущаю, невзаимная, нежность, недостижимость, нет, нельзя описать словами, но можно действиями, необходимо каждому, необходимость, неразделенная, нет, нет такого, номер 1, обманчива, опасность, осень, открытость, парень и девушка, парк, партнерство, перемены, переоценена, пиво, Платон, побеждает все, повсюду, поглощать, подарок, поле, поступки, поцелуй, почему, правит миром, привлечение, присутствует, путаница, Пушкин, ратбезы, роботы, родитель, родной, родные, родственная душа, розовый свет, с первого взгляда, самопожертвование, светлый, свобода, выбор, связь, партнер, животные, силы, симпатия, сложна, сложная, сложно, смерть, собака, солнце, сотрудничество, спасение, спасет мир, справедливость, стимул, судьба, счастье, мама, счастье, доверие, поддержка, Титаник, том шиллинг, труд, трудности, условна, уют, хабиби, хобби, цель, черствость, честность, чистая, шалость, это бред, ямб.

Статистика по ассоциативному полю:
802 + 288 + 203 + 15.

Распределим ассоциаты по группам, отражающим различные признаки предсказания речевых действий, репрезентированных в полученных соотношениях «стимул – реакция».

- **Объекты (кого или что любят) и субъекты (те, кто любят) любви:**
семья 77, мама 29, девушка 21, жизнь 17, партнер 9, родители 8, человек 8, мир 7, Бог 6, мужчина 5, парень 5, близкие 4, дом 4, жена 4, кот 4, я 4, красота 3, люди 3, сила 3, ум 3, душа 2, женщина 2, игры 2, к делу 2, к жизни 2, он 2, пара 2, работа 2.
Итого: 240 ассоциатов, **40 %**.
- **Проявления и формы любви**
доверие 20, забота 17, отношения 11, нежность 10, верность 9, поддержка 8, привязанность 8, дружба 5, принятие 5, спокойствие 5, взаимопонимание 4, искренность 4, ответственность 3, вера 3, секс 3, безответная 2, близость 2, вечность 2, мечта 2, понимание 2, свет 2.
Итого: 125 ассоциатов, **21 %**.
- **Эмоции, чувства и оценки**
счастье 30, тепло 23, чувства 7, страсть 6, чувство 6, настоящая 5, сильная 5, смысл жизни 4, ненависть 4, комфорт 3, огонь 3, радость 3, смысл 3, боль 2, важность 2, гармония 2, зло 2, кайф 2, прекрасно 2, приятно 2, теплота 2, тяжело 2.
Итого: 120 ассоциатов, **20 %**.
- **Символы любви**
сердце 50, красный 4.
Итого: 54 ассоциата, **9 %**.
- **Устойчивые сочетания со словом «любовь»**
вечная 7, морковь 7, моя 4, навсегда 3, бывает 2, зла 2, на всю жизнь 2.
Итого: 85 ассоциатов, **4,5 %**.
- **Слово «любовь» в разных языках**
love 7, любовь 4.
Итого: 11 ассоциатов, **2 %**.
- **Законный союз**
брак 3, свадьба 2.
Итого: 5 ассоциатов, **1 %**.

Согласно данным признакового анализа речевых действий в составе АП, в настоящее время наиболее актуально предсказание на основе

объектов и субъектов любви (40 %), формируемое вокруг самого частотного ассоциата *семья* (17 %) и других связанных с ним реакций (*мама, родители, близкие, дом, жена*, 8 %). Современные исследования субъективной семантики на основе САЭ с респондентами в возрасте от 30 до 40 лет также показывают, что реакция *семья* на стимул *любовь* является наиболее частотной [Бутакова, 2022]. Отметим, что в русском ассоциативном словаре (РАС)¹, включающем сведения о реакциях испытуемых, собранные и опубликованные в 90-е годы XX века, содержится информация всего лишь об одном речевом действии с этим признаком (*любовь к женщине*), что свидетельствует о значительных изменениях в содержании анализируемой базовой ценности за прошедшие 35 лет. Очевидно, что в настоящее время происходит сближение базовых ценностей «любовь» и «семья» в сознании россиян. Отметим, что ценность «семья» заняла первое место среди предлагаемых 35 базовых ценностей в результате опроса и ранжирования в большинстве обследованных нами городов. Кроме того, по данным ВЦИОМ, наибольшее количество опрошенных (45 %) выбрали ценность «семья» в качестве традиционной для России².

Практически одинаково релевантны признаки предикции «проявления и формы любви» и «эмоции, чувства и оценки» (21 и 20 % соответственно). Из проявлений любви, актуализированных испытуемыми, наиболее сильны доверие (3,3 %), забота (2,8 %), нежность (1,7 %), верность (1,5 %), поддержка (1,3 %) и привязанность (1,3 %). В признаковой группе «эмоции, чувства и оценки» частотны ассоциаты *счастье* (5 %) и *тепло* (3,8 %).

Взаимосвязанные ассоциаты *сердце* (8 %) и *красный* (0,7 %), выявленные в САЭ, символизируют любовь.

Речевые действия, представленные устойчивыми сочетаниями со словом «любовь», составляют менее 5 %. В АП «любовь», представленном в РАС, речевые действия подобного плана, напротив, преобладают (59 % ассоциатов), а самые частотные реакции *с первого взгляда* (17,6 %) и *до гроба* (15,7 %) в эксперименте 2024 года не выявлены. Столь значимые различия свидетельствуют о деактуализации устойчивых сочетаний со словом «любовь».

Анализ речевых действий в составе полей «любовь», сформированных в результате САЭ в

других обследованных городах, показал, что реакции испытуемых практически не отличаются, что свидетельствует об универсальности содержания базовой ценности «любовь» в различных регионах РФ, при этом «объекты и субъекты любви» – доминантный признак предикции, а самый частотный ассоциат – *семья*, что полностью подтверждает сделанный ранее вывод о сближении психологического значения базовых ценностей «любовь» и «семья».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе экспериментальных данных, полученных нами в результате опроса, ранжирования и анализа ассоциативных полей, была выявлена содержательная специфика и значимость базовой ценности «любовь» для россиян.

По данным опроса, в большинстве обследованных городов (Курск, Киров, Барнаул, Мирный, Нерюнгри) ценность «любовь» заняла третье место в списке из 35 базовых ценностей. Самые высокие показатели зафиксированы в Москве (71 %, 2-е место), а самые низкие – в Нерюнгри (62,7 %, 4-е место). Результаты опроса были подтверждены данными ранжирования, согласно которым любовь является значимой ценностью для жителей Москвы (второй ранг) и других регионов РФ (ранги 4–7).

Анализ речевых действий в составе ассоциативного поля «любовь» позволил выявить универсальные признаки предикции и упорядочить их по совокупной вероятности активации соответствующих соотношений «стимул – реакция»: «объекты и субъекты любви» (40 %); «проявления и формы любви» (21 %); «эмоции, чувства и оценки» (20 %); «символы любви» (9 %); «устойчивые сочетания со словом «любовь»» (4,5 %); «слово «любовь» в разных языках» (2 %); союз мужчины и женщины (1 %). Сопоставив данные САЭ 2024 года и РАС, мы обнаружили, что наиболее типичное на данный момент предикциирование на основе признака «объекты и субъекты любви» не характерно для 90-х годов XX века (всего одна реакция *к женщине*). Речевое действие *любовь – семья* с самой высокой вероятностью актуализации (17 %) в РАС не обнаружено, что свидетельствует о тенденции сближения базовых ценностей «любовь» и «семья» в сознании россиян. Также выявлена деактуализация устойчивых сочетаний со словом «любовь», вероятность активации которых снизилась на 55 %.

¹Русский ассоциативный тезаурус / Ю.Н. Караулов. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 11.04.2025).

²Традиционные ценности в российском обществе. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 11.04.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 3. С. 749–761. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
2. Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 20–35.
3. Степыкин Н. И. Количество опосредований и ассоциативная сила опосредования как параметры анализа речевого действия // Этнопсихолингвистика. 2024. № 3(18). С. 46–55. DOI 10.31249/epl/2024.03.03.
4. Ладоса О. М., Хлопова А. И. Модель базисного концепта “Wahrheit” в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 1 (272). С. 67–78.
5. Хлопова А. И., Ладоса О. М. Лексико-семантическое содержание ценности “Erfolg” в немецкой лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7. № 2. С. 135–151. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151.
6. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
7. Рындина А. С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 590–609. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609.
8. Rohan M. J. A rose by any name? The values construct // Personality and Social Psychology Review. 2000. № 4. P. 255–277. DOI 10.1207/S15327957PSPR0403_4.
9. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // Journal of Social Issues. 1994. № 50. P. 19–45. DOI 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x.
10. Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2 (1). P. 11–20. DOI 10.9707/2307-0919.1116.
11. Refining the theory of basic individual values / Schwartz S. H. et al. // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI 10.1037/a0029393.
12. Момджян К. Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–14.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
14. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
15. Бутакова Л. О. Объекты лингвоантропологии в аспекте исследования субъективной семантики (на примере возрастной вариативности лексемы любовь) // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм: сборник научных статей. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2022. С. 144–153.

REFERENCES

1. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. Russian Journal of Linguistics, 23(3), 749–761. DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.)
2. Pishchalnikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(832), 20–35. (In Russ.)
3. Stepykin, N. I. (2024). Number of mediators and association mediated strength as parameters of speech action analysis. Ethnopsycholinguistics, 3(18), 46–55. DOI 10.31249/epl/2024.03.03. (In Russ.)
4. Ladosha, O. M. Khlopova, A. I. (2021). “Wahrheit” Basic Concept Model in German Linguoculture. Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism, 1(272), 67–78. (In Russ.)
5. Khlopova, A. I., Ladosha, O. M. (2021). Lexical and semantic content of the “Erfolg” value in German linguistic culture. Theoretical and Applied Linguistics, 7(2), 135–151. DOI 10.22250/24107190_2021_7_2_135_151. (In Russ.)
6. Rokeach, M. (1973). The nature of human values. New York: Free Press.
7. Ryndina, A. S. (2021). The origins of the theory of values in sociology and directions of its development. RUDN Journal of Sociology, 21(3), 590–609. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609. (In Russ.)
8. Rohan, M. J. (2000). A rose by any name? The values construct. Personality and Social Psychology Review, 4, 255–277. DOI 10.1207/S15327957PSPR0403_4.
9. Schwartz, S. H. (1994). Are there universal aspects in the content and structure of values? Journal of Social Issues, 50, 19–45. DOI 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x.
10. Schwartz, S. H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings in Psychology and Culture, 2(1), 11–20. DOI 10.9707/2307-0919.1116.
11. Schwartz, S. H., et al. (2012). Refining the theory of basic individual values. Journal of Personality and Social Psychology, 103(4), 663–688. DOI 10.1037/a0029393.

12. Momdzhyan, K. (2015). Universal needs and a generic human essence. *Voprosy filosofii*, 2, 3–14. (In Russ.)
13. Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
14. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* = Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow: Nauka. (In Russ.)
15. Butakova, L. O. (2022). *Obekty lingvoantropologii v aspekte issledovaniya subyektivnoy semantiki (na primere vozrastnoy variativnosti leksemy lyubov')* = Objects of linguoanthropology in the aspect of the study of subjective semantics (on the example of the age variability of the lexeme 'love'). In *Novejshaja filologija: dinamika rechevyh i tekstovyh form* (pp.144–153): collection of scientific articles. Omsk: Omsk State University Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степыкин Николай Иванович

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры иностранных языков национального исследовательского университета «МЭИ»

ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepykin Nikolay Ivanovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor of the Department of Foreign Languages,

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.06.2025
02.07.2025
18.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Экспериментальная верификация психологической актуальности символического содержания флоронима 竹子 / бамбук в китайской лингвокультуре

У. Цзяцян

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
353737681@qq.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью выработки методов анализа специфического национально обусловленного содержания и практических методик его изучения. В статье подтверждается гипотеза о том, что частотность вербальных реакций, связанных с символическим содержанием стимула, существенно зависит от содержательной сложности символических значений и их значимости в современной культуре. Исследование на базе свободного ассоциативного эксперимента проведено впервые; используется дефиниционный лингвокультурологический анализ инвариантных лексических единиц.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, лингвокультурологический анализ, базовые ценности, флороним, символическое значение, национальная специфика содержания лексемы

Для цитирования: У Цзяцян. Экспериментальная верификация психологической актуальности символического содержания флоронима 竹子 / бамбук в китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 35–40.

Original article

Experimental Verification of the Psychological Relevance of the Symbolic Content of the Phloronym 竹子 / Bamboo in Chinese Linguoculture

Wu Jiaqian

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
353737681@qq.com

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to develop methods for analyzing specific nationally determined content and practical methods for studying it. Theoretical significance of the work consists in the confirmation of the hypothesis that the frequency of verbal reactions associated with the symbolic content of a stimulus significantly depends on the complexity of the content of symbolic meanings and their significance in modern culture. The research based on a free associative experiment was conducted for the first time; a definitive linguistic and cultural analysis of invariant lexical units is used.

Keywords: free associative experiment, linguistic and cultural analysis, basic values, floronym, symbolic meaning, national specifics of the lexeme content

For citation: Wu Jiaqian (2025). Experimental verification of the psychological relevance of the symbolic content of the phloronym 竹子 / bamboo. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 35–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике вопросы формирования специфических методов анализа национально обусловленного содержания лексем и разработка практических методик его изучения, рассматриваемые в нашем исследовании, являются актуальными. Изучение научной литературы показало, что символическое содержание флоронима 竹子 / бамбук в китайской лингвокультуре отмечается уже 5000 лет назад, и во все времена происходило постепенное усложнение и расширение его символической структуры. Флоронимы как номинативные единицы тесно связаны с миром человека не только потому, что их физические свойства служат многим практическим, бытовым целям, но и потому, что они часто отражают культурно значимое содержание. Цель исследования – экспериментальное установление психологической актуальности символического содержания флоронима, употребляемого вне определенного культурного контекста. Основным методом сбора языкового материала стал свободный ассоциативный эксперимент (далее САЭ), потому что в нем на характер и количество реакций не ставятся никаких ограничений, следовательно, становится возможным выявлять психологически актуальные смыслы, не зафиксированные лексикографическими источниками и не представленные в составе корпусов языка [Пищальникова, 1999; Пищальникова, 2008; Пищальникова, 2020]. Отметим, что исследование на базе САЭ проведено впервые, что определяет его новизну. Исследовательские методы связаны с осуществлением дефиниционного и лингвокультурологического анализа лексемы 竹子 / бамбук; они предполагают использование элементов компонентного анализа, а также метода лингвокультурологического декодирования, который нацелен на синхроническое изучение содержания национально обусловленного значения лексем. Пилотный САЭ проведен в январе 2025 г. в Китайском океаническом университете (г. Циндао, провинция Шаньдун, КНР) с участием ста студентов университета, обучающихся на разных факультетах, носителей китайского языка. Всего в эксперименте приняли участие 56 женщин и 44 мужчины в возрасте от 18 до 25 лет, поэтому по гендерному, возрастному и профессиональному признакам выборка является презентативной. В экспериментальную анкету было внесено девять флоронимов как имеющих символическое содержание, так и не обладающих им: бамбук, слива, хризантема, лотос, пион, сосна, кедр, роза, трава, разделенных, как требуется по условиям проведения САЭ, стимулами-дистракторами. Теоретической основой проведения

эксперимента послужило положение о том, что актуализация лингвокультурного значения проявляется при порождении речевого действия в при знаке ассоциирования [Пищальникова, Яо Чжипэн, 2019]. Такой признак выявляется на основе анализа семантических отношений между стимулом и реакцией и предполагает использование специальной методики определения параметров ассоциирования [Пищальникова, Яо Чжипэн, 2019; Степыкин, 2019]. В реакциях китайских респондентов на стимулы-флоронимы отражаются самые разные индивидуальные ассоциативные связи, начиная с фиксации отношения китайцев к конкретным вещам и заканчивая их философскими воззрениями. В эксперименте проверялась гипотеза, согласно которой значительная совокупность слов этой лексической группы представляет актуальные для современных носителей китайского языка культурно-специфичные символические содержания, обусловленные традиционными ценностями и философскими концепциями лингвокультуры. В анализе национально-специфического содержания мы опираемся на определение культурного смысла, данного в работах: [Чэнь Сыфань, Пищальникова, 2023; Чэнь Сыфань, 2023]. Под ним понимается психологически актуальное для носителей лингвокультуры содержание слова или фразеологизма в речевой деятельности, что определяется рамками деятельностной психолингвистической парадигмы. При этом отношение «стимул – реакция», возникающее при ассоциировании стимула в эксперименте, рассматривается, вслед за А. А. Леонтьевым, как речевое действие.

ИССЛЕДОВАНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

По данным САЭ, на слово 竹子 / бамбук даны следующие реакции:

绿色 / зеленый 19¹, 熊猫 / панда 12, 竹林 / бамбуковая роща 7, 菊花 / хризантема 4, 正直的 / честный 3, 坚毅 / упорство 3, 梅花 / слива 5, 兰花 / орхидея 2, 竹叶 / листья бамбука 4, 高雅的 / изысканный 2, 木 / дерево 2, 竹筒 / бамбуковая труба 2, 草 / трава 2, 高洁 / благородный, аристократичный 2, 挺拔 / стройный и высокий 2, 青翠 / ярко-зеленый 2, 竹笋 / побеги бамбука 3, 筷子 / палочки для еды 2, 笔直的 / вертикальный 2, 柱子 / столб, 竹叶青 [zhúyèqīng] / чжуецин², 雨中竹林 / бамбуковый лес под дождем, 墨 / тушь,

¹Цифры после ассоциатов указывают на их частотность в ассоциативном поле. – Прим. У.Ц.

²竹叶青 / чжуецин: 1) название ядовитой змеи; 2) название китайского чая, производимого в провинции Сычуань; 3) название вина.

纸 / бумага, 植物 / растение, 柏树 / кипарис, 书法 / каллиграфия, 松 / сосна, 山 / гора, 竹节 / коленце бамбука, 花 / цветы, 生长 / вырастить, 竹枝词 [zhúzhīcí] / *чжучжицы* – Песни о ветке бамбука¹, 君子 [jūnzǐ] / Цзюнь-цзы², 梅兰竹菊 / сливы, орхидеи, бамбук и хризантемы, 活性炭 / активированный уголь (*Всего: 100. Отказ: 3*).

60 % реакций были тесно связаны с культурными символическими значениями. Самая частотная реакция – 绿色 / *зеленый* (19), устойчиво соотносящаяся в китайской культуре с понятиями «вечно-зеленый», «экологически чистый», «экологичный», «устойчивый». Но мы сосредоточимся на реакциях, входящих в речевые действия, которые актуализируют культурно-символическое содержание лексем-флоронимов.

В реакциях 菊花 / *хризантема* (4), 梅花 / *слива* (3), 柏树 / *кипарис*, 松 / *сосна*, 梅兰竹菊 / *сливы, орхидеи, бамбук и хризантемы* активизируется принадлежность бамбука к совокупности флоронимов, которые являются носителями специфического символического значения, важного для традиционной и современной китайской культуры (см. подробнее: [Чэнь Сыфань, 2023]). Символизации бамбука осуществляются по нескольким основаниям: в процесс символизации вовлечены, во-первых, внешние характеристики растения, ассоциативно связываемые с идеальными, социально одобряемыми свойствами человека. Так, бамбук вечнозеленый, высокий, гибкий и прямой, у него нет боковых побегов, что отражено в реакции 挺拔 / *стройный и высокий* (2). В силу внешних перечисленных свойств растения бамбук сопротивляется всем ветрам, он очень устойчив, откуда реакции 柱子 / *столб*, 笔直的 / *вертикальный* (2). Эти физические свойства растения ассоциируются с человеческими качествами и оцениваются как прямота, негибкость, сила воли, честность, благородство, что отмечено в реакциях 正直的 / *честный* (3), 高雅的 / *изысканный* (2), 高洁的 / *благородный* (2). Бамбук обладает мощной корневой системой, которая разрастается до трех метров в диаметре, причем корни сильно переплетаются. Это позволяет растениям быть настолько устойчивыми, что они способны выдержать и оползни, и землетрясения, поэтому бамбук символизирует

¹竹枝词 / *чжучжицы* «Песни о ветке бамбука» – один из древнейших жанров бытового фольклора, народной поэзии. Это четверостишие из семи иероглифов, положенные на музыку, описывающие местные обычаи и любовь между юношей и девушкой. Мелодии, которые были популярны в провинции Сычуань, созданы Лю Юйси в династии Тан на основе народных песен юэфу (династии Хань). В династии Сун на основе этой мелодии, которая становится образцом (ципай), создаются народные песни, отличающиеся монотонностью ритмической структуры.

²Цзюнь-цзы – в конфуцианстве носитель истинных добродетелей.

выносливость, силу и долголетие. Анализ перечисленных и других физических характеристик растения приводит к тому, что в китайской культуре бамбук олицетворяет помимо уже отмеченных нравственных человеческих качеств цельность натуры, упорство, целеустремленность, откровенность, преданность, чистоту в отношениях, а также скромность, особенно тогда, когда к человеку приходит успех.

Такая символическая многозначность в рамках китайской лингвокультуры поддерживается большим количеством легенд, одна из которых порождена осознанием биологической специфики бамбука. В Китае произрастает около четырехсот видов этого растения, и каждый из них в определенной местности цветет один раз в несколько десятилетий одновременно. При этом у растений, как правило, погибает наземная часть. Многовековые наблюдения за такой спецификой жизненного цикла бамбука способствовали возникновению поверья, что цветение бамбука – предвестник беды:

竹子生花, 瘟神到家 [中国谚语集成·福建卷, 2001, с. 213]. – Когда цветет бамбук, жди великого несчастья³.

Содержание этой легенды опосредованно отражается в реакции 花 / *цветы*. Широко известна китайцам и легенда о семи мудрецах, которые в III в. (время правления династии Вэй) собирались в одной бамбуковой роще для обсуждения мировоззренческих концепций и самых актуальных вопросов современности. Поэтому в частотной реакции 竹林 / *бамбуковая роща* (7) отражено знакомство респондентов именно с этой легендой, объясняющей присвоение бамбуку символического значения гибкости и мудрости, при этом природная гибкость растения рассматривается как качество мудрого человека, способного к компромиссам, уступчивости и вариативности поведения в сложных условиях. Еще одна легенда гласит, что дом одного мудреца стоял посреди бамбуковой рощи, и во время сильной бури мудрец наблюдал, что бамбук гнулся, но не ломался, тогда как другие крепкие и могучие деревья гибли, трескаясь и рушась. Мудрец понял, что в гибкости, в уступчивости заключается истинная сила человека. С тех пор бамбук стал восприниматься как символ гибкости, мудрости, упорства и стойкости, о чем свидетельствует и реакция 坚毅 / *упорство* (3). Это символическое содержание часто реализуется в китайской поэзии, в публицистике: 《千磨万击还坚劲·任尔东西南北风》[郑板桥, 2005, с. 34] – *букв. 'Сколь бы ни били его ветра с востока, запада, севера и юга, бамбук под дождем*

³Однако при цветении корни бамбука сохраняются, и рощи быстро воспроизводятся, что позволяет носителям культуры воспринимать беду как временную.

и ураганом стоит непоколебимо' (郑板桥《竹石》/ Чжэн Баньцяо «Бамбук и камень»):

很重要的就是任何时候任何情况下都要坚定中国特色社会主义道路自信、理论自信、制度自信、文化自信·真正做到“千磨万击还坚劲·任尔东西南北风”¹ – Крайне важно, чтобы в любое время и при любых обстоятельствах мы твердо придерживались «четырёх уверенностей» социализма с китайской спецификой: уверенности в пути, теории, системе и культуре. Надо воплощать в жизнь принцип: сколько бы ударов ни обрушилось – стойкость не сломить; пусть ветры бушуют с четырёх сторон – наш курс неизменен.

В основе образа лежит представление о том, что бамбук под дождем и ураганом стоит непоколебимо. Приведенные выше строки Чжэн Баньцяо, по мнению многих исследователей [杨玮, 2018; 于淼, 2015], отражают культурное самосознание китайцев, в котором «ветры с четырёх сторон» интерпретируются не только как негативное воздействие на конкретного человека, который должен выстоять в этих условиях, но и как вызовы современности, например, воздействие глобализации, столкновение культур разных стран, что предполагает коллективное противостояние.

С содержанием другой легенды соотносится и неединичная ассоциативная связь 竹子 / бамбук – 竹叶 / листья бамбука (4), 竹子 / бамбук – 竹笋 / побеги бамбука (3). Согласно легенде, серьезно заболевшая пожилая мать попросила у своего сына супа из листьев / побегов бамбука. Сын долго не мог отыскать их на замерзшей земле, впал в отчаяние и проливал горячие слезы на землю, скованную морозом. Там, где падали его слезы, пробивались побеги бамбука. Легенда стала основанием для восприятия бамбука как символа сыновней преданности и любви к родителям. В современном языке частотны словосочетания *банкет в бамбуковом лесу, радость в бамбуковом лесу, встреча в бамбуковом лесу* и др. для обозначения собрания единомышленников.

Одна из наиболее частотных реакций 熊猫 / панда (12) актуализирует содержание национального символа КНР, формирование которого относят к глубокой древности. Окрас панды стал основанием для аналогии с Ин и Янь, панда становится символом гармонии и, как следствие, – победы императоров. По характеру панды добродушны, игривы, что позволило переосмыслить эти психологические свойства животного и представить его символом искренности, взаимопомощи

китайского народа, доброты и дружбы между разными этносами. Пересмотрены и интеллектуальные способности панды: умное животное становится символом интеллекта, мудрости, которые издревле входили в состав базовых ценностей любой династии. Расширение этой символической семантики привело к осмыслению панды как символа мирной политики КНР и возникновению специфической «панда-дипломатии»² [У До, 2019; Тао Хэжэнь, 2023]. Речевое действие 竹子 / бамбук – 竹节 / колени бамбука также актуализирует культурно-символическое содержание стимула-флоронима, поскольку данный ассоциат устойчиво связан с обозначением успеха человека (как части целеустремленного, волевого символа – бамбука). Например, идиома 竹笋出土 – 节节高 [温端政, 2014, с. 380] – букв. 'бамбуковые побеги пробиваются из земли – растут в высоту (с каждым днем становятся всё выше)' символизирует уверенность в необходимости и возможности нравственного роста человека и увеличения его благосостояния. Об этом же свидетельствует реакция 生长 / вырастить. Одновременно такое символическое значение порождается и биологическими свойствами бамбука: среди травянистых растений он является самым высоким и быстрорастущим.

Небольшая часть ассоциатов актуализирует обыденные связи бамбука с предметами обихода и обыденными понятиями (≈ 6 % от общего числа реакций): 竹筒 / бамбуковая труба (2), 筷子 / палочки для еды (2), 纸 / бумага (в состав современной китайской бумаги входит бамбук), 活性炭 / активированный уголь, хотя, как отмечают исследователи, изделия из бамбука очень распространены и сложно перечислить все хозяйственные сферы, где он используется, – от палочек для еды до строительства домов. Можно выделить также группу реакций, ассоциирующих бамбук и нефрит, но эти связи настолько многочисленны и разнообразны, что требуют особого исследования [许峰, 2011].

Все остальные признаки ассоциирования выявляют или иные связи с культурно обусловленными символическими значениями, хотя связь эта может быть представлена опосредованно. Особую группу ассоциатов представляют реакции, отражающие специфические национальные аспекты современной китайской живописи и искусства каллиграфии, активно использующие 四君子 «четырёх благородных»³ на фоне гор в художественных акварельных

¹URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-01/01/content_5465721.htm (дата обращения: 01.01.2020).

²«Панда-дипломатия» – специфический китайский инструмент публичной дипломатии, использование которого началось еще в 1950 г.: панды преподносятся как дипломатические подарки для налаживания добрососедских отношений с различными государствами.

³«Четыре благородных» – четыре растения, символизирующие четыре благородных качества человека, – слива, бамбук, хризантема, орхидея.

и тушевых композициях: 菊花 / хризантема (4), 山 / гора (2), 兰花 / орхидея, 墨 / тушь, 书法 / каллиграфия, 柏树 / кипарис, 松 / сосна ($\approx 11\%$ от общего числа ассоциатов) [Чэнь Сыфань, 2024].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании представлена попытка экспериментальной верификации психологической актуальности для носителей языка национально-специфического символического внеконтекстного содержания лексемы 竹子 / бамбук как одного из флоронимов, образующих в китайской лингвокультуре особую совокупность слов, представляющих национальную символику. В результате обработки презентативных данных эксперимента, во-первых, доказано, что даже внеконтекстное употребление ряда флоронимов, и в частности слова 竹子 / бамбук, свидетельствует о психологической

актуальности их национально-культурного содержания для носителей языка. Во-вторых, в работе показано, что частотность вербальных реакций, связанных с символическим содержанием стимула, существенно зависит от содержательной сложности традиционных символических значений: чем сложнее структура символического значения, тем более оно многозначно, тем чаще слово, обозначающее такое содержание, включено в ассоциативно-вербальные сети. В-третьих, значимость таких символических слов определяется их включенностью в систему репрезентантов ценностей современной культуры, что позволяет развивать новые содержательные компоненты лингвокультурного значения. Наконец, полученные данные говорят о необходимости изучения действительной степени символического наполнения носителями культуры, поскольку от этого зависит формирование представлений об иерархии ценностей в данном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. Экспериментальные исследования ассоциативно-вербального содержания одноименных концептов у носителей разных языков // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 1999. Вып. 1. С. 34–40.
2. Пищальникова В. А. Исследование вербальных ассоциативных отношений в современной лингвистике // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. 2008. № 2008. С. 159–170.
3. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-западного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2020. Вып. 10 (1). С. 17–30.
4. Пищальникова В. А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 / услужливый в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2019. Вып. 9 (30). С. 56–65.
5. Степыкин Н. И. Сопоставительный анализ ассоциативных полей совесть – conscience // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 38 (2). С. 236–243.
6. Чэнь Сыфань, Пищальникова В. А. Динамические процессы в семантике фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 119–124.
7. Чэнь Сыфань. Национально-культурное содержание китайских фразеологизмов // Известия Юго-Западного государственного университета. Лингвистика и педагогика. 2023. Вып. 13 (4). С. 113–125.
8. 中国谚语集成·福建卷. 第4卷《自然类谚语》[M]. 中国ISBN中心出版. 2001 = Китайские пословицы. Фуцзяньский том. Пословицы о природе. Издано Китайским центром ISBN. 2001. Т. 4. (На кит.яз.)
9. 郑板桥. 郑板桥诗文集[M]. 文化出版社. 2005 = Чжэн Баньцяо. Собрание стихотворений Чжэн Баньцяо. Культура-Пресс, 2005. (На кит.яз.)
10. 杨玮. 论郑板桥的文艺思想[D]. 湖南师范大学, 2018 = Ян Вэй. О литературном мышлении Чжэн Баньцяо // Хунаньский нормальный университет, 2018. (На кит.яз.)
11. 于淼. 论郑板桥艺术创作中的民本情怀[D]. 曲阜师范大学, 2015 = Юй Мяо. О настроениях минбэнь в художественном творчестве Чжэн Баньцяо // Цюйфуский нормальный университет, 2015. (На кит.яз.)
12. У До. Китайская «Дипломатия панд» и имидж государства // Общество: политика, экономика, право. 2019. Вып. 3 (8). С. 25–28.
13. Тао Хэжэнь. Дипломатия панд как стратегический внешнеполитический ресурс КНР // Научный аспект. 2023. Вып. 9. С. 505–512.
14. 温端政. 小学生歇后语词典[M]. 上海辞书出版社. 2014, 380 = Вэнь Дуаньчжэн. Словарь Сехоуюев для учащихся начальной школы. Шанхай: Риторика, 2014. (На кит.яз.)
15. 许峰. 浅谈中国文学中的玉文化[J]. 安徽文学. 2011, (11):61 = Сюй Фэн. О культуре нефрита в китайской литературе. Аньхой: Аньхойская литература, 2011. Вып. 11. С. 61.

16. Чэнь Сыфань. Динамика содержания ценности и ее репрезентация во фразеологических единицах // Этнопсихоллингвистика. 2024. Вып. 2 (17). С. 103–116.

REFERENCES

1. Pishchalnikova, V. A. (1999). Experimental studies of associative-verbal content of the same-name concepts in speakers of different languages. *Human and Ethnic Language Being: Psycholinguistic and Cognitive Aspects*. 1, 34–40. (In Russ.)
2. Pishchalnikova, V. A. (2008). Research of verbal associative relations in modern linguistics. *Ferdinand de Saussure and modern humanitarian knowledge* (pp. 159–170). (In Russ.)
3. Pishchalnikova, V. A. (2020). Experimental psycholinguistic study of the word meaning: unsolved problems. *Proceedings of the Southwest state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 10(1), 17–30. (In Russ.)
4. Pishchalnikova, V. A., Yao Zhipeng (2019). <I will> serve, willingly – be osequious, never, or dynamics of the meaning of the word 殷勤 the pleasing in Chinese language culture. *Proceedings of the Southwest state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 9(30), 56–65. (In Russ.)
5. Stepykin, N. I. (2019). Comparative analysis of associative fields sovost' – conscience. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences*, 38(2), 236–243. (In Russ.)
6. Chen Sifan, Pishchalnikova, V. A. (2023). Dynamic processes in the semantics of phraseological units. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(879), 119–124. (In Russ.)
7. Chen Sifan (2023). National-cultural content of Chinese phraseological units. *Proceedings of the Southwest state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 13(4), 113–125. (In Russ.)
8. 中国谚语集成·福建卷. 第4卷《自然类谚语》[M]. 中国ISBN中心出版(2001), 213 = Chinese Proverbs. (2001). Fujian Volume. *Nature Proverbs* (vol. 4). Published by China ISBN Center. (In Chinese)
9. 郑板桥. 郑板桥诗文集[M]. 文化出版社. 2005 = Zheng Banqiao (2005). *Zheng Banqiao Poetry and Literature*. Culture Publishing House. (In Chinese)
10. 杨玮. 论郑板桥的文艺思想[D]. 湖南师范大学, 2018 = Yang Wei (2018). *On the Literary Thought of Zheng Banqiao*. Hunan Normal University. (In Chinese)
11. 于淼. 论郑板桥艺术创作中的民本情怀[D]. 曲阜师范大学, 2015 = Yu Miao (2015). *On the Minben Sentiment in Zheng Banqiao's Artistic Creation*. Qufu Normal University. (In Chinese)
12. Wu Dou (2019). Chinese “Panda Diplomacy” and the image of the state. *Society: politics, economics, law*, 3 (8), 25–28. (In Russ.)
13. Tao Hairan (2023). Panda diplomacy as a strategic foreign policy resource of the PRC. *Nauchnyj aspekt = Scientific Aspect*, 9, 505–512. (In Russ.)
14. 温端政. 小学生歇后语词典[M]. 上海辞书出版社 (2014) = Wen Duanzheng (2014). *Dictionary of Chinese Two-part Allegorical Sayings for elementary school students*. Shanghai: Rhetoric Book Publishing House. (In Chinese)
15. 许峰. 浅谈中国文学中的玉文化[J]. 安徽文学(2011), 11, 61 = Xu Feng (2011). *Jade Culture in Chinese Literature*. *Anhui Literature*, 11, 61. (In Chinese)
16. Chen Sifan (2024). Dynamics of value content and its representation in phraseological units. *Ethnopsycholinguistics*, 2(17), 103–116. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

У Цзяцян

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wu Jiaqian

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.06.2025
25.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

Обзорная статья
УДК 81'42+81'271:811.111

Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ англоязычной межличностной лингвопрагматики как перспективной области прагматических исследований. Предметом исследования являются статус межличностной лингвопрагматики, ее методологические основания, методы исследования и концептуальный аппарат. Показано, что важнейшими характеристиками современных исследований коммуникативного поведения является расширение объекта исследования, использование дискурсивных методов и опора на интеракционизм в качестве методологической базы. Новый подход подчеркивает интерсубъективность в формировании значений и межличностных отношений, а также многофункциональный и многосторонний характер речевых актов.

Ключевые слова: межличностная лингвопрагматика, коммуникативное поведение, теории вежливости, невежливость, интеракционизм

Для цитирования: Германова Н. Н. Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 41 – 50.

Review article

Interpersonal Pragmatics: New Tendencies in Studies of Communicative Behaviour

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of interpersonal pragmatics as a burgeoning field of pragmatic research. The present paper covers the status of interpersonal pragmatics, its methodological foundations, methods and the conceptual apparatus. The author highlights such features of modern research into communicative behaviour as the expansion of the object of research, the use of discourse analysis and recourse to interactionism as the theoretical foundation. The new approach accentuates intersubjectivity in the process of meaning formation and the construction of interpersonal relations, and reveals the multidirectional and multifunctional character of speech acts.

Keywords: interpersonal pragmatics, communicative behaviour, politeness theories, impoliteness, interactionism

For citation: Guermanova, N. N. (2025). Interpersonal pragmatics: new tendencies in studies of communicative behaviour. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 41 – 50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С конца 80-х годов XX века изучение речевого поведения в лингвопрагматике находилось под сильным влиянием теорий вежливости. Первой работой принято считать статью Р. Лакофф «Логика вежливости», в которой она дополнила принцип кооперации Г. П. Грайса, суть которого, с ее точки зрения, сводилась к требованию ясности, принцип вежливости (1973). Следующей вехой в исследовании феномена вежливости стало выделение максим вежливости Дж. Личем (1983). Но настоящий прорыв совершила монография П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987], трактовавших вежливость как избегание ликоугрожающих актов. Эта работа надолго определила повестку исследований коммуникативного поведения в западной лингвопрагматике.

Со временем, однако, в такой трактовке вежливости обнаружились слабые стороны, что привело к появлению альтернативных теорий: это теория разговорного контракта Б. Фрейзера и У. Нолена, понимание вежливости как эмотивной коммуникации в работах Г. Арндт и Р. Дженни, трактовка вежливости как прагматически маркированного поведения Р. Уоттсом и др. [Ларина, 2003; Германо-ва, 2021]. Однако в итоге так и не было предложено определение вежливости, которое бы устроило всех исследователей. Выработка такого определения затруднялась, в частности, различиями в понимании феномена вежливости представителями восточных и западных лингвокультур.

Обнаружились и методологические просчеты, на которые первыми обратили внимание Р. Уоттс и Дж. Илен [Watts, 2003; Eelen, 2014]. Их суть заключается в неразличении вежливости в ее понимании рядовыми носителями языка (вежливость первого порядка) и вежливости как модели, выстроенной лингвистом (вежливость второго порядка); проблема заключается в том, что обиходное понимание вежливости может существенно отличаться от теоретических построений исследователей, что ставит под сомнение валидность последних.

Целью настоящей статьи является выявление новых тенденций в изучении коммуникативного поведения, которые, не отрицая достижений лингвопрагматики вежливости, стремятся расширить ее рамки и преодолеть определенную односторонность в понимании объекта, предмета и методов исследований.

Такой тенденцией, в последние десятилетия активно набирающей обороты, стали исследования проблем межличностного общения, получившие название «межличностная прагматика», или «прагматика взаимоотношений». К авторам, работающим в этом направлении, относятся М. А. Лочер, Р.

Уоттс, Х. Спенсер-Оути, М. Хо, Д. Кадар, С. Милз, Дж. Калпепер, Р. Арундейл, М. Сифиану и др. Проблемам межличностной лингвопрагматики посвящен (полностью или частично) ряд монографий [The Sage Handbook of Interpersonal Communication, 2011; Interpersonal Pragmatics, 2010; The Handbook of Interpersonal Communication, 2008; The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness, 2017; Arundale, 2020], а также большое число статей; о значимости этих исследований свидетельствует специальный выпуск журнала *Journal of Pragmatics* (2013), полностью посвященный этой проблематике.

Новизна настоящего исследования определяется тем, что преемственность и новации в развитии лингвопрагматики последних десятилетий не получили должного освещения в отечественной лингвистике. Между тем предлагаемые подходы к изучению коммуникативного поведения представляют большой интерес для отечественных исследователей, что и определяет актуальность и практическую ценность данной статьи.

В статье представлен теоретический анализ объекта исследования, методологических оснований, аналитических инструментов и концептуального аппарата межличностной прагматики.

В задачи исследования входит характеристика

- объекта межличностной прагматики
- возможностей дискурсивных исследований для изучения коммуникативного поведения в рамках межличностной прагматики
- интеракционизма как методологической основы межличностной прагматики

1. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ПРАГМАТИКА: РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Объект исследования и ключевые термины межличностной прагматики

Акцент на вежливости, характерный для лингвопрагматических исследований с конца 1980-х годов, дает одностороннее представление о целях и характере межличностной коммуникации¹. Очевидно, что в ходе интеракции говорящие реализуют различные интенции, которые отнюдь не сводятся к заботе о лице собеседника путем избегания

¹В отечественной лингвистике принято различать понятия «коммуникация» и «общение»; с учетом этого разграничения, термин 'interpersonal communication' было бы правильно перевести как «межличностное общение». Однако в англоязычной прагматике понятия «общение» и «коммуникация» терминологически не противопоставляются: авторы предпочитают говорить о разных (мета)функциях и видах дискурса (см. подробнее ниже). Исходя из этого, мы сохраняем перевод «межличностная коммуникация», чтобы не удаляться от англоязычной терминологии.

ликоугрожающих актов. Исследования последних десятилетий стремятся охватить весь континуум межличностных отношений. В разработке этого направления приняли участие лингвисты из различных стран – Великобритании, Венгрии, Греции, Швейцарии, Австралии, США, объединенные общим пониманием объекта исследования, методологической базой и концептуальным аппаратом.

Статус этих исследований остается дискуссионным. В работах 2010-х годов межличностную прагматику позиционировали как новое междисциплинарное направление исследований, «наводящее мосты между областями Прагматики и Коммуникации и другими смежными областями»¹ [Haugh, Kádár, Mills, 2013, с. 2]. В новейших публикациях она выступает как составная часть социопрагматики [The Cambridge Handbook of Sociopragmatics, 2021]. Термин «социопрагматика» был предложен Дж. Личем (1983) для обозначения исследований того, как принцип кооперации и принцип вежливости работают в разных культурах, языковых сообществах, социальных ситуациях и социальных классах. Дж. Лич противопоставлял социопрагматику общей прагматике, исследующей общие условия коммуникации, и прагмалингвистике, изучающей лингвистические ресурсы языка для передачи конкретных иллокуций [Leech, 2016]. Авторы кембриджской монографии в целом принимают это деление, но отмечают, что их трактовка социопрагматики намного шире, и ее «тремя китами» являются социальное, интерактивное и нормативное измерения речевого употребления [The Cambridge Handbook of Sociopragmatics, 2021]. Межличностная прагматика представлена в этой монографии как один из подходов социопрагматики, наряду с конверсационным анализом, социокогнитивной прагматикой, кросс-культурной прагматикой, вариационистской прагматикой и др.

Впрочем, соотношение межличностной прагматики и других направлений социопрагматических исследований остается неопределенным. Как пишут авторы опубликованной в этом издании главы «Межличностная прагматика», данное направление – это «исследовательская перспектива, а не единая теория»; она не вписывается в какой-то определенный раздел прагматики, но и не является зонтичным термином по отношению к другим линиям исследований прагматики в целом и социопрагматики в частности» [Locher, Graham, 2021, с. 570]. Это достаточно размытая характеристика показывает, что статус исследований межличностной коммуникации остается неопределенным. Одной из причин является, по-видимому, то обстоятельство,

что вопрос о дискурсивном конструировании межличностных отношений актуален также для работ в области теории коммуникации, вежливости, конструирования идентичности, риторики, причем исследователи не обязательно используют терминологию межличностной прагматики [Locher, Graham, 2021]. Добавим, что способы выражения межличностных отношений представляют большой интерес и для различных направлений сопоставительных исследований (межкультурная прагматика, кросс-культурная прагматика и т. п.).

С нашей точки зрения, с учетом вышесказанного межличностную прагматику можно определить как достаточно четко очерченную проблемную область со своим объектом изучения – межличностной коммуникацией – но разными предметами исследования, представляющими интерес для различных направлений лингвопрагматики (и, шире, лингвистики), опирающуюся по большей части на дискурсивно-интеракционистские методы анализа материала.

Заметим, что понятия межличностных отношений и межличностной коммуникации, как и ранее понятие «вежливость», могут трактоваться по-разному. Как отмечают М. Хо, Д. Кадар и С. Милз, межличностная коммуникация в прототипическом случае ассоциируется прежде всего с 1) с неформальной коммуникацией, 2) наличием, по крайней мере, двух участников интеракции, 3) их физической близостью, 4) индивидуальной, личной и психологической информацией [Haugh, Kádár, Mills, 2013].

Однако, как справедливо отмечают авторы, подобного рода коммуникация может осуществляться и в рамках институционального дискурса между разностатусными коммуникантами (например, между начальником и подчиненным, между врачом и пациентом и т. п.); в ней могут принимать участие более двух коммуникантов; она может быть опосредована различными средствами связи, такими как телефон или интернет; межличностная коммуникация отражает не только отношения между участниками данной интеракции, но и нормы и предпочтения более крупных сообществ, таких как социальные сети или сообщества совместной практики [там же].

Это широкое понимание межличностных отношений отражено в определении, предложенном М. Хо и Дж. Калпепером, которые трактуют их как «взаимные социальные связи между людьми, которые опосредованы интеракцией, включая власть, интимность, роли, права и обязанности» [Haugh, Culpeper, 2014, с. 197]. Из этого следует, что в межличностной коммуникации коммуниканты выступают не только как индивиды, но и как представители более крупных культурных и социальных сообществ.

Таким образом, межличностная коммуникация не может быть отождествлена с личностным

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

дискурсом в его противопоставленности дискурсу институциональному. Главной ее характеристикой является нацеленность не на передачу информации, а на формирование отношений между участниками интеракции. Сторонники данного подхода разделяют мнение Н. Энфилда, утверждавшего, что изучение человеческих отношений должно стать ключевым фокусом прагматики. Свой призыв к рассмотрению проблем прагматики через призму отношений (*relation thinking approach*) Н. Энфилд обосновывал тем, что «формирование и поддержание отношений – это первичный локус социальной организации», лежащий в основе функционирования общества [Enfield, 2009, с. 60].

Противопоставление «передача информации» vs «выстраивание отношений», в котором они выступают как две важнейшие функции коммуникации, фигурирует во многих работах англоязычных авторов. Еще М. Хэллидей писал о двух метафункциях языка: передаче содержательной (*ideational*) стороны и функции межличностной, направленной на конструирование отношений. Б. Бернштейн, противопоставляя развернутый и ограниченный коды, утверждал, что первый нацелен на передачу информации, а второй – на поддержание межличностных отношений. Г. Каспер противопоставлял транзакционный (*transactional*) и интеракционный (*interactional*) типы дискурса: первый направлен на передачу информации, второй – на формирование межличностных отношений. Н. Энфилд писал об информационном императиве и императиве аффилиации, управляющими интеракцией.

Хотя обе функции – передача информации и выстраивание межличностных отношений – присутствуют в той или иной мере в любом дискурсе, для межличностной прагматики особый интерес представляет интеракционный дискурс, в котором говорящие осуществляют «работу над отношениями».

Новыми ключевыми терминами прагматики, описывающими поведение участников интеракции, стали содержательно близкие обороты «управление взаимоотношениями» (*rapport management*) [Spencer-Oatey, 2000; Spencer-Oatey, 2005] и «работа над отношениями» (*relational work*) [Locher, Watts, 2005]. Они охватывают весь континуум типов поведения – от вежливого и почтительного до грубого и агрессивного.

Так, по мнению Х. Спенсер-Оути, участники интеракции могут стремиться

- улучшить взаимоотношения, прибегая к похвале, лести, извинениям и т. д. (*rapport-enhancement orientation*);
- сохранить достигнутый уровень отношений, используя традиционные формулы вежливости, избегая ликоугрожающих речевых

актов или смягчая их (*rapport-maintenance orientation*);

- игнорировать работу над отношениями (*rapport-neglect orientation*) в ситуации, когда на первый план выходят другие коммуникативные задачи;
- идти на конфликт, бросая вызов сложившимся отношениям (*rapport-challenge orientation*) [Spencer-Oatey, 2000].

М. Лочер предпочитает термин «работа над отношениями» (*relational work*), замечая, впрочем, что он практически совпадает, или, по крайней мере, очень близок к «управлению отношениями» в понимании Х. Спенсер-Оути. «Работа над отношениями», по определению М. Лочер, – это «процесс определения отношений в интеракции» [Locher, 2004, с. 51], который в ее понимании охватывает весь континуум вербального поведения, включая общественно приемлемые и неприемлемые формы, причем невежливое поведение так же важно в конструировании отношений, как вежливое. Все эти типы поведения участвуют в конструировании лица участников интеракции.

М. Хо и Дж. Калпепер рассматривают сферу межличностной прагматики более дифференцированно. Они противопоставляют межличностные взаимоотношения (*interpersonal relations*) и межличностные аттитюды (*interpersonal attitudes*). Первые характеризуют отношения, которые складываются между участниками коммуникации и имеют отношение к распределению между ними власти, социальных ролей, прав и обязательств, а также к степени их близости и интимности. Под вторыми авторы понимают эмоциональные отношения симпатии, антипатии, отвращения, страха, гнева и т. п. Межличностные аттитюды в таком понимании связаны с субъективными, часто иррациональными межличностными эмоциями и межличностными оценками, которые влияют на восприятие собеседника, а иногда и на поведение по отношению к нему. Все эти аспекты межличностного поведения тесно взаимосвязаны и находят выражение в речи [Haugh, Culpeper, 2014].

1.2. Исследования невежливости

Своего рода реакцией на чрезмерное увлечение вопросами вежливости стали исследования невежливости (*impoliteness*) [Culpeper, 1996; Culpeper, 2011; Culpeper, Hardacker, 2017; Bousfield, 2010; *Impoliteness in Language...*, 2008; *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness*, 2015 и др.], выделившиеся в отдельную сферу лингвопрагматических исследований. Речь идет о вербальном поведении, которое можно охарактеризовать как атаку на лицо, вербальную агрессию, грубость, оскорбление;

несмотря на определенные различия, в настоящем разделе мы, вслед за англоязычными авторами, будем для их обозначения использовать зонтичный термин «невежливость». Первые работы на эту тему появились уже в 1980-е годы, но систематическое исследование данного феномена началось только в XXI веке (обзор работ по невежливости, в том числе и в хронологической перспективе, см. в [Culpeper, Hardaker, 2017]). Помимо изучения невежливости в бытовом общении, исследователи обращаются к медиаресурсам, интернет-коммуникации, политическому дискурсу, литературе.

Поначалу трактовка невежливости продолжала напрямую зависеть от теории вежливости. Так, среди стратегий невежливости, выделенных Дж. Калпепером в его ранней работе [Culpeper, 1996], фигурируют, среди прочих, эксплицитная невежливость (*bald on record impoliteness*); «позитивная» невежливость, то есть невежливость по отношению к позитивному лицу адресата (*positive impoliteness*) и «негативная» невежливость, то есть невежливость по отношению к негативному лицу адресата (*negative impoliteness*), скрытая невежливость (*off-record impoliteness*); все эти стратегии явно перекликаются со стратегиями вежливости и терминологией П. Браун и С. Левинсона [Culpeper, 1996].

Со временем, однако, стало очевидно, что стратегии невежливости далеко не всегда являются зеркальным отражением стратегий вежливости. Так, адресат может счесть оскорбительным покровительственный или подчеркнуто вежливый тон собеседника, расценить как невежливое проявление агрессии или употребление табуированных слов, хотя эти явления не соотносятся напрямую с феноменами, рассматриваемыми в теории вежливости [Haugh, Culpeper, 2014]. Невежливость в значительно большей степени, чем вежливость, связана с сильными эмоциями адресанта и адресата (злость, гнев, ненависть, стыд, унижение и т. п.). При этом использование говорящим выражений, которые принято считать невежливыми, не всегда имеет целью оскорбить собеседника – интенцией адресанта может быть дружеское поддразнивание, словесная игра (ср. описанное У. Лабовым ритуальное оскорбление как словесное состязание подростков-афроамериканцев), даже проявление заботы о собеседнике и, следовательно, укрепление внутригрупповой солидарности и даже выражение теплых чувств (ср. *You silly girl!* / Дурочка ты моя!). И, напротив, оскорбительным в определенном контексте может быть высказывание, не содержащее маркеров невежливости (ср. вопрос, адресованный свекровью молодой хозяйке: «Ты картошку умеешь варить?»). Таким образом, подчеркивают современные исследователи,

невежливость – это не просто антипод вежливости, а отдельный психический и дискурсивный феномен.

Во главу угла ставится понимание невежливости рядовыми носителями языка (т. е. невежливость рассматривается как феномен первого порядка) [Bousfield, 2010]. При таком подходе становится очевидным, что невежливость не является отклонением от нормы (в определенных контекстах она даже может быть нормой, как, например, это происходит в политических дебатах) и может выполнять широкий спектр функций, не обязательно деструктивных.

Как отмечает Дж. Калпепер, исследования невежливости второй и третьей волны вписываются в круг работ по межличностной прагматике с ее дискурсивно-интеракционистским подходом [Culpeper, Hardaker, 2017] (об интеракционистском подходе см. подробнее раздел 2). Характерным для этих работ является вовлечение в круг исследования адресата с его восприятием ситуации: «прототипическая невежливость» обнаруживается тогда, когда 1) говорящий совершает «атаку» на лицо говорящего намеренно (или, по крайней мере, может предугадать, что его высказывание будет воспринято таким образом) и 2) когда адресат воспринимает высказывание как намеренно оскорбительное [Culpeper, Hardaker, 2017]. Восприятие высказывания как оскорбительного влечет за собой ответное оскорбление, метапрагматические комментарии и / или вербальные и невербальные проявления эмоций, свидетельствующие об обиде, гневе и других негативных эмоциях. Это ставит перед исследователем вопрос о типичных реакциях адресата на проявление невежливости, что согласуется с дискурсивно-интеракционистским подходом.

2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРАКЦИОНИЗМ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРАГМАТИКЕ

Важной инновацией последних десятилетий стал дискурсивный анализ обширных фрагментов межличностной интеракции. Исследователям удалось преодолеть один из «грехов» (по определению Д. Франк) теории речевых актов: ограничение анализа рамками отдельных предложений или, в лучшем случае, диалогических пар [Франк, 1986]. Заметим, что этот «грех» были присущ многим ранним исследованиям категории вежливости, в том числе и классической работе П. Браун и С. Левинсона.

Работы в области межличностной прагматики отличает переход от анализа минимальных контекстов к изучению достаточно обширных фрагментов дискурса и интеракционизм как методологическая база исследований. От «лингвистики высказываний»

ученые переходят к изучению значений, приобретаемых в более широком дискурсивном пространстве¹.

Дискурсивный подход объясняется тем, что коммуникативные задачи часто решаются в ходе достаточно длительных интеракций: коммуникативный ход одного собеседника порождает реакцию другого, на которую следует ответ первого собеседника и т. д.; соответственно, анализ отдельных реплик должен осуществляться в контексте с учетом меняющихся интенций говорящих. Так, исследования речевого акта «выражение несогласия» показали, что в ходе дискуссии резкость выражения своей позиции участниками интеракции может как нарастать (говорящие все более прямолинейно формулируют свои взгляды, чтобы склонить собеседника на свою сторону), так и ослабевать (участники дискуссии, почувствовав, что их реплики задевают собеседника, ищут компромисс) [Sifianou, 2012].

Очевидно, для изучения динамики интеракции в качестве материала требуются достаточно обширные отрывки дискурса и акцент на их качественном, а не количественном анализе.

Интеракционистский подход подразумевает внимание ко всем участникам интеракции. Исследователи полагают, что в ранних исследованиях вежливости излишне большое внимание уделялось индивидуальному лицу говорящего, в то время как целесообразно сосредоточиться на взаимоотношениях участников коммуникации. Это означает внимание не только к адресанту и его интенциям, но и к адресату и его реакциям: предполагается, что формирование идентичностей коммуникантов и их взаимных отношений происходит в результате совместных усилий в ходе интеракции, так что межличностные взаимоотношения – это не заранее заданный контекст, но результат интерактивной деятельности [Haugh, Kádár, Mills, 2013]. Последняя, по определению Дж. Арундейла, является эмерджентной и погруженной в ситуацию. Первое означает, что значения, передаваемые коммуникантами, и их действия формируются intersubjectively в ходе взаимных усилий и не сводятся к сумме значений отдельных высказываний, принадлежащих индивидуальным коммуникантам. Второе свойство, получившее название 'situatedness', означает, что намерения приписываются собеседником говорящему в

процессе интеракции, исходя из конкретной ситуации общения [Arundale, 2021].

Интеракция понимается исследователями как динамический процесс, участники которого формируют, развивают, а нередко и пересматривают отношения с собеседником. Авторы разделяют постмодернистское интеракционистское понимание идентичности: идентичность, с их точки зрения, – это не стабильная раз и навсегда фиксированная структура, она конструируется, утверждается, уточняется, пересматривается в ходе интеракции. Она формируется под влиянием этнокультурных и социодемографических факторов (класс, пол, гендер) и тех коммуникативных ролей, в которых индивид выступает в данной интеракции (советчик, критик, шутник и т. п.). Конструирование идентичности – это не вполне рациональный и осознанный процесс, некоторые стороны идентичности могут быть привычными и не осознаваться самим говорящим, но они могут стать очевидными (в том числе для самого говорящего) на фоне реакций на его поведение других участников интеракции и окружающих.

М. Хо и Дж. Калпепер противопоставляют две трактовки личностных отношений в межличностной коммуникации [Haugh, Culpeper, 2014]: 1) отношения между коммуникантами как заранее заданный контекст (с их точки зрения, такой взгляд был присущ теории П. Браун и С. Левинсона; 2) отношения между коммуникантами, рассмотренные в процессе их создания в ходе коммуникации. Авторы решительно поддерживают второй взгляд, в котором личностные отношения выступают как эндогенный по отношению к интеракции фактор. Они полагают, что власть и дистанция, которые выступали у П. Браун и С. Левинсона в качестве важнейших социолингвистических переменных, устанавливаются и пересматриваются в ходе дискурсивной деятельности. Стратегии вежливости и невежливости не являются реакцией на сложившиеся отношения власти и дистанции, но сами формируют их. Отношения между участниками коммуникации, с их точки зрения, не субъективны, а intersubjectively.

Заметим, что хотя в таком подходе есть здоровое зерно, на наш взгляд, эти две трактовки (межличностных отношений, скорее, дополняют, а не отрицают друг друга: вступая в коммуникацию, ее участники имеют некоторое исходное представление о взаимных социальных позициях, обязательствах и намерениях. Это исходное предположение может быть ошибочным, но определенное предположение о том, «кто есть кто» и как с этим «кем-то» следует себя вести, у участников интеракции существует еще до начала вербального (и в некоторых случаях невербального) контакта. Дальнейшая коммуникация подтверждает, уточняет,

¹Хорошим примером является исследование М. Лочер [Locher, 2004]. Материалом для его эмпирической части стала магнитофонная запись дружеской беседы, длившаяся 2 часа 55 минут; для детального анализа автор выбрала спор, длившийся 14 минут. Вторая анализируемая автором магнитофонная запись делового совещания длится 90 минут, из которых автор также выбрала интересные ее моменты. Третья запись представляет собой 30-минутное интервью президента Клинтона, четвертое – запись предвыборных дебатов Дж. Буша и А. Гора.

модифицирует, опровергает первоначальное распределение ролей, так что в результате коммуникативной деятельности межличностные отношения могут быть – а могут и не быть – пересмотрены. Изучение этого процесса, несомненно, представляет интересное поле для наблюдений.

Дискурсивный подход повлек за собой и новый взгляд на характеристику речевых актов. Как полагают современные авторы, неверно рассматривать тот или иной речевой акт как априори вежливый или невежливый, угрожающий конкретно позитивному или негативному лицу говорящего или собеседника, как это делали П. Браун и С. Левинсон. Нельзя однозначно приписывать некоторому языковому выражению определенную функцию: оценка любого речевого акта может быть осуществлена только в контексте с учетом реакции адресата. Так, подчеркнуто вежливое речевое поведение в определенном контексте может быть воспринято адресатом как насмешка, использование формул вежливости в общении с близкими людьми – как знак дистанцирования, выражение несогласия может быть истолковано как вовлеченность в коммуникацию и / или забота о собеседнике и т. п.

Любой речевой акт, полагают исследователи «новой волны», является мультифункциональным и многосторонним [Sifianou, 2012; Angouri, Locher, 2012]. Мультифункциональность проявляется в том, что одно и то же высказывание может выполнять несколько функций. Так, выражение несогласия не просто информирует собеседника о позиции адресанта: одновременно оно может свидетельствовать о его глубокой вовлеченности в коммуникацию, стремлении уберечь адресата от ошибки и за счет этого укреплять, а не разрушать связи между собеседниками. В другом контексте, напротив, оно может восприниматься как конфронтация, стремление доминировать над собеседником и желание одержать над ним верх. В академическом дискурсе несогласие с научным оппонентом является неотъемлемой частью поиска научной истины, в политике оно выполняет агональную функцию, в бизнесе помогает найти оптимальное практическое решение и т. п. В разных видах дискурса – от бытового до академического – выражение несогласия позволяет адресанту найти сторонников, обозначив свою принадлежность к тем кругам, которые разделяют позицию говорящего, то есть выполняет и консолидирующую функцию [Sifianou, 2012].

Многосторонний характер речевого акта заключается в том, что он оказывает влияние на лицо обоих участников коммуникации. Например, совет, который в классической теории вежливости рассматривался как речевой акт, угрожающий негативному лицу адресата, может влиять и на позитивное лицо адресанта, либо укрепляя его (дающий совет предстает человеком более опытным и знающим), либо, если советы назойливы и неуместны, создавая ему негативную репутацию.

Очевидно, что для всесторонней оценки речевого акта необходим достаточно обширный фрагмент дискурса и учет реакции адресата, т. е. дискурсивно-интеракционистский подход.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование межличностной коммуникации, к которому, начиная с 2010-х годов, приковано внимание англоязычных исследователей, знаменует начало нового этапа в лингвопрагматическом изучении коммуникативного поведения.

Важной особенностью межличностной прагматики является расширение объекта исследования, который более не ограничивается поведенческими стратегиями, направленными на достижение гармонии между участниками интеракции (т. е. сферой вежливого поведения), но включает все виды взаимодействия коммуникантов, в том числе вербальную агрессию, грубость, невежливость и т. п.

Исследователи новой волны выступают за индуктивный подход, подразумевающий анализ эмпирического материала и оценочных суждений информантов. Они переходят от анализа отдельных высказываний, иллюстрирующих теоретические построения лингвистов, к изучению достаточно обширных отрезков дискурса, демонстрирующих реальное речевое поведение участников коммуникации (дискурсивные феномены первого порядка). В методологическом плане основой этих исследований становится интеракционизм: исключительное внимание к интенциям адресанта сменяет убеждение, что формирование коммуникативных смыслов, идентичностей коммуникантов, их взаимных отношений происходит динамически в результате совместных усилий в ходе интеракции. Учет реакций собеседника позволяет исследовать не только иллюкутивную силу, но и перлокутивный эффект высказывания. Это требует тщательного анализа конкретных интеракций с применением качественных методов анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
2. Ларина Т. В. Вежливость как предмет научного исследования // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 10–22.
3. Германова Н. Н. Англоязычные теории вежливости и методологические проблемы сопоставительной лингво-прагматики // Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2021. С. 51–63.
4. Watts R. J. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
5. Eelen G. A Critique of Politeness Theory. London: Routledge, 2014.
6. The SAGE Handbook of Interpersonal Communication / Ed. by M. L. Knapp, J. A. Daly. 4th ed. Los Angeles, etc: SAGE Publications, 2011.
7. Interpersonal Pragmatics / Ed. by M. A. Locher, S. L. Graham. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2010.
8. The Handbook of Interpersonal Communication / Ed. by G. Antos, E. Ventola. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2008.
9. The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness / Ed. by J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. London: Palgrave Macmillan, 2017.
10. Arundale R. B. Communicating and Relating. Constituting Face in Everyday Interacting. Oxford: Oxford University Press, 2020.
11. Haugh M., Kádár D. Z., Mills S. Interpersonal pragmatics: issues and debates. Journal of Pragmatics. 2013. № 58. P. 1–11.
12. The Cambridge Handbook of Sociopragmatics / Ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London–New-York: Routledge, 2016.
14. Locher M. A., Graham S. Interpersonal Pragmatics // The Cambridge Handbook of Sociopragmatics / Ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 569–591.
15. Haugh M., Culpeper J. Interpersonal Pragmatics // Pragmatics and the English Language. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 197–234.
16. Enfield N. Relationship thinking and human pragmatics // Journal of Pragmatics. 2009. № 41(1). P. 60–78.
17. Spencer-Oatey H. Rapport Management: A Framework for Analysis // Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures / Ed. by H. Spencer-Oatey. London–New York: Continuum, 2000. P. 11–46.
18. Spencer-Oatey H. (Im)Politeness, Face and Perceptions of Rapport: Unpackaging their Bases and Interrelationships // Journal of Politeness Research. 2005. Vol. 1 (1). P. 95–119.
19. Locher M. A., Watts R. J. Politeness theory and relational work. Journal of Politeness Research. 2005. № 1 (1). P. 9–33.
20. Locher M. A. Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2004.
21. Culpeper J. Towards an Anatomy of Impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. № 25 (3). P. 349–367.
22. Culpeper J. Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
23. Culpeper J., Hardaker C. Impoliteness // The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness / Ed. by J. Culpeper, M. Haugh, D. Kádár. London: Palgrave Macmillan, 2017.
24. Bousfield D. Researching impoliteness and rudeness: Issues and definitions // Interpersonal Pragmatics / Ed. by M. A. Locher, S. L. Graham. Berlin–NY: Walter de Gruyter, 2010. P. 101–136.
25. Impoliteness in Language: Studies on its Interplay / Ed. by D. M. Bousfield, A. Locher. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2008.
26. Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness / Ed. by M. Terkourafi. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
27. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Выпуск 17: Теория речевых актов. С. 363–373.
28. Sifianou M. Disagreements, face and politeness // Journal of Pragmatics. 2012. Vol. 44 (12). P. 1554–1564.
29. Arundale R. B. Toward a pragmatics of relating in conversational interaction // Journal of Pragmatics. 2021. Vol. 179 (8). P. 19–25.

30. Angouri J., Locher M. A. Theorising disagreement in problem solving meeting talk // *Journal of Pragmatics*. 2012. Vol. 44 (12). P. 1549–1553.

REFERENCES

1. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Larina, T. V. (2003). Politeness as an object of scholarly research. *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* (pp.10–22): The collection of articles. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
3. Guermanova, N.N. (2021). Western politeness theories and methodological problems of comparative pragmatics. *Metodologiya sovremennogo yazykoznanija* – 3 (pp. 51–63): The collection of articles in honor of V. A. Pishchal'nikova's jubilee. Moscow: R Valent. (In Russ.)
4. Watts, R. J. (2003). *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Eelen, G. (2014) *A Critique of Politeness Theory*. London: Routledge.
6. Knapp, M. L., Daly, J. A. (Eds.). (2011). *The SAGE Handbook of Interpersonal Communication*. 4th ed. Los Angeles etc: SAGE Publications.
7. Locher, M. A., Graham, S. L. (Eds.). (2010). *Interpersonal Pragmatics*. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
8. Antos, G., Ventola, E. (Eds.). (2008). *The Handbook of Interpersonal Communication*. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
9. Culpeper, J., Haugh, M., Kádár, D. Z. (Eds.). (2017). *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan.
10. Arundale, R. B. (2020). *Communicating and Relating. Constituting Face in Everyday Interacting*. Oxford: Oxford University Press.
11. Haugh, M., Kádár, D.Z., Mills, S. (2013). Interpersonal pragmatics: issues and debates. *Journal of Pragmatics*, 58, 1–11.
12. Haugh, M., Kádár, D. Z., Terkourafi, M. (Eds.). (2021). *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Leech, G. N. (2016). *Principles of Pragmatics*. London – New-York: Routledge.
14. Locher, M. A., Graham, S. (2021). Interpersonal Pragmatics In Haugh, M., Kádár, D. Z., Terkourafi, M. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics* (pp. 569–591). Cambridge: Cambridge University Press.
15. Haugh, M., Culpeper, J. (2014). Interpersonal Pragmatics. In *Pragmatics and the English Language* (pp. 197–234). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
16. Enfield, N. (2009). Relationship thinking and human pragmatics. *Journal of Pragmatics*, 41(1), 60–78.
17. Spencer-Oatey, H. (2000). Rapport Management: A Framework for Analysis. In Spencer-Oatey, H. (Ed.), *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures* (pp. 11–46). London–New York: Continuum.
18. Spencer-Oatey, H. (2005). (Im)Politeness, Face and Perceptions of Rapport: Unpackaging their Bases and Interrelationships. *Journal of Politeness Research*, 1(1), 95–119.
19. Locher, M. A., Watts, R. J. (2005). Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research*, 1(1), 9–33.
20. Locher, M. A. (2004). *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
21. Culpeper, J. (1996). Towards an Anatomy of Impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 25(3), 349–367.
22. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Culpeper, J., Hardaker, C. (2017). Impoliteness. In Culpeper, J., Haugh, M., Kádár, D. (Eds.), *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan.
24. Bousfield, D. R. (2010). Researching impoliteness and rudeness: Issues and definitions. In Locher, M. A., Graham, S. L. (Eds.), *Interpersonal Pragmatics* (pp. 101–136). Berlin–NY: Walter de Gruyter.
25. Bousfield, D. M., Locher, A. (Eds.). (2008). *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
26. Terkourafi, M. (Ed.). (2015). *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
27. Frank, D. (1986). Seven sins of Pragmatics: Theses about some limitations of speech act theory in relation to conversational analysis and rhetoric. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (vol. 17, pp. 363–373). Moscow: Progress.
28. Sifianou, M. (2012). Disagreements, face and politeness. *Journal of Pragmatics*, 44(12), 1554–1564.

29. Arundale, R. B. (2021). Toward a pragmatics of relating in conversational interaction. *Journal of Pragmatics*, 179(8), 19–25.
30. Angouri, J., Locher, M. A. (2012). Theorising disagreement in problem solving meeting talk. *Journal of Pragmatics*, 44(12), 1549–1553.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

Лингвосемиотические проблемы современного ребрендинга

О. И. Максименко

Государственный университет просвещения, Москва, Россия
maxbel7@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса современного ребрендинга. Цель исследования – раскрыть лингвосемиотические механизмы ребрендинга как процесса повторной номинации, выявив стратегии адаптации брендов с учетом теории номинации, семиотики Ч. Пирса и современных лингвистических концепций. Работа опирается на междисциплинарный подход, сочетающий анализ вербальных (названия, слоганы) и невербальных (логотипы, цветовые схемы) компонентов бренда. В результате выделяются его варианты, сформировавшиеся за последние три года: вынужденный, добровольный и кросс-культурная адаптация, а также три ключевые стратегии современного ребрендинга: мимикрия как сохранение семиотических якорей, семантический сдвиг как перекодирование ценностей через вербальные / визуальные коды и гибридизация.

Ключевые слова: коммерческая номинация, ребрендинг, семиотика бренда, лингвосемиотика, лингвистические стратегии, мимикрия бренда

Для цитирования: Максименко О. И. Лингвосемиотические проблемы современного ребрендинга // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 51–58.

Original article

Linguistic and Semiotic Problems of Modern Rebranding

Olga I. Maksimenko

Federal State University of Education, Moscow, Russia
maxbel7@yandex.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of the modern rebranding process. The aim of the study is to reveal the linguosemiotic mechanisms of rebranding as a process of re-nomination, revealing the strategies of brand adaptation taking into account the theory of nomination, semiotics of C. Peirce and modern linguistic concepts. The work relies on an interdisciplinary approach combining the analysis of verbal (names, slogans) and non-verbal (logos, color schemes) brand components. As a result, its variants formed over the last three years are highlighted: forced, voluntary and cross-cultural adaptation, as well as three key strategies of contemporary rebranding: mimicry as preservation of semiotic anchors, semantic shift as recoding of values through verbal/visual codes, and hybridization.

Keywords: commercial naming, rebranding, brand semiotics, linguosemiotics, linguistic strategies, brand mimicry

For citation: Maksimenko, O. I. (2025). Linguistic and semiotic problems of modern rebranding. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 51–58. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях насыщенного информационного пространства ребрендинг (изменение бренда) становится не просто маркетинговым инструментом, а сложным лингвосемиотическим процессом, в котором взаимодействуют язык, визуальные коды и культурные контексты. Процесс ребрендинга характеризуется тесно коррелирующими лингвопрагматическими и лингвосемиотическими причинами, а изменение бренда перестало быть исключительно маркетинговой стратегией, сменой логотипа или слогана, а превратилось в трансформацию знаковой системы бренда, что требует междисциплинарного анализа с позиций семиотики и лингвистики. Лингвосемиотический подход к изучению ребрендинга позволяет раскрыть глубинные механизмы трансформации брендов, рассматривая их как динамические знаковые системы, функционирующие в культурном, историческом и экономическом контексте.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки комплексной модели анализа ребрендинговых стратегий, опирающихся на теорию номинации, учитывающей как вербальные, так и невербальные компоненты бренд-коммуникации в условиях современных реалий.

Новизна исследования заключается в выявлении трех ключевых стратегий ребрендинга: мимикрии (сохранения семиотических якорей при смене названия); семантического сдвига (перекодирования ценностей через вербальные / визуальные коды); гибридизации (сочетания иконических и символических элементов) и их языкового оформления.

Материалом исследования послужил авторский корпус брендов, слоганов, логотипов российских и международных компаний объемом более 150 единиц.

НОМИНАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Номинация представляет собой процесс создания номинативной единицы, процесс присваивания объекту имени, отражающего сущность объекта или его основного признака и выделяющего данный объект среди других [Максименко, 2021]. Основы теории номинации (ономасиологии) были заложены в рамках Пражского лингвистического кружка, в отечественном языкознании этой проблематикой занимались Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, А. В. Суперанская, А. А. Уфимцева и многие другие [Арутюнова, 1999; Виноградов, 1975; Колшанский,

1977; Кубрякова, 2010; Суперанская, 1973; Уфимцева, 1975].

Отечественных работ по лингвистической составляющей коммерческой номинации меньше, известны, в частности, работы М. Е. Новичихиной, И. В. Крюковой, детальная обзорная работа О. Ф. Кривновой и ряд других [Новичихина, 2007; Новичихина, 2021; Krukova, 2008; Кривнова, 2013].

В целом, в процессе номинации учитываются как языковые (лингвистические), так и внеязыковые (экстралингвистические) факторы, включая мотивацию, оценку и культурный контекст.

В коммерческой сфере номинация (нейминг) приобретает еще одно важное дополнительное значение, поскольку название должно не только идентифицировать объект, выделяя его среди других, но и способствовать коммерческому успеху объекта или компании. Особенно это важно при создании бренда – долгосрочного имени компании, формирующего ее имидж [Беякова, 2024].

Бренд представляет собой сложный лингвосемиотический комплекс, включающий вербальный компонент (название) и иконический (логотип, фирменный стиль). В маркетинге бренд трактуется как совокупность ассоциаций, ценностей и ожиданий, связанных с продуктом или компанией [Огилви, 2001; Котлер, Пферч, 2007; Д'Алесандро, 2002] и др. Многочисленные дефиниции понятия «бренд» встречаются, по большей части, в работах маркетологов и экономистов. В лингвистике бренд рассматривается как знаковая система, где нейминг играет ключевую роль. Эффективность бренда зависит от фонетической выразительности (благозвучия, запоминаемости); семантической нагрузки (связи с сущностью бренда); культурной адаптации (соответствия языковым нормам и традициям).

Среди лингвистических теорий, на которые опирается брендинг, можно выделить следующие, принципиально важные: это закон минимизации усилий Дж.К. Ципфа, описанный в книге «Human behavior and the principle of least effort» [Zipf, 1949]; теория языковой экономии А. Мартине [Мартине, 2006]. А. Мартине писал о синтагматической экономии – использовании языковых элементов или конструкций таким образом, чтобы достичь максимальной информативности при минимальном объеме выражения, в брендинге это проявляется в тенденции к коротким, запоминающимся названиям (например, *Google*, *Tesla*, *Zoom*). Необходимо учитывать и теорию звукового символизма Э. Сепира, изложенную в работе «A study in phonetic symbolism» [Sapir, 1929], где отмечалось, что определенные звуки способны вызывать подсознательные ассоциации. Так, звонкие согласные (*b*, *d*, *g*) и гласные (*a*, *o*) воспринимаются как «теплые» и «надежные» (*Boom*, *Dove*),

а глухие согласные (*k, t, p*) и узкие гласные (*i, e*) ассоциируются с быстротой и легкостью (*TikTok, Pepsi*).

Для понимания процесса ребрендинга необходимо обратиться к триадической модели знаков Ч. Пирса [Пирс, 1983], а именно иконическим знакам, основанным на сходстве (например, логотип компании *Apple* в виде надкушенного яблока); индексальным знакам, опирающимся на причинно-следственную связь (например, *Swoosh* (звук свиста ветра при движении на большой скорости) как символ движения у *Nike*); символическим знакам – условным обозначениям, требующим понимания культурного кода (например, крыло богини Ники у компании *Nike* и золотые арки *McDonald's*).

Развивая теорию Ч. Пирса, современные исследователи предлагают рассматривать бренд как сложную семиотическую систему, где [Nöth, 1990; Danesi, 2004]:

- вербальные элементы (нейминг, слоганы) функционируют как символические знаки;
- визуальные компоненты (логотипы, цветовые схемы) сочетают иконические и индексальные характеристики;
- бренд-мифология опирается на культурные коды и архетипы.

Особое значение приобретает концепция семиозиса Ч. Пирса [Пирс, 1983] – процесса бесконечной интерпретации знаков, которая в контексте ребрендинга проявляется в:

1. Первичной семантизации (исходные значения бренда);
2. Ресемантизации (привнесение новых значений);
3. Трансформации восприятия (изменение интерпретаций у аудитории).

РЕБРЕНДИНГ: ВЫНУЖДЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕБРЕНДИНГА

Ребрендинг также представляет собой сложный лингвосемиотический процесс, протекающий по схожим с брендингом правилам, но его причины иные. Ранее «мотивирующими факторами для ребрендинга были желаемые или уже произошедшие изменения в компании или создаваемых ею продуктах» [Белякова, 2024, с. 686]. До определенного момента процедура ребрендинга опиралась в первую очередь на необходимость рестайлинга и репозиционирования (т. е. развитие) бренда. Однако в связи с внешнеполитическими событиями в России возникла ситуация вынужденного ребрендинга, которая изменила подходы к коммерческой номинации известных компаний, продуктов и иных объектов.

В 2022–2025 годах многие международные компании столкнулись с необходимостью ребрендинга из-за изменений на российском рынке. Традиционно ребрендинг предполагал обновление бренда для усиления его привлекательности, но в новых условиях он стал инструментом адаптации – попыткой сохранения бизнеса при смене юридического статуса. Произошли и «изменения в самом понятии ребрендинг – появилась необходимость изменить название, но до степени сохранности и узнаваемости исходного лингвосемиотического комплекса – бренда. Таким образом, происходит процесс *мимикрии* – попытки одновременно скрыться за новым названием и сохранить узнаваемость ушедшего бренда» [Белякова, 2024, с. 686].

Как упоминалось выше, бренд как знаковая система представляет собой сложную систему знаков, включающую: вербальные элементы (название, слоган, текстовый контент), визуальные элементы (логотип, цветовая палитра, шрифты), ассоциативные коды (истории, мифы, эмоциональные триггеры). Каждый из этих компонентов имеет определенное значение, а их изменение в процессе ребрендинга приводит к переосмыслению всего бренда.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕБРЕНДИНГА

Для сохранения на российском рынке компании стали применять разнообразные стратегии мимикрии, среди которых можно выделить следующие: сохранение узнаваемости через фонетические и графические аналогии; использование аббревиатур, маскирующих связь с исходным брендом, но сохраняющих смысловую нагрузку; апелляция к ценностям (доверие, технологии, качество). При этом, очевидно, возникает юридический аспект: новые названия должны соответствовать нормам регистрации товарных знаков, избегая прямого сходства с оригинальными брендами.

ТИПЫ СЕМИОТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИ РЕБРЕНДИНГЕ

Ребрендинг может затрагивать разные уровни знаковой системы, в том числе: денотативный (прямое значение: например, замена названия); коннотативный (дополнительные смыслы: например, изменение цветовой гаммы для передачи новых эмоций); мифологический (культурные и символические ассоциации: например, связь бренда с новыми ценностями).

Так, например, при ребрендинге компании Starbucks в России в 2022 году сеть получила

название Stars Coffee. При этом произошло упрощение логотипа – вместо привычной сирены / русалки на нем изображена девушка в кокошнике с пятиконечной звездой. Одновременно был осуществлен переход от денотативного обозначения (кофе) к коннотативному (глобальный символ премиального опыта). Исходно номинация «Starbucks» отсылала к персонажу романа Германа Мелвилла «Моби Дик» (1851) – моряку по имени Старбек, который часто пил кофе (к чему дополнительно ассоциативно отсылает сирена, как морское существо), и ассоциации со словом *star* (звезда) не было. При ребрендинге акцент был перенесен на слово *star*, уверенно вошедшее в русский язык в последние десятилетия, с возможной отсылкой на то, что новыми владельцами сети кофеен стали звезды российского шоу-бизнеса. При этом у компании появился слоган: «Лучший кофе снова с тобой», который также указывал на возврат/сохранение широко известного в мире бренда. При этом, отчасти сохранив символику, бренд потерял глубину мифологии.

Современная лингвистика выделяет несколько уровней лингвистической трансформации при ребрендинге [Koller, 2014; Bhatia, 2008]:

Фонетический уровень:

- изменения в произношении и звуковом образе;
- фонетическая адаптация к разным языковым культурам.

Морфологический уровень:

- упрощение / усложнение словоформ;
- изменение словообразовательных моделей.

Семантический уровень:

- сдвиги в значении и коннотациях;
- создание новых ассоциативных связей.

Дискурсивный уровень:

- изменение коммуникативных стратегий;
- трансформация бренд-нарративов.

Социокультурный контекст ребрендинга опирается на теорию культурных кодов, уделяющую особое внимание историческому контексту бренда; культурные традиции целевой аудитории; актуальные социальные тренды; политические и экономические факторы [Holt, 2023]. При ребрендинге бренд может смещаться между этими типами. Так, в компании «Mastercard» в 2016 году перешли от символического логотипа (два круга) с вербальным компонентом, названием компании, к более иконичному упрощенному дизайну, убрав слово *Mastercard*. «Твиттер» (ныне X)¹ радикально изменил символи-

ческий знак (птица → абстрактная буква), что вызвало семиотический разрыв. Успешный ребрендинг сохраняет связь между старым и новым знаком (индексальность). Неудачный ребрендинг нарушает культурный код (символичность), как произошло в 2010 году с компанией «Гар» (см. ниже).

Переименование бренда – один из самых сложных этапов ребрендинга, поскольку имя компании или продукта является ключевым семиотическим якорем. К основным стратегиям переименования можно отнести следующие: графическая адаптация (например, «Яндекс» → «Yandex» для международного рынка); семантический сдвиг (например, «Facebook»² → «Meta»³ – переход от социальной сети к метавселенной); полная замена (например, «ВКонтакте» → «VK» – использование аббревиатуры для глобального позиционирования).

Высокочастотной (но не обязательной) вербальной составляющей бренда является слоган, который можно рассматривать как инструмент перекодирования смыслов. С точки зрения маркетинговой лингвистики слоган – это концентрированное выражение философии бренда. При ребрендинге он может, с одной стороны, сохранять преемственность (McDonald's: «I'm lovin' it» остается десятилетиями), или же, напротив, полностью обновляться (Lays: «Захрустишь – не устоишь» → «Яркие моменты вкуснее с Лэйс!...» – смена акцента с хруста на эмоции).

ВОСПРИЯТИЕ РЕБРЕНДИНГА: СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

При ребрендинге у аудитории возможно возникновение когнитивного диссонанса, так как любое изменение бренда может вызвать сопротивление, если нарушается привычная семиотическая структура (например, новый логотип не ассоциируется со старыми ценностями); изменения кажутся необоснованными (как в случае с компанией «Гар», которая через шесть дней после ребрендинга вернула старый логотип после негативной реакции, когда в 2010 году компания изменила в логотипе шрифт на Helvetica без семиотической нагрузки, и аудитория отвергла абстракцию). Кроме того, обязателен учет культурных различий в восприятии. Ребрендинг, рассчитанный на глобальный рынок, должен, кроме лингвистических особенностей, учитывать и семантику цвета (например, белый в Европе – чистота, в Азии – траур).

¹запрещенного в РФ контента.

²Продукт компании «Мета», деятельность которой запрещена и признана экстремистской на территории Российской Федерации.

³Деятельность компании «Мета» признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹Деятельность социальной сети X (прежнее название – «Твиттер») заблокирована на территории РФ в марте 2022 года на основании статьи 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» за распространение

Основной тенденцией современного ребрендинга можно считать минимализм и цифровизацию. В первую очередь происходит упрощение визуальных кодов, т.е. современные бренды стремятся к минимализму (например, логотип *Burberry* неоднократно видоизменялся, уменьшался размер всадника (рыцаря), оставались только схематические очертания, менялся шрифт. В 2018 году новый логотип приобрел современный минималистичный дизайн, однако в 2023 году обновленный логотип вернулся к истокам: на нем изображен рыцарь в доспехах на коне, несущий флаг с латинским словом *Prorsum* (вперед). В цифровом пространстве привычный бренд дополняется динамическими логотипами (например, Mail.ru Group → VK с анимированными элементами), также добавляются звуковые лого (аудиобрендинг), как, например, у Intel или Netflix), т.е. по сути поликодовый текст превращается в мультимодальный.

Существует немало примеров неудачного ребрендинга, которые привели к семиотическому провалу. Например, при ребрендинге компании Tropicana (2009) произошла потеря визуальных кодов – упаковка сока лишилась рисунка «соломинки в апельсине» – ключевого иконического знака, потребители не узнавали продукт, продажи упали на 20 % за месяц. Через два месяца компания вернулась старому дизайну.

Если провести семиотический анализ неудачного ребрендинга Tropicana с позиций триадической модели Ч. Пирса, можно отметить:

1. Иконический компонент (изображение апельсина) – утрачен;
2. Индексальный компонент (ассоциация с натуральностью) – ослаблен;
3. Символический компонент (эмоциональная связь) – разрушен.

С лингвосемиотической точки зрения произошло упрощение вербального компонента; потеря уникального шрифтового решения; нарушение визуально-вербального баланса.

Примером удачного ребрендинга может служить последняя трансформация логотипа компании Google (2015), до этого смена логотипа проводилась пять раз (1998–2013). Для уже привычного всем логотипа Google были проведены следующие семиотические изменения: переход от объемного к плоскому дизайну; упрощение иконических элементов, при этом сохранялась цветовая семантика. Была сохранена фонетическая идентичность; средствами типографики была усилена визуальная адаптивность, что привело к оптимизации использования логотипа на цифровых носителях.

Таким образом, ребрендинг – это не только смена названия и логотипа, но и стратегический

инструмент, отражающий трансформацию бизнеса. Можно выделить несколько современных типов ребрендинга: вынужденный ребрендинг (мимикрия), добровольный ребрендинг (обновление позиционирования), кросс-культурная адаптация.

1. Вынужденный ребрендинг: сохранение бизнеса в новых условиях, например, McDonald's → «Вкусно – и точка» (Россия, 2022). Причиной ребрендинга стал уход американского бренда из России. Среди примененных стратегий можно выделить следующие:

- 1) сохранение узнаваемости через:
 - схожий красный и желтый цвет в логотипе;
 - сохранение иконичности в логотипе (бургер, картофель фри);
- 2) новое название – нейтральное, без прямых ассоциаций с McDonald's, но с акцентом на ключевое преимущество («вкусно»);
- 3) логотип: две желтые полосы и красная точка (намек на McDonald's, но без нарушения авторских прав).

С точки зрения символики *точка* в названии представляет собой индексальный знак завершенности. Однако отсутствие явной иконической связи с исходными «золотыми арками» McDonald's снижает силу бренда. В результате сеть сохранила лояльность аудитории, хотя часть клиентов критиковала вербальную составляющую нейминга, но посещаемость осталась высокой. Оптимальным можно считать сохранение ассоциаций через аббревиатуры, цвета, шрифты.

2. Добровольный ребрендинг: обновление имиджа, например, Dunkin' Donuts → Dunkin' (США, 2018). Причиной стало стремление отойти от ассоциации имени компании только с пончиками, так как компания начала развивать направление кофе и снеков. Среди стратегий выделяются следующие:

- упрощение названия (убрано «Donuts»);
- новый слоган – *America Runs on Dunkin'* (акцент на динамичность).

Этот ребрендинг также можно рассматривать с позиций лингвосемиотики, учитывая графику, цвет, символику. Так, на уровне типографики Dunkin' использует скругленные буквы, что можно рассматривать как иконичность пончика (неявную); на уровне цвета – оранжевый (энергия) + розовый (сладость) → компромисс между кофе и десертами; на уровне символики – изображение капли в логотипе: иконический знак кофе как индексальный знак «первой капли» утра. В итоге сохранена «вкусовая» семиотика через цвет, несмотря на упрощение названия компании, что привело к укреплению позиций компании в новом для нее кофейном рынке и росту продаж напитков.

3. Кросс-культурная адаптация: изменение имени бренда для новых рынков, например, локализация названия известных чипсов *Lay's* на китайском рынке (2003), поскольку исходное название имело негативную коннотацию на китайском языке. В качестве стратегии было избрано фонетическое сходство нового названия со старым, при этом негативные ассоциации были удалены: локализованное имя – «乐事» (*Lè shì* – «Счастливые моменты»); в упаковке был сделан акцент на натуральность, в результате бренд стал лидером рынка в Китае.

Можно обобщить общие тенденции в лингвосемиотике современного ребрендинга:

- гибридность (сочетание иконических и символических элементов, как у *Stars Coffee*);
- цветовая константа – 87 % брендов сохраняет основной цвет (согласно исследованию *Interbrand*, 2023¹);
- типографика как носитель смысла: скругленные буквы → дружелюбие (*Dunkin'*).

Для узнавания бренда принято сохранять хотя бы один сильный семиотический якорь (цвет / форма / шрифт), при долгой истории бренда принципиально важно избегать разрыва с иконическими компонентами.

¹URL: <https://interbrand.com/new-york/newsroom/interbrand-break-through-brands-2023-press-release> (дата обращения: 15.05.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный ребрендинг – это сложный диалог между традиционной семиотикой и лингвомаркетинговыми технологиями. Теория Ч. Пирса помогает понять глубинные механизмы изменений, примеры неудач ребрендинга предупреждают об опасностях потери кодов. Семиотика логотипов при ребрендинге рассматривает три уровня знаков: иконические (сходство с объектом), индексальные (причинно-следственная связь), символические (условные значения). Дополнительные критерии анализа, такие как: цветовая семиотика (психология восприятия), типографика (шрифт как носитель смысла), композиция (баланс вербальных и иконических элементов) и мотивация изменений позволяют полнее оценить процесс современного ребрендинга.

Ребрендинг в современных условиях – это не просто смена названия, а сложный лингвосемиотический процесс, направленный на баланс между адаптацией к новому рынку / новой экономической ситуации, потребностью в узнаваемости, законодательными ограничениями. Даже в условиях вынужденных изменений компании стремятся сохранить семиотическую связь с исходным брендом, используя языковые и визуальные средства. Всё это подтверждает, что коммерческая номинация не просто «квазиимя», а полноценный элемент ономастики, требующий комплексного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максименко О. И. Новые реалии нейминга (на примере названий компаний по доставке продуктов) // Дискурсивные практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021. С. 117–122.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования: Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русских и родственных языков) // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 155–221.
4. Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977.
5. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. Изд. 2-е. М.: URSS: Либроком, 2010.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М.: Наука, 1973.
7. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 5–86.
8. Новичихина М. Е. Как вы фирму назовете... М.: АСТ, 2007.
9. Новичихина М. Е., Дрогайцева М. А. О месте коммерческой номинации в ономастическом пространстве // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4 (43). С. 27–35.
10. Krukova I. V. The Brand Name's Life Stages // Atti del XXII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche. Vol. 2. Pisa: Edizioni ETS, 2008. P. 733–741.
11. Кривнова О. Ф. Билатеральность языкового знака и лингвосемиотические проблемы современного коммерческого нейминга // Язык, сознание, коммуникация: сборник к юбилею члена-корр. РАН Т. М. Николаевой / отв. ред. А. А. Кибрик. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 2013. С. 123–131.

12. Белякова А. М. Лингвосемиотика ребрендинга // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 9. Язык. Коммуникация. Перевод. М.: Военный университет Минобороны России, 2024. С. 682–689.
13. Огилви Д. Откровения рекламного агента. СПб.: Сирин, 2001.
14. Котлер Ф., Пфферч В. Бренд-менеджмент в B2B-сфере. М.: Вершина, 2007.
15. Д'Алесандро Д. Войны брендов / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптеревского. СПб.: Питер, 2002.
16. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort. London: Addison-Wesley Press, 1949.
17. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: проблемы диахронической фонологии. 2-е изд. М.: URSS, 2006.
18. Sapir E. A study in phonetic symbolism // Journal of experimental psychology. 1929. Vol. 12. P. 225–239.
19. Пирс Ч. Семиотика. М.: Радуга, 1983.
20. Noth W. Handbook of Semiotics. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
21. Danesi M. Brands. London – New York: Routledge, 2004.
22. Koller V. Corporate brands as socio-cognitive representations // Cognitive Sociolinguistics: Social and Cultural Variation in Cognition and Language Use Berlin: De Gruyter Mouton. 2014. P. 389–419.
23. Bhatia M. Terrorism and the Politics of Naming. London – New York: Routledge, 2008.
24. Holt D. Cultural Branding. Oxford: Oxford University Press. 2023.

REFERENCES

1. Maksimenko, O. I. (2021). New realities of naming (by example of names of food delivery companies). Diskursivnye praktiki (pp.117–122). Priceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the human world. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. (1975). Voprosy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya: Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii (na materiale russkikh i rodstvennykh yazykov). = Questions of modern Russian word-formation: Word-formation in its relation to grammar and lexicology (on the material of Russian and related languages). In Vinogradov, V.V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike (pp. 155–221). Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Kolshanskij, G. V. (1977). Lingvo-gnoseologicheskie osnovy yazykovoj nominacii. Yazykovaya nominaciya (obshchie voprosy) = Linguistic and Gnoseological Foundations of Linguistic Nomination. Linguistic Nomination (General Questions). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Kubryakova, E. S. (2010). Teoriya nominacii i slovoobrazovanie. = Nomination theory and word formation. 2nd ed. Moscow: URSS: Librokom. (In Russ.)
6. Superanskaya, A. V. (1973). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo = General theory of proper names. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Ufimceva, A.A. (1977). Leksicheskaya nominaciya (pervichnaya nejtral'naya) = Lexical nomination (primary neutral). Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij = Language Nomination. Types of Denominations (pp. 5–86). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Novichikhina, M. E. (2007). Kak vy firmu nazovete... = What you call the company... Moscow: AST. (In Russ.)
9. Novichikhina, M. E., Drogaitseva M. A. (2021). On the place of commercial nomination in onomastic space. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki, 4(43), 27–35 (In Russ.)
10. Krukova, I. V. (2008). The Brand Name's Life Stages. Atti del XXII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche (vol. 2, pp. 733–741). Pisa: Edizioni ETS.
11. Krivnova, O. F. (2013). Bilateral'nost' jazykovogo znaka i lingvosemioticheskie problemy sovremennogo kommercheskogo nejminga) = The bilaterality of the linguistic sign and the linguosemiotic problems of modern commercial naming. Jazyk, soznanie, kommunikacija (pp. 123–131). Collection of articles for the anniversary of the corresponding member RAS T. M. Nikolaeva. (In Russ.)
12. Belyakova, A. M. (2024). Lingvosemiotika rebrendinga = Linguosemiotics of rebranding. Voenno-gumanitarnyj al'manah = Military-humanitarian almanac. Series "Linguistics", 9, 682–689 (In Russ.)
13. Ogilvy, D. (2001). Otkroveniia reklamnogo agenta = Revelations of an advertising agent. St. Petersburg: Sirin. (In Russ.)
14. Kotler, F. Pferch, V. (2007). Brend-menedzhment v B2B-sfere = Brand management in the B2B sphere. Moscow: Vershina. (In Russ.)
15. D'Alesandro, D. (2002). Vojny brendov = Wars of brands. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
16. Zipf, G. K. (1949). Human behavior and the principle of least effort. London: Addison-Wesley Press.

17. Martine A. (2006). Mekhanizmy foneticheskikh izmenenij: problemy diahronicheskoy fonologii = Mechanisms of phonetic changes: problems of diachronic phonology. 2nd ed. Moscow: URSS. (In Russ.)
18. Sapir, E. (1929). A study in phonetic symbolism. Journal of experimental psychology, 12, 225–239.
19. Pirs, Ch. (1983). Семиотика = Semiotics. Moscow: Raduga. (In Russ.)
20. Noth, W. (1990). Bloomington and Indianapolis: Handbook of Semiotics. Indiana University Press.
21. Danesi, M. (2004). Brands. London – New York: Routledge.
22. Koller, V. (2014). Corporate brands as socio-cognitive representations. In Cognitive Sociolinguistics: Social and Cultural Variation in Cognition and Language Use (pp. 389–419). Berlin: De Gruyter Mouton.
23. Bhatia, M. (2008). Terrorism and the Politics of Naming. London – New York: Routledge.
24. Holt, D. (2003). Cultural Branding. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименко Ольга Ивановна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
 Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksimenko Olga Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Theory of Language, Anglistics and Applied Linguistics
 Federal State University of Education

Статья поступила в редакцию	16.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

Конструирование прагматической идентичности в академическом дискурсе (на материале китайских и русскоязычных рецензий на лингвистические монографии)

Пэй Сянлин¹, Хань Бовэнь²

¹Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

²Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай

¹1374254717@qq.com

²boliya8989@126.com

Аннотация. В статье рассматривается предложенное китайскими лингвистами понятие прагматической идентичности в приложении к анализу академического дискурса. Выявляются сходства и различия в стратегиях конструирования идентичностей рецензентами в двух лингвокультурных традициях. Материалом исследования послужили 80 рецензий на русском и китайском языках. Для анализа использованы методы лингвопрагматического и дискурсивного анализа. Результаты показывают, что в обоих языках доминируют идентичности «представляющий работу» и «оценщик». Преобладает позитивная оценка, а негативная критика смягчается, что свидетельствует о доминировании идентичности «доброжелательного оценщика». В китайских рецензиях также выделяется идентичность «скромного эксперта», отражающая культурные нормы вежливости, а в русскоязычных – идентичность «рекомендующего работу».

Ключевые слова: прагматическая идентичность, академический дискурс, рецензия, лингвопрагматика, стратегии оценки

Для цитирования: Пэй Сянлин, Хань Бовэнь. Конструирование прагматической идентичности в академическом дискурсе (на материале китайских и русскоязычных рецензий на лингвистические монографии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 59–68.

Original article

Construction of Pragmatic Identity in Academic Discourse (based on Chinese and Russian-language reviews of linguistic monographs)

Pei Xianglin¹, Han Bowen²

¹Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

²Beijing Foreign Studies University, Beijing, China, boliya8989@126.com

¹1374254717@qq.com

²boliya8989@126.com

Abstract. The article examines the concept of pragmatic identity in Chinese linguistic pragmatics as applied to the analysis of academic discourse. It identifies similarities and differences in the strategies of identity construction used by reviewers in two linguocultural traditions. The study is based on 80 reviews in Russian and Chinese. The methods of linguistic-pragmatic and discourse analysis were employed. The results indicate that the identities of “work presenter” and “evaluator” dominate in both languages. Positive evaluation prevails, while negative criticism is mitigated, reflecting the dominance of the “benevolent evaluator” identity. The “modest expert” identity is prominent in Chinese reviews, reflecting cultural norms of politeness, whereas the “recommending reviewer” identity is characteristic of Russian-language reviews.

Keywords: pragmatic identity, academic discourse, review, linguopragmatics, evaluation strategies

For citation: Pei Xianglin, Han Bowen. (2025). Construction of pragmatic identity in academic discourse (based on Chinese and Russian-language reviews of linguistic monographs). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(902), 59–68. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Рецензия представляет собой жанр научной коммуникации, основанный на критическом анализе и оценке результатов научной деятельности, а также на информировании о содержании рецензируемого текста [Николаев, 2014]. Она оказывает значительное влияние на восприятие и распространение научных теорий и популяризацию научных трудов. В западной лингвистике первая работа, посвященная лингвистическому исследованию рецензий, была опубликована в 1990-х годах [Motta-Roth, 1995]. В Китае исследования рецензий начались практически одновременно: первая статья по этой теме была опубликована профессором Ли Цзинвэем в 1996 году [李经纬, 1996]. С тех пор китайские исследователи сосредоточили внимание как на рецензиях на английском языке, так и на сравнительном анализе рецензий на английском и китайском языках; эти исследования выполнены в основном в русле функциональной лингвистики и прагматики.

В России также проведено значительное количество лингвистических исследований, посвященных стилистическим, лингвопрагматическим и дискурсивным особенностям научных рецензий [Николаев, 2014; Хомутова, Кравцова, 2014], а также вопросам оценочности в этом жанре [Степанов, 2023]. Кроме того, сравниваются рецензии на английском и русском языках [Ларина, 2019], на немецком и русском языках [Кондратенко, 2022], а также на русском, английском и немецком языках [Кравцова, 2014].

Вместе с тем исследования, посвященные сопоставительному изучению русскоязычного и китайского академического дискурса, в том числе сравнению научных рецензий, крайне немногочисленны, что и определяет новизну настоящего исследования.

Его актуальность, помимо углубления представлений о лингвопрагматических особенностях академического дискурса и современных методах его изучения, определяется также тем, что на фоне всё более тесных академических связей между Китаем и Россией, а также увеличивающегося числа программ подготовки высококвалифицированных специалистов, анализ прагматической идентичности, конструируемой в рецензиях на китайском и русском языках, может способствовать повышению академической адаптивности высококвалифицированных

специалистов обеих стран в научной среде другой страны.

В качестве материала исследования для обеспечения сопоставимости китайских и русских текстов, а также научной обоснованности исследования, нами было отобрано по 40 рецензий на русском и китайском языках. Это рецензии на китайском языке, опубликованные в период с 2000 по 2024 год в журналах, индексируемых в CSSCI (Chinese Social Sciences Citation Index), а также рецензии на русском языке, опубликованные в те же годы в журналах, индексируемых ВАК (Высшей аттестационной комиссией России). Для анализа собранного корпуса использованы функционально-прагматический метод и метод дискурсивного анализа.

В статье будут рассмотрены:

1. Разработанное в китайской лингвопрагматике понятие прагматической идентичности в приложении к анализу академического дискурса.
2. Особенности конструирования рецензентом прагматической идентичности в китайских и русских научных рецензиях.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВЗГЛЯД КИТАЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

Исследование академического дискурса с точки зрения прагматической идентичности является одной из актуальных тем в Китае. Прагматическая идентичность, согласно концепции Чэнь Синьжэня [陈新仁, 2013], который ввел этот термин, представляет собой контекстуально обусловленные идентичности адресанта и адресата, выбранные намеренно или ненамеренно участниками коммуникации, а также идентичности других индивидов или групп, упоминаемых говорящим в его высказываниях [Пэй Сянлинь, Германова, 2023]. Понятие прагматической идентичности активно используется китайскими лингвистами при исследовании разных видов дискурса и при изучении широкого круга проблем, таких как типология способов конструирования дискурса, прагматические ошибки и мотивация конструирования идентичности. Одним из активно разрабатываемых направлений является конструирование прагматической идентичности в академическом дискурсе. При

этом китайские ученые уделяют особое внимание конструированию прагматической идентичности носителями китайского языка в англоязычном академическом дискурсе, что связано со стремлением китайских исследователей вписать свои труды в международный научный контекст. В поле их зрения попадают разнообразные жанры, такие как аннотации к научным трудам, рецензии на книги лингвистической тематики, предисловия к научным монографиям, различные разделы магистерских диссертаций и др. Ряд исследований посвящен устному академическому дискурсу и анализирует деятельность модераторов на научных конференциях, выступления ученых на заседаниях диссертационных советов и т. п. В работах исследователей фигурируют такие идентичности, как «излагатель», «организатор», «оценщик», «собеседник», «эксперт», «наставник», «коллега» и др., выделяемые на основе доминирующих в том или ином случае стратегий конструирования идентичности, метадискурсивных маркеров, модальных языковых средств и т. п. Важно отметить, что разные идентичности не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать в одном тексте и даже одном предложении.

Например, Сунь Ли исследовала идентичности, конструируемые в аннотациях магистерских диссертаций китайскими магистрантами-англистами. Результаты показали, что, по сравнению с западными учеными, китайские магистранты чаще формируют идентичности «излагателя», «оценщика» и «организатора», однако недостаточно развивают идентичность «собеседника» [孙莉, 2015]. При выявлении различных идентичностей Сунь Ли опирается на различные лингвистические маркеры. Например, при выявлении идентичности «организатора» она использует такие дискурсивные показатели, предложенные К. Хайленд и П. Тсе [Hyland, Tse, 2004], как переходы, маркеры фрейма, эндофорические маркеры, маркеры доказательности и кодовые глоссы, которые встречаются в текстах китайских магистрантов-англистов.

Опираясь на корпус опубликованных в международных журналах по лингвистике рецензий, написанных китайскими авторами и носителями английского языка, Цзюй Юмэй провела сравнительный анализ их аргументационных характеристик, проявляющихся в выборе лексических и грамматических средств. Исследование показало, что, хотя обе группы авторов конструируют идентичности «представляющего работу» и «оценщика», китайские авторы чаще акцентируют внимание на роли «представляющего работу», тогда как носители английского языка придают равное значение обеим идентичностям [鞠玉梅, 2023].

Лю Инлян с соавторами провела исследование маркеров позиции (stance markers) и особенностей конструирования идентичности во введении и заключении дипломных работ китайских студентов-англистов. Используя самостоятельно созданный корпус, они рассчитали частотность четырех типов маркеров позиции: хеджирования, интенсификации, маркеров отношения и самоупоминаний. На основе этих данных был выполнен прагматический анализ четырех типов идентичностей – «излагатель», «собеседник», «оценщик» и «организатор», проявляющихся через использование различных маркеров позиции [刘应亮, 邓婷, 陈洋, 2023].

Юань Гожун выбрал объектом своего исследования конструирование идентичности авторов предисловий к академическим монографиям [袁国荣, 2023]. Результаты показали, что авторы предисловий применяют прагматические и стилистические стратегии для конструирования таких идентичностей, как «эксперт» (включая идентичность «скромного эксперта»), «наставник», «коллега», «друг», «обычный читатель» и «рекомендатель». Эти идентичности, сосуществуя и сменяя друг друга в пространстве одного предисловия, способствуют созданию гармоничных отношений между автором предисловия, автором монографии и читателем, достигая прагматического эффекта продвижения монографии.

Ученые также уделяют внимание вопросам конструирования идентичности в устном академическом дискурсе. Например, Жэнь Юйсинь на основе стенограмм заседаний, посвященных обоснованию тем диссертационных исследований, проанализировал, как эксперты используют различные личные местоимения для создания разнообразных прагматических идентичностей с целью достижения коммуникативных и прагматических целей [任育新, 2016].

Чэнь Синьжэнь и Ли Мэнсинь изучили высказывания модераторов на академических конференциях, уделив особое внимание конфликтам, связанным с конструированием идентичности, и речевым стратегиям их разрешения в академическом контексте [陈新仁, 李梦欣, 2016]. Исследование показало, что модераторы конференций создают множество идентичностей, включая «представляющего докладчика», «хронометриста», «подводящего итоги», «оценщика» и «инициатора взаимодействия». Сложность этих множественных идентичностей часто становится источником конфликтов и противоречий. Для их разрешения модераторы применяют такие стратегии, как «лаконичное представление» и «вежливое прерывание», что способствует эффективной организации и проведению конференций.

Интересно отметить, что, несмотря на то, что внимание китайских лингвистов в основном

сосредоточено на исследовании прагматической идентичности в китайском и английском академическом дискурсах, в последние годы также появляются исследования, посвященные конструированию прагматических идентичностей в русском академическом дискурсе. Так, в своей магистерской диссертации Чжао Цяньцзянь изучила 20 научных статей, опубликованных в авторитетном российском журнале «Вопросы языкознания» в период с 2013 по 2022 год [赵茜茜, 2023]. Она проанализировала средства выражения метадискурса (хеджирование, переходные маркеры, самоупоминания и др.), подсчитала частотность их использования и классифицировала типы идентичностей, конструируемые авторами с помощью метадискурсивных средств. Исследование показало, что в научных статьях русскоязычные авторы используют метадискурс для создания таких идентичностей, как авторитетный и осторожный ученый, организатор дискурса, оценщик и собеседник. Эти идентичности помогают достичь коммуникативных целей – передачи информации и убеждения читателей.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЦЕНЗЕНТОМ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НАУЧНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ

Анализ научных рецензий позволяет выделить две обязательные прагматические идентичности, конструируемые рецензентом как в русских, так и в китайских рецензиях: «представляющий работу» и «оценщик». Помимо этого, в китайских рецензиях отмечается одна факультативная прагматическая идентичность – «скромный эксперт», в русскоязычных рецензиях – прагматическая идентичность «рекомендующий работу».

Прагматическая идентичность «представляющий работу»

Как отмечают многие исследователи, рецензия относится к вторичным текстам, в то время как рецензируемая работа является первичным текстом [Хомутова, Кравцова, 2014; Усольцева, 2022]. Важнейшей функцией научной рецензии является представление содержания первичного текста, что подразумевает активное конструирование рецензентами идентичности «представляющего работу».

В анализируемых материалах часто встречаются так называемые предтексты – вводные части, которые предваряют основной текст и дают общее представление о рецензируемой работе. В китайских рецензиях такие предтексты обычно включают

информацию об истории создания монографии, сроках ее создания, а также о финансировании и институциональной поддержке исследования. Упоминания об источнике финансирования и институциональной поддержке научного исследования являются характерной чертой китайского академического дискурса (встречаются в 40 % случаев) и подчеркивают значимость работы в контексте государственных научных программ. В русскоязычных рецензиях аналогичные указания встречаются значительно реже (в 5 % случаев).

Таким образом, можно отметить важное различие: в китайских рецензиях акцент делается на официальную поддержку исследования, в то время как в русскоязычных рецензиях такие сведения упоминаются эпизодически и не являются обязательным элементом предтекста. В обоих случаях идентичность «представляющего работу» предполагает объективность, отсутствие эксплицитной оценочности, нацеленность на информирование. При этом «представляющий работу» сообщает читателю информацию, представляющую монографию в выгодном свете, указывая на наличие официальной поддержки, долгий срок работы над проблемой, наличие творческого коллектива и т. п. В целом китайские предтексты длиннее и дают больше информации.

Если в предтекстах идентичность «представляющего работу» выражена в чистом виде, то в основном тексте рецензии эта идентичность представлена в тех частях, где автор пересказывает содержание работы. И там она может представлять как ведущая идентичность (в случае пересказа без оценки) или сплетаться с идентичностью «оценщика» (там, где в пересказе присутствует оценка). Соотношение этих идентичностей в основном тексте рецензии может варьировать.

Прагматическая идентичность «оценщика»

Оценка является одной из ключевых функций научных рецензий, и рецензенты активно конструируют идентичность «оценщика». Однако анализ материалов показывает, что положительные и отрицательные оценки распределяются неравномерно. В рецензиях на русском языке отрицательные оценки составляют всего 5% от общего объема проанализированных материалов; в китайских рецензиях этот показатель несколько выше – 8 %.

Исследование выявило, что оценочные стратегии, применяемые китайскими и русскоязычными рецензентами, имеют как сходства, так и различия.

Одним из общих приемов выражения положительной оценки является обращение к мнению других ученых. В русскоязычных рецензиях это, как

правило, предисловие, написанное авторитетным исследователем специально для рецензируемой работы, например:

Как справедливо отмечает в предисловии к монографии Елена Самойловна Кубрякова, книга В. И. Заботкиной открывает широкие горизонты как для описания процессов эволюции когнитивной семантики и неологии, так и для понимания разных этапов становления когнитивно-дискурсивного подхода, показывающих разные ступени обобщения человеческого опыта¹.

В китайских рецензиях спектр ссылок более разнообразен: помимо предисловий, написанных другими учеными, рецензенты могут опираться на мнения ответственных редакторов или других рецензентов, например:

责任编辑在审稿时感叹说, 连教授的书是精品, 简直像是“压缩饼干”, 信息量大, 论述深刻, 文字也简练² – Ответственный редактор при рассмотрении рукописи воскликнул, что книга профессора является настоящим образцом высокого качества, напоминающим «сжатое печенье»: она содержит огромное количество информации, отличается глубиной анализа и лаконичностью изложения³.

В русскоязычных рецензиях при изложении содержания рецензируемой работы выражение положительной оценки часто достигается путем употребления оценочных наречий: *автор справедливо отмечает, автор скрупулезно анализирует*. После оценки отдельных частей или сторон рецензируемой монографии часто еще дается обобщенная положительная оценка. В китайских рецензиях, напротив, более распространена именно последняя форма – выражение положительной оценки в обобщенном виде, в то время как использование наречий с оценочной функцией в ходе изложения материала встречается реже.

Как в китайских, так и в русскоязычных рецензиях положительная оценка выражается оценочными словами, представленными разными частями речи, – наречиями, существительными, прилагательными. В следующих примерах оценка передается с помощью:

- наречий:
Автор *тщательно* выверяет все доступные ресурсы.

¹URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zabotkina-v-i-ot-pragmalingvistiki-k-lingvokognitologii-retsenziya-na-monografiyu-slovo-i-smysl-mrggu-2012-428-s?ysclid=m7a72fsoz2820180143> (дата обращения: 13.08. 2025).

²左颢. 求真与创美——评《英汉对比研究》(增订本). 中国外语. 2012. № 2. С. 108–111.

³Зд. и далее перевод наш. – П. С., Х. Б.

作者恰当地运用了修辞学与语用学联姻的方法论原则 – Автор *уместно* применил методологический принцип сочетания риторики и прагматики.

- прилагательных:
Книга заканчивается *объемной* библиографией. 书中引用了夯实的例子 – В книге приведены *убедительные* примеры.
- существительных в сочетании с прилагательными:
Автор вносит *значительный вклад*...
该书在内容和体系方面都有重大突破 – Книга представляет собой *значительный прорыв*...

Среди этих частей речи в русскоязычных рецензиях, в сравнении с китайскими, более активно употребляются оценочные наречия. Наиболее частотными являются *справедливо, детально, скрупулезно, глубоко, подробно, аргументированно*; далее следуют *убедительно, обоснованно, наглядно, основательно, четко, многоаспектно, уместно, грамотно*. При этом перед этими оценочными наречиями часто встречаются интенсификаторы, такие как *весьма, совершенно, вполне*, например:

Автор *весьма* убедительно доказывает...

Автор *совершенно* справедливо указывает...

Автор *вполне* аргументированно демонстрирует...

Интересно отметить, что в китайских рецензиях при выражении положительной оценки, напротив, часто употребляется наречие 较为 (*относительно / сравнительно*). Его использование позволяет смягчить категоричность положительной оценки, тем самым способствуя конструированию идентичности «объективного оценщика», например:

本书体现出较为全面的学术思维 – В данной книге отражается *относительно* всестороннее академическое мышление.

该书较为详细的分析了... – В данной книге *сравнительно* подробно проанализировано...

Еще одной характерной чертой китайских рецензий является явная адресация положительной оценки не только рецензируемой работе, но и ее автору, например:

作者虽已年高, 但细致、认真的钻研态度着实让人佩服和感动⁴ – Хотя автор уже в преклонном возрас-

⁴张芄, 金华. 《俄语成语研究》评介. 解放军外国语学院学报. 2001. № 5. С. 115–117.

те, его тщательное и серьезное отношение к исследованию действительно вызывает восхищение и трогает.

В китайских рецензиях эксплицитное выражение положительной оценки в адрес автора рецензируемой работы встречается в 35 % случаев, тогда как в русскоязычных рецензиях этот показатель значительно ниже – всего 15 %.

Что касается выражения негативной оценки, то она часто смягчается, причем способы митигации негативной оценки очень разнообразны. Во-первых, это лексические средства митигации: *略 (несколько)*, *似乎 (вроде)*, *有些 (немножко)*, *不太 (не очень)*, *较为 (относительно, несколько, возможно, вероятно)*, например:

Несколько смущает наличие в тексте монографии двух, как представляется, эквивалентных терминов¹.

该书中的个别术语似乎不太准确² – В книге отдельные термины вроде бы не совсем точны.

Во-вторых, это указание на тесную связь недостатков книги с ее достоинствами, например:

Недостатки книги, как это часто бывает, тесно связаны с ее достоинствами³.

这种做法既有合理的和便于操作的一面,但同时也存在“偏颇”的另一面⁴ – Этот подход имеет как разумную и удобную для применения сторону, так и свою «предвзятость».

В-третьих, это указание на то, что недостатки носят частный / дискуссионный / рабочий / рекомендательный характер, и достоинства преобладают над недостатками, например:

Всё, что было высказано в качестве замечаний, сомнений, пожеланий, носит частный характер⁵.

Высказанные замечания и пожелания носят рабочий характер и не снижают высокой оценки работы⁶.

著作中也存在某些需要修订和加工的不足之处,但与优点相比是瑕不掩瑜⁷ – В книге также есть некоторые недостатки, которые требуют доработки и исправления, но они не заслоняют достоинства.

В-четвертых, это выражение сожаления при выражении негативной оценки:

К сожалению, рецензируемая монография не лишена технических погрешностей.

对于阅读和听力技能则完全没有提及,不能不说是一个遗憾⁸ – Что касается навыков чтения и аудирования, то о них совершенно не упоминается, что, безусловно, вызывает сожаление.

В-пятых, это признание неизбежности недостатков или существования таких недостатков в работах других авторов, например:

一书不可能是完美无缺的⁹ – Ни одна книга не может быть абсолютно безупречной.

这样的不足也普遍存在于别的作者的语用研究著作之中¹⁰ – Такие недостатки также широко встречаются в работах других авторов прагматических исследований.

Как и всякое серьезное исследование, монография Н. М. Нестеровой вызывает стремление продолжить обсуждение поднятых проблем, не всё в работе принимается безоговорочно¹¹.

В целом негативная оценка в китайских и русскоязычных рецензиях выражена сдержанно, зачатую имплицитно или вовсе отсутствует. Это свидетельствует о том, что рецензии в большей степени ориентированы на презентацию работы, нежели на ее критический анализ. Таким образом, в русскоязычных и китайских рецензиях идентичность «критика» отступает на второй план; рецензент выступает преимущественно как «доброжелательный оценщик».

¹URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-monografiyu-yudinoy-n-v-sochetaniya-prilagatelnoe-suschestvitelnoe-v-lingvokognitivnom-aspekte-monografiya-m-vladimir-in-t?ysclid=m81gs16oul124111479> (дата обращения: 13.08.2025).

²高航. 民族思维如何塑造语法体系?——兼评王文斌教授新著《论英汉的时空性差异》. 外语与外语教学. 2020. № 1. С. 101–108, 149.

³URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-knigu-a-l-sharandina-russkiy-glagol-kompleksnoe-opisanie?ysclid=m81gzi3bse925724772> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴俞约法. 评《俄语祈使言语行为研究》. 外语研究. 2002. № 5. С. 77–79.

⁵URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-knigu-t-v-mahrachevoy-narodnyy-kalendar-tambovskoy-oblasti-etnolingvisticheskiy-aspekt?ysclid=m81h2xttzi446641510> (дата обращения: 13.08.2025).

⁶URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-monografiyu-n-v-yudina-russkiy-yazyk-v-hhi-veke-krizis-evolyutsiya-progress-m-gnozis-2010-293-s?ysclid=m81h4ko2oi556739305> (дата обращения: 13.08.2025).

⁷李祥瑞. 双语教育园地的奇葩——评《汉维语法对比》. 语言与翻译. 2000. № 2. С. 76–78.

⁸王丽. 专门用途英语研究50年: 现状与趋势——《专门用途英语研究新方向》评介. 外语界. 2012. № 6. С. 90–94.

⁹刁晏斌. 评张道生《现代汉语副词研究》. 语言研究. 2004. № 3. С. 77–78.

¹⁰俞约法. 评《俄语祈使言语行为研究》. 外语研究. 2002. № 5. С. 77–79.

¹¹URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-monografiyu-n-m-nesterovoy-tekst-i-perevod-v-zerkale-sovremennyh-filosofskih-paradigm?ysclid=m81hlrt1f287768660> (дата обращения: 13.08.2025).

Прагматические идентичности «скромный эксперт» и «рекомендующий работу»

В жанре научной рецензии существует необходимость конструирования прагматических идентичностей «представляющий работу» и «оценщик», однако прагматические идентичности «скромный эксперт» и «рекомендующий работу» являются факультативными. Первая из них характерна для китайских научных рецензий, в то время как вторая типична для русскоязычных рецензий.

Как отмечают китайские ученые, скромность, граничащая с самоуничижением, является одной из особенностей китайского коммуникативного поведения и ключевым элементом вежливости [麦胜文, 宗世海, 何自然, 2021]. Это утверждение подтверждается и в анализируемых нами материалах. Эксплицитное конструирование прагматической идентичности «скромный эксперт» часто встречается в китайских рецензиях (35 %). Например:

笔者不揣浅薄, 想借此机会写点个人管见¹ – Позвольте мне, с извинениями за мою ограниченность, воспользоваться этой возможностью, чтобы поделиться личными мнениями.

本文拟在采撷各家观点的基础上, 作一粗浅的评介² – Настоящая статья намерена, на основе сбора мнений различных авторов, представить поверхностный обзор.

拜读全书后, 我们认为有三方面有待商榷, 在此求教于作者和方家³ – Имея честь прочитать всю книгу, и считаем, есть три аспекта, которые требуют обсуждения, и с уважением обращаемся к автору и специалистам за разъяснениями.

以上是我们读了伍铁平先生新著《模糊语言学》之后的一点体会 不当之处 还请方家不吝赐教⁴ – Выше изложены наши скромные размышления после прочтения новой монографии господина Ву Тэпина «Нечеткая лингвистика». Если в чем-то ошибаемся, прошу прощения и надеюсь на ваши ценные замечания.

Такие примеры отражают типичное для китайской культуры понимание вежливости, выражение ограниченности своих возможностей и скромности является важным элементом взаимодействия рецензента с аудиторией, позволяя конструировать

идентичность «скромного эксперта». Подобные примеры полностью отсутствуют в русскоязычных рецензиях.

В свою очередь, прагматическая идентичность «рекомендующий работу» более характерна для русскоязычных рецензий. Она конструируется русскоязычными рецензентами с помощью прямого указания адресной аудитории рецензируемой работы в конце самой рецензии, например:

Хотелось бы, чтобы глубокие мысли и страстное слово известного ученого затронули как можно больше тех, кто обучается культуре русской речи и кто ей обучает⁵.

Рецензируемая монография является актуальной, интересной и полезной для широкого круга филологов, теоретиков и практиков, студентов и аспирантов, а также для всех представителей гуманитарного знания⁶.

Эта прагматическая идентичность встречается в 55 % проанализированных нами русскоязычных рецензий, в то время как в китайских рецензиях только в 10 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научных рецензий на русском и китайском языках показал, что при конструировании прагматических идентичностей русскоязычными и китайскими рецензентами существуют как сходства, так и различия. В первую очередь можно выделить две обязательные прагматические идентичности, которые присутствуют в рецензиях как на русском, так и на китайском языке: «представляющий работу» и «оценщик». Эти идентичности выполняют ключевую функцию в процессе рецензирования, активно формируя взаимодействие рецензента с аудиторией. Как показывает исследование, и в китайских, и в русскоязычных рецензиях позитивная оценка преобладает над негативной, при этом негативная оценка обычно смягчается, что свидетельствует о преобладании в обеих культурах прагматической идентичности «доброжелательного оценщика».

Помимо обязательных идентичностей, исследование выявило факультативные прагматические идентичности, присущие только определенным языковым сообществам. Так, в китайских рецензиях нами была выявлена

¹俞约法. 评《俄语祈使言语行为研究》. 外语研究. 2002. № 5. С. 77–79.

²左颢. 求真与创美——评《英汉对比研究》(增订本). 中国外语. 2012. № 2. С. 108–111.

³高航. 民族思维如何塑造语法体系?——兼评王文斌教授新著《论英汉的时空性差异》. 外语与外语教学. 2020. № 1. С. 101–108, 149.

⁴吴国华, 彭文钊. 也谈模糊语言学的几个问题——兼评伍铁平著《模糊语言学》. 外语与外语教学. 2001. № 5. С. 25–27, 39.

⁵URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-monografiyu-o-b-siro-tininoy-russkiy-yazyk-sistema-uzus-i-sozdavaemye-imi-riski?ysclid=m7a-7c2le6d23694364> (дата обращения: 13.08.2025).

⁶URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-monografiyu-n-v-yudina-russkiy-yazyk-v-hhi-veke-krizis-evolyutsiya-progress-m-gnozis-2010-293-s?ysclid=m7a7ejc3o5234161405> (дата обращения: 13.08.2025).

отчетливо выраженная прагматическая идентичность «скромный эксперт»; скромность является частью традиционного китайского коммуникативного поведения и играет важную роль в межличностном общении. В свою очередь, в русскоязычных рецензиях часто встречается прагматическая идентичность «рекомендующий работу», что подчеркивает роль рецензента как активного посредника между рецензируемым научным трудом и его потенциальными читателями.

Исходя из определения прагматической идентичности Чэнь Синьжэнем, ее можно разделить на идентичность адресанта, идентичность адресата и идентичность других индивидов, при этом большинство исследований прагматической

идентичности в академическом дискурсе сосредоточено именно на идентичности адресанта, что также является основным акцентом в данной работе. Однако, как справедливо отмечают Т. Н. Хомутова и Е. В. Кравцова, рецензия – это ответная реплика интерпретатора в диалоге с автором рецензируемой работы [Хомутова, Кравцова, 2014]; рецензия также вовлекает рецензента в коммуникативное взаимодействие с потенциальными реципиентами, будь то узкие специалисты или читатели более широкого профиля. Таким образом, конструирование рецензентом прагматической идентичности адресата также требует дальнейшего исследования и может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаев А.М. Научная рецензия как специфический жанр научного дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 228–235.
2. Motta-Roth D. Book reviews and disciplinary discourses: Defining a genre // Teachers of English to Speakers of Other Languages – 29th Annual Convention Long Beach, CA, USA. 1995. P. 1–24.
3. 李经纬. 英汉书评中的礼貌策略比较. 解放军外国语学院学报. 1996. 3: 1–8 = Ли Цзиньвэй. Сравнение стратегий вежливости в английских и китайских рецензиях на книги // Вестник университета иностранных языков НОАК. 1996. Вып. 3. С. 1–8.
4. Хомутова Т. Н., Кравцова Е. В. Научная рецензия: интегральный подход // Язык и культура, 2014. Вып. 1 (25). С. 70–76.
5. Степанов Е. С. Лингвокультурная специфика оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по социологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Язык и литература. 2023. Вып. 1. С. 117–136.
6. Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики 2019. Вып. 1 (39). С. 38–57.
7. Кондратенко П. И. Типографическое маркирование эмоциональности при выражении экспертной оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по лингвистике // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 102–115.
8. Кравцова Е. В. Культурно-специфические особенности научной рецензии: контрастивное исследование // Филология и культура. 2014. Вып. 1 (35). С. 63–67.
9. 陈新仁. 语用身份: 动态选择与话语建构, 外语研究, 2013, 140(4): 27–32 = Чэнь Синьжэнь. Прагматическая идентичность: динамический выбор и дискурсивная конструкция // Исследование иностранных языков. 2013. Вып. 140 (4). С. 27–32. (На кит. яз.)
10. Пэй Сянлинь, Германова Н. Н. Лингвопрагматические аспекты изучения идентичности в Китае: теория прагматической идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 72–79.
11. 孙莉. 中国硕士学位论文英文摘要的语用身份建构研究. 外语与外语教学. 2015. 5: 15–21, 14. = Сунь Ли. Исследование конструирования прагматической идентичности в английских аннотациях китайских магистерских диссертаций // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2015. Вып. 5. С. 15–21, 14. (На кит. яз.)
12. Hyland K., Tse. P. Metadiscourse in academic writing: A reappraisal // Applied Linguistics. 2004. № 2. P. 156–177.
13. 鞠玉梅. 中外英语学术书评语篇言据性与身份构建对比研究——基于语言学与应用语言学领域书评的个案研究. 山东外语教学. 2023. 2: 18–29 = Цзюй Юмэй. Сопоставительное исследование эвиденциальности и ее функции в конструировании авторских идентичностей в рецензиях на академические книги по лингвистике и прикладной лингвистике, на английском языке, написанных носителями китайского и английского языка // Преподавание иностранных языков в Шаньдуне. 2023. Вып. 2. С. 18–29. (На кит. яз.)

14. 刘应亮, 邓婷, 陈洋. 中国英语学习者学术语篇中的立场标记语和身份建构研究. 外语学刊. 2023. 5: 58–65 = Лю Инлянь, Дэн Тин, Чэнь Ян. Исследование маркеров позиции и конструирования идентичности в академическом дискурсе китайских изучающих английский язык // Исследование иностранного языка, 2023. Вып. 5. С. 58–65. (На кит. яз.)
15. 袁国荣. 汉语学术专著“他序”作者的身份构建语用修辞策略研究. 西安外国语大学学报. 2023. 31(3): 6–11 = Юань Гожун. Исследование прагматико-риторических стратегий конструирования идентичности автора предисловия к китайским академическим монографиям // Вестник Сианьского университета иностранных языков. 2023. Вып. 31 (3). С. 6–11. (На кит. яз.)
16. 任育新. 学术会话中人称代词身份建构功能研究. 外语研究. 2016. 33(2): 23–28 = Жэнь Юсинь. Исследование функции конструирования идентичности с помощью местоимений в академических разговорах // Исследование иностранных языков. 2016. Вып. 33 (2). С. 23–28. (На кит. яз.)
17. 陈新仁, 李梦欣. 学术语境下的身份冲突及话语策略——基于学术会议主持人话语的分析. 外语研究. 2016. 33(2): 16–22, 112 = Чэнь Синьжэнь, Ли Мэнсинь. Конфликт идентичности и дискурсивные стратегии в академическом контексте: анализ высказываний ведущего академической конференции // Исследование иностранных языков. 2016. Вып. 33 (2). С. 16–22, 112. (На кит. яз.)
18. 赵茜茜. 语用身份论视角下俄语学术论文中的元话语研究. 西安外国语大学硕士论文. 2023年 = Чжао Цяньцян. Исследование метадискурса в русскоязычных научных статьях с точки зрения теории прагматической идентичности: магистер. дисс. Сиань, 2023. (На кит. яз.)
19. Усольцева С.Ю. Научная рецензия как вторичный текст: структура, лингвостилистика, прагматика // Поволжский педагогический вестник. 2022. Вып. 4 (37). С. 44–52.
20. 麦胜文, 宗世海, 何自然. 汉语自贬的语用研究. 外语教学. 2021. 1: 71–76 = Май Шэнвэнь, Цзун Шихай, Хэ Цзыжань. Прагматическое исследование китайского самоуничижения // Преподавание иностранных языков. 2021. Вып. 1. С. 71–76. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Nikolaev, A.M. (2014). Nauchnaja recenzija kak specificheskij zhanr nauchnogo diskursa = Scientific review as a specific genre of scientific discourse. Proceedings of the Tula State University. Humanities, 3, 228–235. (In Russ.)
2. Motta-Roth, D. (1995). Book reviews and disciplinary discourses: Defining a genre. Teachers of English to Speakers of Other Languages – 29th Annual Convention Long Beach, CA, USA, 1–24.
3. 李经纬. 英汉书评中的礼貌策略比较. 解放军外国语学院学报. 1996. 03: 1–8 = Li, Jingwei. (1996). A Comparative Study of Politeness Strategies in English and Chinese Book Reviews. Journal of PLA University of Foreign Languages, 3, 1–8. (In Chinese)
4. Khomutova, T. N., Kravtsova E. V. (2014). Research review: an integral approach. Language and Culture, 1(25), 70–76. (In Russ.)
5. Stepanov, E. S. (2023). Linguocultural evaluation specifics in German and Russian reviews on sociology. Vestnik of St Petersburg University. Language and Literature, 1, 117–136. (In Russ.)
6. Larina, T. V. (2019). Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. Journal of Psycholinguistics, 1(39), 38–57. (In Russ.)
7. Kondratenko, P. I. (2022). Typographical markers of emotionality used in expression of expert evaluation in German and Russian reviews in Linguistics. German Philology in St Petersburg State University, 12, 102–115. (In Russ.)
8. Kravtsova, E. V. (2014). Culture-specific features of a scientific review: A contrastive study. Philology and culture, 1(35), C. 63–67. (In Russ.)
9. 陈新仁. 语用身份: 动态选择与话语建构, 外语研究, 2013, 140(4): 27–32 = Chen, Xinren. (2013). Pragmatic Identity: Dynamic Choice and Discursive Construction. Foreign languages research, 140(4), 27–32. (In Chinese)
10. Pei, Xianglin, Guermanova, N. N. (2023). Linguopragmatic aspects of identity studies in China: the theory of pragmatic identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(877), 72–79.
11. 孙莉. 中国硕士学位论文英文摘要的语用身份建构研究. 外语与外语教学. 2015. 5: 15–21, 14. = Sun, Li. (2015). A Study on Pragmatic Identity Construction in English Abstracts of Chinese Master's Theses. Foreign Languages and their Teaching, 5, 15–21, 14. (In Chinese)
12. Hyland, K., Tse, P. (2004). Metadiscourse in academic writing: A reappraisal. Applied Linguistics, 2, 156–177.
13. 鞠玉梅. 中外英语学术书评语篇言据性与身份构建对比研究——基于语言学与应用语言学领域书评的个案研究. 山东外语教学. 2023. 2: 18–29 = Ju, Yumei. (2023). A Contrastive Study of Evidentiality and Its Function in

- Constructing Authors' Identities in Linguistics and Applied Linguistics English Academic Book Reviews by Chinese and Native English Writers. Shandong Foreign Language Teaching, 2, 18–29. (In Chinese)
14. 刘应亮, 邓婷, 陈洋. 中国英语学习者学术语篇中的立场标记语和身份建构研究. 外语学刊. 2023. 5: 58–65 = Liu Yingliang, Deng Ting, Chen Yang. (2023). A Study of Stance Markers and Identity Construction in Academic Discourse of English Majors in China. Foreign Language Research, 5, 58–65.
 15. 袁国荣. 汉语学术专著“他序”作者的身份构建语用修辞策略研究. 西安外国语大学学报. 2023. 31(3): 6–11 = Yuan, Guorong. (2023). A Study on Pragmatic and Rhetorical Strategies for Identity Construction in Prefaces Written by Third Parties for Chinese Academic Monographs. Journal of Xi'an International Studies University, 31(3), 6–11. (In Chinese)
 16. 任育新. 学术会话中人称代词身份建构功能研究. 外语研究. 2016. 33(2): 23–28 = Ren, Yuxin. (2016). A Study on the Identity-Constructing Function of Personal Pronouns in Academic Conversations. Foreign Languages Research, 33(2), 23–28. (In Chinese)
 17. 陈新仁, 李梦欣. 学术语境下的身份冲突及话语策略——基于学术会议主持人话语的分析. 外语研究. 2016. 33(2): 16–22, 112 = Chen, Xinren, Li, Mengxin. (2016). Identity Conflicts and Discourse Strategies in Academic Context: Based on the Analysis of Moderators' Discourse at Academic Conferences. Foreign Languages Research, 33(2), 16–22, 112. (In Chinese)
 18. 赵茜茜. 语用身份论视角下俄语学术论文中的元话语研究. 西安外国语大学硕士论文. 2023年 = Zhao, Qianqian. (2023). A Study on Metadiscourse in Russian Academic Papers from the Perspective of Pragmatic Identity Theory. Magister. diss. Xi'an. (In Chinese)
 19. Usoltseva, S.Yu. (2022). Academic reviews as a secondary text: structure, linguostylistics, pragmatics. Povolžskij pedagogičeskij vestnik, 4(37), 44–52. (In Russ.)
 20. 麦胜文, 宗世海, 何自然. 汉语自贬的语用研究. 外语教学. 2021. 1: 71–76 = Mai, Shengwen, Zong, Shihai, He, Ziran. (2021). A Pragmatic Study of Self-Demotion in Chinese. Foreign Language Education, 1, 71–76. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пэй Сянлин

кандидат филологических наук

старший преподаватель Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай)

Хань Бовэнь

доктор филологических наук

доцент Пекинского университета иностранных языков (Китай)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pei Xianglin

PhD in Philology

Senior Lecturer at Guangdong University of Foreign Studies (China)

Han Bowen

Doctor of Philology

Associate Professor at Beijing Foreign Studies University (China)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

08.06.2025
04.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Язык и феномен творения в сигнифике и семиоэтике Виктории Уэлби

М. И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
maria_kiose@mail.ru

Аннотация. Исследование обращается к проблеме трансфера научных идей в контексте недооцененной роли женщины-исследователя в этом трансфере. В работе устанавливается роль языка как важного компонента процесса творения в философии сигнифики и семиоэтики Виктории Уэлби. На материале шести основных работ В. Уэлби, изданных в 1881–1911 годах, демонстрируются возможности реализации языка как творящей силы и как результата творения. С применением методов пространственной семантики определяются изменения в агентивной роли языка и в значимости его компонентов, которые свидетельствуют о трансформации идей В. Уэлби – от сигнифики до семиоэтики.

Ключевые слова: Виктория Уэлби, сигнифика, семиоэтика, язык, творение, образ-схема, агонист, антагонист

Для цитирования: Киосе М. И. Язык и феномен творения в сигнифике и семиоэтике Виктории Уэлби. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 69–76.

Original article

Language and Creation in Victoria Welby's Significs and Semioethics

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
maria_kiose@mail.ru

Abstract. The study addresses the problem of ideas transfer in science and the women's underestimated contribution to this transfer. It identifies the role of language in Victoria Welby's philosophy of significs and semioethics considering its contribution to the processes of creation. The research data are six Welby's most influential works published in 1881–1911 which show language as both creator and the created. Conducted within the research framework of spatial semantics, the study reveals the shifts in the agonist and antagonist roles of language as well as the differences in its components distribution attributed to the transformation of Welby's earlier significs to semioethic views.

Keywords: Victoria Welby, significs, semioethics, language, creation, image schema, agonist, antagonist

For citation: Kiose, M. I. (2025). Language and creation in Victoria Welby's significs and semioethics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 69–76.

INTRODUCTION

This study addresses the scientific heritage of Lady Victoria Welby (1837-1912), a developer of original signification and semioethics theory at the borderline of the XXth century, an interlocutor (mostly epistolary) with famous philosophers of Britain, Europe and America. Among these interlocutors was Charles Sanders Peirce, whose theory of infinite semiosis and the tripartite sign structure was formulated in discussions with Welby – their extensive epistolary connection happened in 1903-1906 and 1908-1911 and was later published. Another linguist whose views were formed under her influence was Richard K. Ogden, whose theory of sign (developed with I.A. Richards) was largely inspired by V. Welby. Overall, the circle of V. Welby's interlocutors contained 450 names, with Bertrand Russell, Michel Bréal, Rudolf Carnap, Herbert George Wells, George Bernard Shaw among them. She published a number of books and essays on the general theory of interpretation, which accounts for the interest her works possess for contemporary semiotics, discourse theory, cognitive linguistics and narratology. Meanwhile, her contribution to semiotics and the theory of language has not earned the recognition it deserves, mostly because of an underestimated woman's position in science [Petrilli, 2009; Petrilli, 2015; Petrilli, 2023], which attributes to the actuality of the study. Therefore, this paper alongside with other research aimed at revealing the role of women in science [Радченко, 2021; Германова, 2022] opts for doing justice to their scientific heritage addressing their academic language which is the key to exploring the transfer of ideas [Демьянков, 2023].

Welby's semiotic theory is grounded on the tripartite relations of sense (in particular Mother sense), meaning and significance; viewed in semioethic perspective, understanding these relations, especially significance is something each man should acquire via teaching. One of the borderline concepts in her theory is related to the use of language, which can be observed in the titles of her six major works: "Links and Clues" (1881), "Meaning and Metaphor" (1893), "Sense, Meaning and Interpretation" (1896), "Grains of Sense" (1897), "What is Meaning? Studies in the Development of Significance" (1903), "Signification and Language: The Articulate Form of Our Expressive and Interpretive Resources" (1911). The prior studies of Welby's heritage revealed that language expressed in the phenomena of inferences, interpretation, meaning, figurativeness within the process of creation contributed greatly to her signification and semioethics framework [Petrilli, 2009; Petrilli, 2015; Кюсе, 2018], also within the main trajectories of her ideas transfer in correspondence

[Ирисханова, Кюсе, 2017]; however, the role of language on the whole has not been identified.

In this study, we aim at revealing the potential of language both as a creative force and the object of creation in Welby's scientific heritage in its diachronic transformation from signification to semioethics throughout her major works. The scientific novelty of the study lies in the fact that to reveal this potential it employs quantitative methods of spatial semantics which help attain confirmation of the diachronic transformation. To proceed, we adopt the method of image-schemas to identify the role of language as creator or the created, as well as the force dynamic patterns which underlie the process of its creation.

THEORETICAL FRAMEWORK

To this date, language as part of the creation process has been considered in Victoria Welby's works mostly within semiotic and philosophical frameworks [Petrilli, 2009; Petrilli, 2015]. Meanwhile, the history of ideas can be additionally explored via the linguistic resources revealing the directions in the transfer of ideas [Зыкова, 2016; Кюсе, 2018; Германова, 2019]; therefore, we expect to identify the contribution of language to Welby's signification and semioethics by means of linguistic methods, here – the methods of cognitive semantics.

To proceed, we adopt the methodology of image schemas introduced within spatial semantics. It proposes a typology of dynamic structures arising from perception, movements, manipulation and force structuring our experience [Johnson, 1987] built from spatial primitives used to create knowledge domains [Mandler, Pagán Cánovas, 2014]. In exploring creation as a key domain, we adhere to AGENCY image schema proposed by J. Mandler, where "AGENCY is represented as an animate object, A, that moves itself and also causes another object, B, to move" [Mandler, 1992, p. 596]. As known, AGENCY schema was further developed within spatial semantics in Force Dynamics framework proposed by L. Talmy who distinguishes the roles of Agonist and Antagonist as force entities in force-dynamic patterns [Talmy, 1988]. We presume that in attribution to the process of creation, AGENCY schema can be explored via its three force entities, Agonist (agent representing the creator), Antagonist (object, the created substance), and Force (act representing a directed move which causes the change of state of the object from non-existence to existence). Structurally, AGENCY schema can be realized via several dynamic patterns: where both Agonist and Antagonist are manifested, where only Agonist or Antagonist is manifested, where Agonist and Antagonist are the same substance (for instance, in the clauses with

reflexive verbs like *rise*). Functionally, the variance in their use is mediated by the types of force entities, with language being either Agonist or Antagonist. These changes become the research focus of this study since they might be mediated by the diachronic transformation of V. Welby's views.

METHODS AND PROCEDURE

To identify the role of language as Agonist or Antagonist within the AGENCY schema in Welby's works, we developed a two-step procedure of structural and functional analysis. At Step 1 we identified the types and variance of dynamic patterns of AGENCY schema with the domain of language as one of its two force entities, Agonist and Antagonist. To proceed, using a list of tokenized (only root morphemes, e.g., *produc-*) synonyms (overall 58, e.g. *generate, cause, do, produce, affect, develop, establish, make, result, bring, cultivate, further*, etc.) to the word *create* (as well as *create* itself) we compiled the corpus of text samples (mostly equal to clause) in six Welby's works. To conduct the search for dynamic patterns, we disregarded the examples with *do / does / did* as an auxiliary, the attributive use of *further*, the idiomatic and phrasal uses of verbs (mostly *make*), the use of tokenized words in quotes. Next, we selected only the samples where the domain of language was manifested as either Agonist or Antagonist. At Step 2 we identified the dynamic patterns and their functional specifics displayed in the variance of language as Agonist or Antagonist. To do it, we compiled the lists of nominals representing the domain of language as either Agonist or Antagonist (other nouns rather than the ones naming language can also appear within nominal groups) considering all the nouns in enumerations and if necessary, searching for direct antecedents in prior context for the deictic words used within these samples.

For instance, in the fragment *a different meaning of a term consciousness as Content and as State makes confusion* ("What is meaning", 1903) we observe that language domain manifested via the nouns *meaning* and *term* acts as Agonist in affecting confusion. In the fragment *He pioneers new worlds of expression* ("Grains of sense", 1897) the domain of language performs as Antagonist in *expression* with *He* being agentic. We found multiple cases where language can be inferred as both Agonist and Antagonist, for instance in *Language develops* (Grains of sense, 1897), where it can perform as a force and at the same time undergo its effect.

The results presented below show the distribution of 1) tokenized words (*create* and its synonyms), which allows to identify the specificity of Force unity within the image schema AGENCY in attribution to the

domain of language; 2) dynamic patterns of AGENCY schema, which shows the structural variance in the direction of force (with language being either Agonist or Antagonist) in Welby's works; 3) nominals (nouns, nominal word combinations) manifesting the domain of language, which shows the functional variance in the use of Agonist and Antagonist entities in Victoria Welby's major works.

RESULTS

In this section, we first present the results manifesting the distribution of *create* tokens in the samples where the language domain was represented as either Agonist or Antagonist. This allows to identify the differences modulated by the diachronic transformations in Welby's views. Next, we present the distribution of dynamic patterns (Agonist creates Antagonist, Agonist creates, Antagonist is created) with a view to explore the differences in the construed agentivity of language. Finally, we observe the distribution of lexical manifestations of Agonist and Antagonist in Welby's works to identify the components of language as a domain mediated by its role in the process of creation.

The frequency of tokenized *create* words in six major works of Victoria Welby is equal to 4,212; however, since we disregarded their use as auxiliary and phrasal verbs (cf. the constraints listed above) the resulting number of text samples (mostly clauses with *create* tokens) subjected to analysis is 715 containing 1523 examples of Agonist and Antagonist construal within subject and predicate groups. The number of patterns where language acts as Agonist or Antagonist is 126, which shows the significance of language in the process of creation in Welby's views.

The distribution of frequent *create* tokens in the samples attributed to the construal of language shows several tendencies. In Welby's earlier works the role of language in the process of creation is less significant, its functions in creating are limited. For instance, in "Links and Clues" (1881) language performs this role in 4 patterns only (out of 276 patterns of creation), it *makes* and *produces*, and *is founded* and *prompted*. In "Meaning and Metaphor" (1893) it is found in 4 patterns (out of 109) only as Antagonist, it is *made* (3 patterns) and *established*. In Welby's later works its contribution to creation becomes more explicit and domineering. In "Sense, meaning and interpretation" (1896) language is found in 16 patterns (out of 154); it *affects, develops, advances, fosters*; meanwhile, it is *established* (2), *cultivated* (2), *affected, developed, advanced, made*. In "Grains of Sense" (1897) language appears in 40 patterns (out of 188), its functions become more varied; it *generates*

(2), *makes* (2), *further* (2), *creates*, *brings*, *develops*, *produces*, *fosters*, *induces*, and at the same time is *developed* (5), *made* (4), *created* (3), *advanced* (3), *done* (3), *generated* (2), *translated*, *produced*, *cultivated*, *invoked* and *pioneered*. Additionally, we observe a variety of its creating functions which contribute to molding a personality. In “What is meaning” (1903) we reveal another change with language developing a variety of Antagonist functions; while it *results* (2), *develops* (2), *begins* (2), *determines* (2) as Agonist, it is *developed* (10), *created* (4), *established* (4), *brought* (2), *made* (2), *generated*, *resulted*, *begun*, *done*, *produced*, *fostered*, *introduced*, *contributed*, *started*, *founded* as Antagonist; overall it appears in 38 cases (out of 550). This change evidences that language is viewed as an integral component of a person capable of interpreting and signifying, which can serve as a benchmark for the turn in Welby’s signification to semioethics. In “Signification and language” (1911) the role of language as Agonist and Antagonist becomes balanced. It appears in 24 cases (out of 246), it *results* (4), *creates* (3), *brings* (3), *causes* (2), *induces* and *sets*; it is also *developed* (5), *created*, *generated*, *brought*, *translated*, *resulted*, *made*.

Overall, the results manifest the variance in the construal of language as Agonist (language as creator) and Antagonist (language as the created) in Welby’s views, which is shown in Figure 1.

The results visualize that language is more commonly created rather than creates (82 versus 44). Language as creator more frequently acts as *resulting* something, e.g., *in long and difficult acquisition of language as the most precious ‘tool’ of humanity results in the expressive treasure* (“What is meaning”, 1903), *acquisition of more fitting idioms, figures, and expressive forms in general results in growing adequacy of language* (“Signification and language”, 1911); whereas language as the created is mostly *developed*, e.g., *English writers and teachers develop of the expressive and discriminative powers of language* (“Sense, meaning, interpretation”, 1896), *We developed all means of communication* (“Grains of sense”, 1897).

Next, we identified three types of dynamic patterns present in the compiled corpus of examples, which are Agonist creates Antagonist, Agonist creates, Antagonist is created. Apart from these, we can consider the pattern Agonist self-creates, however, the latter comprises the characteristics of Agonist creates and Antagonist is created with Agonist and Antagonist being the same substance; therefore, we treated Agonist self-creates examples as manifesting both patterns and not as a single pattern. Table 1 shows the distribution of AGENCY dynamic patterns attributed to language in Welby’s works.

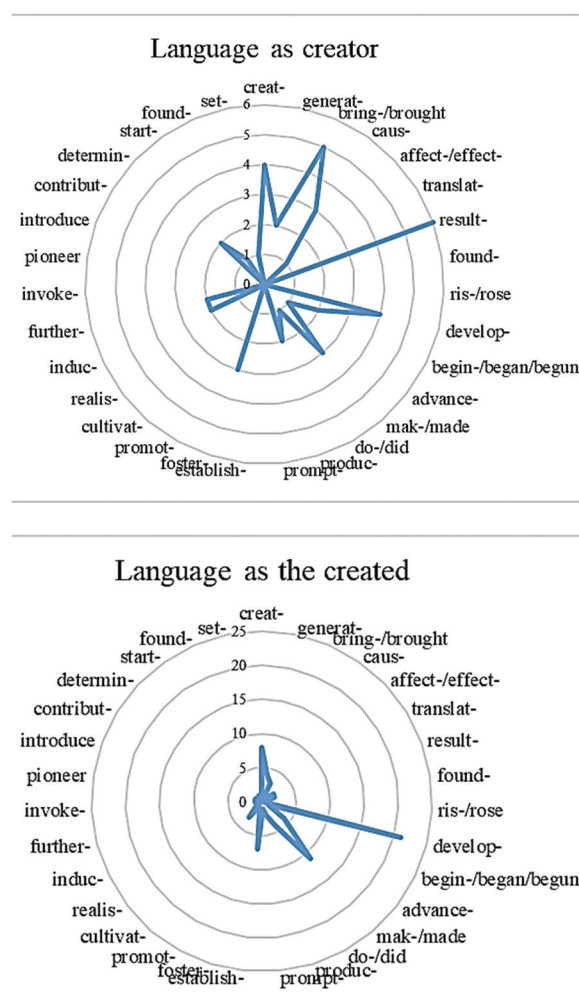

Fig. 1. Overall distribution of create tokens with the domain of language

The results show that in almost all cases the prevailing dynamic pattern of creation is Agonist creates Antagonist, where either Agonist or Antagonist can be represented by the domain of language. The work “Grains of Sense” (1903) manifests the prevalence of transitive aspect of creation with both Agonist and Antagonist present within the event of creation in Agonist creates Antagonist patterns, for instance in *we bring forth our power, vision brings truth to Man, we develop the power of Communication between ‘mind’ and ‘mind’, friction [of the Earth] produces the light and flames*. Meanwhile, the works “Links and Clues” (1883) and “Sense, meaning and interpretation” (1896) accentuate the role of Agonist in Agonist creates patterns; however, we observe that while in “Links and Clues” (1883) Agonist creates pattern dominates, for example in *Christ creates, sense of beauty creates*, in “Sense, meaning and interpretation” (1896) this is Agonist self-creates pattern which prevails with Agonist and Antagonist being the same substance, for instance

Table 1.

DISTRIBUTION OF AGENCY DYNAMIC PATTERNS ATTRIBUTED TO LANGUAGE

	Links and Clues, 1881	Meaning and Metaphor, 1893	Sense, meaning and interpretation, 1896	Grains of Sense, 1897	What is meaning, 1903	Significs and language, 1911
CREATOR	2	0	4	12	12	14
Agonist creates Antagonist	2	0	2	10	9	14
Agonist creates	0	0	2	2	3	0
THE CREATED	2	4	12	28	26	10
Agonist creates Antagonist	2	3	8	20	19	8
Antagonist is created	0	1	4	8	7	2

in *I would adopt this very language* – with reference to expression, its defects, its possibilities, its prospects of development, where language acts as both Agonist and Antagonist, in *domain of meaning* <...> its importance begins to reveal itself, where the importance of domain of meaning acts as both Agonist and Antagonist. As opposed to it, in “Meaning and metaphor” (1893) the agentic role of language is at its minimum. Meanwhile, the last major work (“Significs and language”, 1911) demonstrates a peculiar tendency in specifying *what* the language creates since the only possible pattern with language as Agonist is Agonist creates Antagonist, for instance, in *We need a linguistic oculist* <...> to bring our images back to reality by some normalising kind of lens or in the metaphors – rather, perhaps, the figurative phrases <...> bring into existence ‘insoluble enigmas’. Overall, the changes identified are modulated by the direction of language as creator or the created, the degree of its agentic role accentuation, the variance of its created aspects.

In identifying the manifestation of language as Agonist and Antagonist in six Welby's works, we consider the distribution of its nominal manifestations in each of the works. All the nominals are presented below with their frequency (in brackets) in case of repeated use to further assess their distribution.

“**Links and Clues**” (1881) contains 4 examples of language manifestations: 2 of them as Agonist, which is *word* (2) in *every form of energy and vitality in you, every thought, word, deed, look, movement produce good to the creature towards which directed*, and *Word made flesh*, and 2 as Antagonist, which are *word* in *feeling prompts your words*, and *proverb* in *a true instinct found that proverb*.

“**Meaning and Metaphor**” (1893) contains 6 examples in 4 patterns of its manifestation as Antagonist, which are *meaning, word, phrase* in *we make the meaning of words, phrases, word* in *Homer, Shakespeare, Dante, the German or English Bible, Kant and Hegel make words, form of expression* in *We make forms of expression*

from outrunning actual observation and experiment, and term in established antithesis of terms.

“**Sense, meaning and interpretation**” (1896) contains 16 patterns, with 4 examples with language as Agonist in language (3), e.g., *language* <...> effects as a barrier to the acquirement of profound and scientific Psychology and Logics, and *meaning* in *circumstance and ‘atmosphere’ on ‘meaning effect modifying passage*; and 12 examples as Antagonist, these are *language* (7), for instance in *English writers and teachers promote the development of the expressive and discriminative powers of language, vocabulary, forms* in *we establish vocabulary and forms*, *article* in *article develops*, *word-sense* in *we realise the chaos in which word-sense lies*, *articulation* in *we cultivate correct articulation*.

“**Grains of Sense**” (1897) contains 40 patterns. Language as Agonist is found in 12 samples in *language* (6), for instance, in *Cicero’s language create a style which nineteen centuries have not replaced* or in *Every language induces persuasion*, *word* in *Words* <...> *make revolution in the epoch*, *word* in *Word brings to us*, *verb* in “*verbal*” *ambiguities generate the confusion*, *metaphor* in *the implications of metaphor do not cause confusion*, *comment* in *ill-natured comment generated the barrier presented to mutual understanding by difference of language*, *linguistic converse* in *a general expansion of the limits*, and *regeneration of the conditions*, of *linguistic converse between all civilised nations* <...> *further the prospects of universal peace*, *linguistic advance* in *absence of real linguistic advance produces fresh denunciations of that impotence of language*. Language as Antagonist appears in 28 patterns, in *language* (13), for instance, in *an orator or writer is “lucid” by natural gift cultivates mastery of language*, *dialect* in <...> *created literary dialects*, *linguistic converse* in *Whomsoever... regenerate the conditions of linguistic converse between all civilised nations*, in *writing, speaking, phrases* (2), *words* (4) in *most of us do our thinking, our writing, and our speaking in phrases, not in words*, *literature* in *a grave devotion to the education of himself in the art of writing* <...> *makes*

good literature, Simile, Symbol, Figure in *So-to-speak* and *As-it-were* <...> their various connections, Illustrations, Simile, Symbol, Figure, and last but not least, the relation they most admired and revered.

“What is meaning” (1903) contains 38 patterns. Language as Agonist is found in 12 samples (13 examples): in *language* (5), for example, in *diversity in civilised languages results the inconvenience*, in *word* (3), for instance, in *the use of the word ‘distance’ to express both space or interval which is empty, and space or interval in which there is some kind of medium cause confusion*, *articulat(ion)* in *articulate world developed*, *lirera(cy)* in *the literal Way develops*, *context* in *context determines the various senses of a word*, *phrase* in *the company [a phrase] keeps and the place where it was born determines the ‘rank’ of a phrase*, *signification* in *the significations of words begin even earlier*. Language as Antagonist appears in 26 patterns (32 examples), in *language* (11), for instance, in *Dryden, Swift, Dr. Johnson developed the language*, in *form / means of expression* (4), for example, in *create the aesthetical value of all forms of Expression*, *word* (4), for instance, in *we create the need for a new word*, *vocabulary* (2), for instance, in *increase of knowledge and development of conceptual and critical power and of the experience which we call civilised brings an enlarged vocabulary*, *articulat(ion)* in *articulate world developed*, *lirera(cy)* (2), for instance, in *the literal Way develops*, *linguistic resources* in *develop linguistic resources*, *figurative forms* *kenning*, *conning*, *cunning* in *man developed forms of kenning, conning, cunning*, *signification* in *the significations of words begin even earlier*, *term* in *increase in the scope of the language does the revival of good English words rather than by the introduction of corrupt terms, modes, canons, fashions of expression* in *establish modes, canons, fashions of expression*.

“Significs and Language” (1911) contains 24 patterns. Language as Agonist is found in 14 patterns in *language* (3), for instance, in *non-recognition of gift [Language] induces sheer desperation*, *terminology* (2), for instance, in *breaking of the barriers created by traditional terminology, slang, popular talk* in *daily additions in slang and popular talk as tend to create fresh confusion*, *expression* (2), *word* in *this vital command of a perfectly flexible expression in word as in act <...> in a sense creating new developments of expressive achievement*, *metaphor* in *the metaphors – rather, perhaps, the figurative phrases <...> bring into existence ‘insoluble enigmas’*, *forms of expression* in *the forms of expression called social convention and common law no longer fit our knowledge of the biological and psychological facts of life <...> are causing cruel travesties of justice whether social or legal*, *expressional ills* in *mental ills caused by, and causing the expressional ills, idioms, figures* in *acquirement of more*

fitting idioms, figures, and expressive forms in general results in growing adequacy of language. Language as Antagonist appears in 10 patterns (12 examples), in *language* (4), for instance, in *The world of phenomena translates into our world of words, – into Language*, in *vocal(ization)*, *sign* in *we develop the complexities of the resulting system of vocal signs, syntax, prosody* in *we develop syntax and prosody*, *articulat(ion)* (2), *speech* in *we develop articulate speech*, *expression* (2), for instance, in *articulate expression is developed*.

The results reveal several tendencies in the distribution of words and expressions manifesting the changes in Welby's views of language in terms of its creative potential and its potential of becoming the purpose of creation. First, while in two Welby's earliest works single language units are focalized, in later works this is language itself as the structure and system of these units and their organization formats is considered the major creative force and the target of creation. Second, in “Meaning and Metaphor” (1893) Welby introduces a novel language focus, figurativeness and metaphoricity, which is in her view both the treasure of language and its problem if used incompetently. Next, later Welby's works mostly reveal the dominance of her semioethic principles in language development. She considers language in terms of the combination of skills to be acquired, presents the examples (writers, scientists serve as perfect examples) to follow on the way to semioethic development.

FINAL REMARKS

Overall, the adopted cognitive semantic approach to identifying the role of language as one of the key values and capacities of a man within the scientific heritage of lady Victoria Welby shows its efficacy in revealing the tendencies in the diachronic transformation of her ideas on creation. These manifest the reorientation from exploring single language units to conceptualizing the essential role of man as creator of language and the role of language as a system and finally, to semioethic and formational role of language as creator of a man as a personality. Applied to other values and capacities represented in Welby's works, this approach can reveal the key scientific trajectories in her research and what seems of primary importance, the trajectories which modulated the views of her male correspondents whose contribution to science has enjoyed worldwide recognition.

Additionally, we presume that cognitive semantic approach can serve as an effective tool to explore the history of ideas; integrated with the methods of computational linguistics, it can contribute to

identifying the domains of knowledge and their interconnections in terminology clusters (which is at present the key objective of computational

linguistics in application to the history of ideas) in attribution to interdisciplinary and transdisciplinary knowledge transfer.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Petrilli S. Signifying and understanding: reading the works of Victoria Welby and the signification movement. Berlin: De Gruyter, 2009.
2. Petrilli S. Victoria Welby and the science of signs: signification, semiotics, philosophy of language. New Brunswick: Transaction Publishers, 2015.
3. Petrilli S. Signification, pragmatism and mother-sense: Welby's conversations with Peirce and others // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2023. Vol. 15(1). P. 1–19.
4. Радченко О.А. Женщины в лингвистике XIX века: к основаниям литофанической историографии науки о языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 36–47.
5. Германова Н. Н. Женщины в британской лингвистике XVIII века: Э. Л. Трейл Пьюэри, автор словаря синонимов английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 74–80.
6. Демьянков В. З. Трансфер в риторике научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 1(52). С. 27–33.
7. Киосе М. И. Вера и разум в теориях инференции В. Уэлби и Ч. С. Пирса // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 535–546.
8. Ирисханова О. К., Киосе М. И. О личностном факторе трансфера знаний: феномен эпистолярного круга Виктории, леди Уэлби // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. Вып. 2 (51). P. 26–38.
9. Зыкова И. В. Формирование метаязыка лингвокультурологии: принципы междисциплинарного трансфера понятийного аппарата // Linguistics and semiotics of cultural transfer / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 181–202.
10. Германова Н. Н. Язык и мысль в концептуальных метафорах британских филологов XVIII–XIX веков // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 464–471.
11. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1987.
12. Mandler J. M., Pagán Cánovas C. On defining image schemas // Language and Cognition. 2014. Vol. 6 (4). P. 510–532.
13. Mandler J. M. (1992). The foundations of conceptual thought in infancy. Cognitive Development 1992. Vol. 7 (3). P. 273–285.
14. Talmy L. Force dynamics in language and cognition // Cognitive Science. 1988. Vol. 2. P. 49–100.

REFERENCES

1. Petrilli, S. (2009). Signifying and understanding: reading the works of Victoria Welby and the signification movement. Berlin: De Gruyter.
2. Petrilli, S. (2015). Victoria Welby and the science of signs: signification, semiotics, philosophy of language. New Brunswick: Transaction Publishers.
3. Petrilli, S. (2023). Signification, pragmatism and mother-sense: Welby's conversations with Peirce and others. European journal of pragmatism and American philosophy, 15(1), 1–19.
4. Radchenko, O. A. (2021). Women in XIXth century linguistics: towards a lithophanic historiography of the language sciences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(851), 36–47. (In Russ.)
5. Germanova, N. N. (2022). Women in the eighteenth-century British linguistics: H.L. Thrale Piozzi and her dictionary of synonyms of the English language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 74–80. (In Russ.)
6. Demyankov, V. Z. (2023). Transfer in the rhetoric of scientific discourse. Cognitive studies of language, 1(52), 27–33. (In Russ.)
7. Kiose, M. I. (2018). Faith and reason in the inference theories of V. Welby and Ch.S. Peirce. Logical analysis of language (pp. 535–546). Ed. by N.D. Arutyunova, M.L. Kovshova. Moscow: Gnosis. (In Russ.)

8. Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I. (2017). On personal transfer of knowledge: phenomenon of epistolary circle of Victoria, lady Welby. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(51), 26–38. (In Russ.)
9. Zyкова, I. V. (2016). Formation of language of linvuoculturology: the principles of interdisciplinary transfer of notional framework. *Linguistics and semiotics of cultural transfer* (pp. 181–202). Ed. by V.V. Feschenko. Moscow: Cultural revolution. (In Russ.)
10. Germanova, N. N. (2019). Language and thought in conceptual metaphors of British philologists of the XVIIIth and XIXth centuries. *Cognitive studies of language*, 38, 464–471. (In Russ.)
11. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago, IL, US: University of Chicago Press.
12. Mandler, J. M., Pagán Cánovas, C. (2014). On defining image schemas. *Language and Cognition*, 6(4), 510–532.
13. Mandler, J. M. (1992). The foundations of conceptual thought in infancy. *Cognitive Development*, 7(3), 273–285.
14. Talmy, L. (1988). Force dynamics in language and cognition. *Cognitive Science*, 2, 49–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент

главный научный сотрудник центра социокогнитивных исследований дискурса

Московского государственного лингвистического университета

ведущий научный сотрудник лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Chief Researcher at Centre for Sociocognitive discourse studies at Moscow State Linguistic University

Leading Researcher at Laboratory of Multichannel communication at Institute of Linguistics RAS

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.06.2025
10.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Дискурсивные практики пуристических движений в исторической перспективе

В. М. Костева

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
vmkosteva@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются пуристические движения XVII–XX веков в Европе. Актуальность исследования связана с наличием постоянного интереса любого общества к языку своей страны, к его защите от чуждых элементов. Автор предпринимает попытку обобщения идей пуризма и их практическую реализацию как совокупность дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко), что позволяет рассматривать пуризм как языковое явление, имеющее свои закономерности развития и реализации. Такое обобщение может стать началом фундаментального исследования пуризма как многогранного явления, в основу которого положен метод нарративной лингвоисториографии.

Ключевые слова: пуризм, мерцающая парадигма, пуристическое движение, дискурсивная практика, пуристическая замена, метаязык, словообразование

Для цитирования: Костева В. М. Дискурсивные практики пуристических движений в исторической перспективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 77–83.

Original article

Discursive Practices of Purist Movements in Historical Perspective

Viktoria M. Kosteva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
vmkosteva@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the purist movements of the XVII–XX centuries in Europe. The relevance of the study is connected with the constant interest of any society to the language of its country, to its defense against alien elements. The author makes an attempt to generalize the ideas of purism and their practical implementation as a set of discursive practices (as interpreted by M. Foucault), which allows us to consider purism as a linguistic phenomenon that has its own regularities of development and implementation. This generalization can initiate a fundamental study of purism as a multifaceted phenomenon, which can be based on the method of narrative lingvo-historiography.

Keywords: purism, flickering paradigm, purist movement, discursive practice, purist substitution, meta-language, word formation

For citation: Kosteva, V. M. (2025). Discursive practices of purist movements in historical perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 77–83. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие пуризма широко используется в различных научных сферах. В гуманитарной области его применение связывают в основном с лингвистическим (языковым) пуризмом, под которым понимается очищение языка от чуждых элементов. Тема лингвистического пуризма достаточно хорошо исследована в российской и зарубежной лингвистике. В современном исследовательском поле пуризма представлены различные классификации этого явления, написаны многочисленные статьи о пуризме в разных странах и в разные исторические эпохи. Однако, говоря о современном состоянии истории языкознания на русском языке, отметим отсутствие обобщающего теоретического труда по пуризму, что связано, вероятно, с рядом научно-методических проблем, начиная с терминологии и заканчивая оценкой пуристических движений в диахроническом развитии языкознания. Представляется, что такая работа может быть полезна не только филологам, но и людям самых разных специальностей, интересующимся вопросами языка.

Цель исследования заключается в попытке унифицировать идеи пуризма и их практическую реализацию как совокупность дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко), что призвано осмыслить пуризм как феномен, имеющий свои законы развития и реализации.

Актуальность работы обусловлена принятием ряда законодательных актов, касающихся защиты русского языка от иностранных заимствований (Закон о государственном языке Российской Федерации, 2023 год; Законопроект о защите русского языка от иностранных слов, 2025 год), что вновь указывает на злободневность вопроса и призвано показать историю пуристических движений как действие «мерцающей парадигмы» (термин, используемый в работах О. А. Радченко), которая вспыхивает при определенных условиях и проходит фазы развития от начала создания, расцвета и прекращения деятельности, за некоторыми исключениями. Такая траектория связана с существующими определенными имманентными закономерностями сосуществования общества и языка и внешними условиями, которые в совокупности определяют как тип пуризма, так и осуществление поставленных практических задач.

Материалом статьи послужили истории пуристических движений в СССР, России, Германии и некоторых других странах европейского континента в историческом периоде XVII–XX веков.

Для реализации поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- изучить и обобщить историю пуристических движений в период с XVII века по XX век в разных странах;
- установить критерии сопоставления пуристических движений;
- создать каталог дискурсивных практик пуризма.

Методы исследования определены спецификой материала изучения, на котором оно построено. В работе используются метод наблюдения, метод лингвистического описания с учетом исторических данных, а также нарративный метод лингвоисторического описания, который в нашем случае предполагает показ лингвистического пуризма с учетом его положительных и отрицательных качеств, без оценки автора описания – для предоставления возможности читателю составить свое собственное мнение.

Выявление дискурсивных практик лингвистического пуризма было осуществлено на материале исследования лингвистики в тоталитарных государствах XX века [Костева, 2018]. Новизна представленной статьи состоит в том, что метод выделения дискурсивных практик транспонируется на пуристические движения других исторических периодов, что позволяет посмотреть на это явление с иного ракурса и выдвинуть научную гипотезу об имманентных закономерностях развития языка, включающих прохождение стадии очищения.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих российских и зарубежных лингвистов по социолингвистике, истории языкознания и истории языка, основные положения их работ будут освещены в данной статье.

О ТЕРМИНЕ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПУРИЗМ» И ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯХ

Несмотря на довольно долгую историю существования самого явления пуризма, его названия варьировались в самом широком диапазоне, начиная от использования словосочетаний «очищение / очистка языка», «борьба с языковыми / иноязычными заимствованиями», «лингвистический протекционизм» и заканчивая определением «культура речи», понимаемой как «стремление очистить литературный язык от иноязычных заимствований, разного рода новообразований от элементов вне литературной речи»¹. Отметим также наличие двух вариантов наименования пуризма в области языка: лингвистический и языковой пуризм. В работе мы придерживаемся определения «лингвистический

¹Скворцов Л. И. Культура речи // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

пуризм», так как считаем это наименование широким понятием, которое может быть связано с борьбой не только против иноязычных заимствований, но и против элементов языка определенного народа / народности или социальной группы внутри одного государства.

Анализ определений пуризма в языковой области позволяет выявить его общий смысл, который заключается в попытке достижения идеального состояния языка, критерии которого, очевидно, следует искать в философии языка, социолингвистике и других смежных языковедческих дисциплинах. Наиболее полное определение лингвистическому пуризму было дано в работе «Лингвистический пуризм» Дж. Томасом, которое на сегодняшний день является базовым для исследований пуризма в разных странах. Суть определения сводится к тому, что некое речевое сообщество или его часть берет на себя задачу сохранить форму языка, избавив его от инородных или нежелательных элементов [Thomas, 1991].

Языковедами отмечается многочисленность стран, проходящих через этап лингвистического пуризма и разнообразие пуристических традиций. Только в истории Германии насчитывается не менее пяти ярких вспышек пуризма [von Polenz, 1967], каждая из которых имела свои особенности. Анализ пуристических движений и идей привел к созданию нескольких классификаций пуризма, в основе которых лежит связанность пуризма с определенными языковыми элементами, которые по определенным причинам разного характера начинают восприниматься чужеродными и требующими замены.

В наиболее полном виде такая классификация была представлена Дж. Томасом [Thomas, 1991]. Выделенные им типы пуризма (архаический, этнографический, элитарный, реформаторский, игровой, ксенофобный) проявляются в различных государствах и связаны с конкретными причинами возникновения и условиями, в которых протекает деятельность пуристов. Исследователи лингвистического пуризма считают возникновение языковых пуристических движений результатом действия экстралингвистических факторов – идеологических, экономических, политических и др. Интересной представляется мысль о том, что в их число входят определенные неосознанные, неполитические эволюционные процессы в обществе [Neustupný, 1989].

Представляется, что на пуризм можно посмотреть с точки зрения развития самой системы языка, которая в какой-то момент оказывается перегруженной заимствованными элементами и в качестве инструмента для восстановления баланса требует

деятельности по своей защите. Вероятно, в этом случае мы можем говорить о языковом пуризме.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПУРИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

В центре нашего внимания находится деятельность различных объединений пуристов в диахроническом аспекте. Их сопоставительный анализ показал, что в общем и целом они прибегают к одним и тем же дискурсивным практикам, независимо от типа пуризма.

Для выделения этих практик мы учитывали несколько ключевых параметров историографического описания, а именно:

- идеологи и проводники пуризма;
- язык / языки, элементы языка как объекты деятельности пуристов;
- целевая аудитория пуристов;
- инструменты для продвижения пуристических идей.

ИДЕОЛОГИ И ПРОВОДНИКИ ПУРИЗМА

К числу идеологов и проводников идей пуризма относятся как филологи, так и представители иных профессий. Однако нельзя согласиться с мнением Е. Н. Басовской о том, что лингвисты редко становятся защитниками «чистоты языка», так как «пуризм – явление не академическое и вообще далекое от науки» [Басовская, 2011, с. 114]. Известный русский пурист адмирал А.С. Шишков владел несколькими иностранными языками и имел ряд филологических трудов, например, «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1813), занимался составлением лексикографических трудов, например, «Славяно-русский корнеслов». Его идеи были поддержаны специалистами в области филологии, в том числе и современными ему писателями.

Основанное в середине XVII века и действующее до настоящего времени немецкое пуристическое общество «Пегницкий цветочный орден» («Pegnesischer Blumenorden») было основано государственным деятелем и поэтом Георгом Филиппом Харсдёрфером (Georg Philipp Harsdörffer) вместе с теологом Иоганном Клайем (Johann Klaj). Также в последующие времена в пуристических движениях принимали участие люди с филологическими знаниями.

Отметим также, что пуристические общества XVII века в Германии создавались по типу Орденов, членство в них было мечтой многих аристократов, которые составляли наиболее грамотную прослойку общества того времени.

Что касается «академичности» и научности пуризма, отметим важную роль Национальных Академий в распространении идей пуризма. В качестве примера можно привести итальянские Академию делла Круска (Accademia della Crusca) или лингвистическое Общество имени Данте Алигьери (Società Dante Alighieri), одной из задач которых и был лингвистический пуризм.

Безусловно, среди идеологов лингвистического пуризма были и государственные деятели. Екатерина Великая писала, например, о русском языке следующее: «Славяне, победа весь свет, не единожды разнесли язык свой повсюду. Удивительно лишь только то, что были времена такие, в кои нас уверяли, и мы уверены были, что в богатейшем и пространнейшем в свете языке нашем не находится слов для написания письма и заимствовали непрестанно из иностранных языков, даже до мелочных званий разных вещей» [цит. по: Пекарский, 1863, с. 50].

Хрестоматийным положением о начале советского пуризма стало появление статьи В. И. Ленина «Об очистке русского языка», завершающейся призывом: «Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»¹

Если идеи пуризма не исходили от глав государств, то пуристы старались обратить на себя их внимание, справедливо полагая, что без авторитета государственных органов их предложения могут быть проигнорированы.

Таким образом, характерной дискурсивной практикой реализации идей пуризма становится использование авторитета либо государственных институтов, либо узнаваемых и известных личностей, выступающих с громкими программными заявлениями.

ИНСТРУМЕНТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ПУРИЗМА

Для распространения идей пуризма необходимо проведение хорошей пиар-кампании, включающей в себя мероприятия по расширению целевой аудитории.

В XVII–XVIII веках это были обсуждения в литературных салонах, письма к друзьям и знакомым, публикации в журналах, выпуск отдельных книг, содержащих идеи пуризма.

Несмотря на некоторую ограниченность средств передачи информации и круга интересующихся, приверженцами идей пуристического общества в Германии было довольно большое количество людей. Так, членами Плодородного (Плодоносящего)

(die Fruchtbringende Gesellschaft) общества было не менее 900 человек.

В качестве языкового инструмента пуристов, берущего свое начало в XVII веке, на протяжении нескольких веков выступала сатира [Kirkness, 1975], которая прибегала к своим речевым практикам – преувеличению значимости иностранных заимствований или представлению карикатур на тему борьбы с заимствованиями.

К XX веку сформировался такой инструмент распространения идей пуризма, как СМИ. При этом публикации в газетах условно можно разделить на несколько групп. Первая группа занимается дискуссиями на лингвистические темы, привлекая как авторитетных лингвистов, писателей, так и читателей, формируя определенное представление о той или иной языковой проблеме. В СССР филологический диспут часто разворачивается на фоне критики какого-либо писателя, чьи произведения по определенным причинам не соответствуют представлениям о языке советской литературы. В истории советской публицистики по проблематике культуры языка и очищения языка было опубликовано не менее 250 статей [Климайте, 1989].

Вторая группа публикаций связана с практической реализацией идей пуризма, с вовлечением народных масс в движение пуризма. Так, итальянские газеты в период формирования национального языка и проведения политики «итальянизации» объявляли конкурсы с денежным вознаграждением по поиску итальянских замен иностранной лексики. В других газетах, например, «Народной газете» Италии («La Gazzetta del Popolo») создавались специальные колонки, посвященные поиску итальянских эквивалентов заимствованным словам. Название этого раздела *una parola al giorno* (в день по слову) показывает стратегию повышения узнаваемости темы [Raffaelli, 1983].

Таким образом, использование печатных средств расширяет целевую аудиторию пуристических движений, превращая читателей в соавторов пуристических идей.

Важным инструментом распространения пуризма представляется включение его в государственную языковую политику, следствием чего становится появление языкового законодательства в области пуризма, когда особо оговариваются случаи запрещения использования иноязычных слов и выражений. Так, в Италии и Испании первой половины XX века были изданы указы о запрете использования иноязычных слов в общественной жизни [Brumme, 1993]. В соответствии с этим указом было запрещено использовать в анонсах, вывесках, объявлениях и т. д. слова иностранного происхождения. Такого рода запреты также распространялись

¹ Ленин В. И. Об очистке русского языка // Правда. 1924. № 275. С. 1.

на названия кулинарных блюд, театральные термины, дорожные указатели, сферу спорта, туризма и гостиничного хозяйства.

Языковое законодательство XX века предусматривало создание системы наказаний за несоблюдение положений. В основном это были штрафы. Ответственность за осуществление указов несли административные и управляющие органы. Так, в Испании законодательство предписывало, что местное управление (губернаторы и мэры) должно контролировать исполнение приказа и применять санкции к нарушителям.

Для реализации своих идей пуристы должны были создать особые языковые инструменты, к ним мы можем отнести специальный метаязык пуристов, который требовался для создания «пуристических замен» [Геерс, 2002]. Этот метаязык отражал мировоззрение пуристов и их представление о языке-эталоне. К инструментам реализации дискурсивных практик пуризма можно отнести составление специального списка иноязычных замен и использование определенных способов словообразования.

В качестве примера приведем отрывки из списка Г. Ф. Харсдёрфера: *beobachten* для *observieren*, *Briefwechsel* вместо *Korrespondenz*, *Geschmack* для лексемы *gusto*, *Irrgarten* для слова *Labyrinth* [Kirkness, 1975, с. 32]. Член «Плодоносного общества» Ю. Г. Шоттель (J. G. Schottelius) предложил, среди прочего, свою грамматическую терминологию, которая актуальна в настоящее время, например: *Doppelpunkt* вместо *Kolon*, *Fragezeichen* вместо латинского термина *signum interrogationis*, *Geschlechtswort* вместо *Artikel*, *Wörterbuch* вместо *Lexikon* [там же, с. 40–41]. Создание метаязыка немецкой грамматики было успешно реализовано пуристами XX века. Созданные немецкие эквиваленты латинским терминам, например, *Wesfall* (Genitiv), *Leidfall* (Passiv) используются в современных немецких грамматиках.

Оценивая предложенные пуристами языковые замены иноязычным элементам, мы видим использование преимущественно сложных слов, образованных суффиксальным способом, или калькирование. При этом такие явления типичны не только для немецкого языка, для которого характерны сложные слова-композиции, но и для других европейских языков. В качестве примера приведем замены лексемы *taxi* в итальянском языке на *autopubblica*, *tassametro*, *tassauto*, *auto da nolo* (общественный автомобиль, таксомер, наемный автомобиль, автомобиль для всех).

Возвращаясь к вопросу о проводниках и идеологах пуризма, отметим, что неспециалисты в области лингвистики не смогли бы создать систему словообразования, которая имеет иногда идеологическую составляющую. Так, в итальянском языке взамен иноязычных заимствований были созданы

искусственные лексемы, считавшиеся итальянскими по наличию в них суффикса *-ital*: *lanital* (название искусственной шерсти); *mokital*, от *moka* (кофе).

Формирование терминологического аппарата в албанском языке в 1950-х годах проходило с опорой на русский язык. При переводе русских терминов на албанский язык в отсутствие соответствий терминология создавалась искусственно, с использованием суффиксов, перевод которых соответствовал русскоязычным, например *-shmeri* (русский суффикс *-ость*): *ideshmeri* (идейность) [Ляфе, 2001, с. 348].

Что касается списка слов, таковых существует довольно много, некоторые из них заслуживают внимания, остальные вошли в историю как языковые курьезы. В качестве примера серьезной языковой работы в рамках пуризма в Италии отметим создание свода правил замен заимствований на исконные слова, куда входили изменение правописания, замена иноязычного окончания на итальянский вариант, перевод с помощью существующих итальянских слов или с помощью описания [Golino, 2010].

ЯЗЫК / ЯЗЫКИ, ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУРИСТОВ

Объект деятельности пуристов определяется в основном сложившейся общественно-политической ситуацией и готовностью населения к очищению языка, а также общественно-политическими настроениями в обществе. Так, это может быть борьба не только с элементами языка, но и с его культурно-поведенческими моделями, как это было в случае с борьбой А. С. Шишкова против галломании. При этом к чуждым элементам могут быть причислены лексемы, имеющие долгую историю своего существования в очищаемом языке, например, искоренение слов, которые вошли в язык как явления суперстрата. Лексика албанского литературного языка во второй половине XX века испытала сильное влияние пуризма, проявившегося в замене турцизмов, твердо укоренившихся и ассимилированных в языке, на слова албанского языка [Десницкая, 1968], но при этом терминология продолжала складываться с использованием заимствований из других европейских языков, например, романской группы¹.

Представляется, что деятельность пуристов в отношении конкретных языков или диалектов демонстрирует четкую зависимость от

¹Nehring G.-D. Albanisch // Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt (= Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens 10) / Okuka M. (Hg.). 2002. URL: <https://eoo.aau.at/wwwg.uni-klu.ac.at/eoo/Albanisch.pdf> (дата обращения 30.04. 2025).

общественно-политической жизни и имеет национально-воспитательный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, применение метода нарративной лингвисторигграфии позволяет выделить в теории и практике пуризма несколько дискурсивных практик.

1. Апеллирование к авторитетам общественной, научной и культурной жизни.
2. Использование административного ресурса для продвижения своих идей.
3. Использование авторитета СМИ и другой печатной продукции.
4. Вовлечение в проблемы пуризма разных слоев общества.
5. Перевод языковой задачи в общественно-политическую сферу.
6. Разработка особых пуристических правил и метаязыка пуризма.

Представленный список является далеко не полным. Очевидно, что пуризм в других странах и других временных периодах может привести в данный список новые дискурсивные практики, которые могут быть поделены на две категории: дискурсивные практики – стимулы и дискурсивные практики – реакции. Так, в приведенном выше списке к дискурсивным практикам первого типа мы можем отнести 2, 3 и 4, а к дискурсивным практикам второго типа – 5 и 6.

Считаем также, что составление общего каталога дискурсивных практик пуризма могло бы поставить, а в дальнейшем успешно решить ряд вопросов как терминологических (лингвистический vs языковой пуризм), так и содержательных (пуризм или не пуризм), которые могут быть использованы в теории и практике языковедения и языковой политики.

Кроме того, каталогизация дискурсивных практик может найти дальнейшее применение для написания новой истории языкознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костева В. М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2018.
2. Thomas G. Linguistic purism. London; New York: Longman, 1991.
3. Polenz P. von Sprachpurismus und Nationalsozialismus // Germanistik – Eine deutsche Wissenschaft. Beiträge von E. Lämmert; W. Kilz, K. O. Conrady, P. von Polenz. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. S. 113–160.
4. Neustupn J. V. Language purism as a type of language correction // The politics of language purism / B. H. Jernudd, M. J. Shapiro (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. P. 211–225.
5. Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920–1930-х годов) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 7. С. 114–124.
6. Пекарский П. П. Материалы к истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб: типография Академии наук, 1863.
7. Kirkness A. Zur Sprachreinigung im Deutschen 1789–1871. Eine historische Dokumentation. Tell I. Forschungsberichte des Instituts für Deutsche Sprache. Mannheim. Tübingen: Verlag Narr, 1975. Bd. 26.
8. Климайте Д. Ю. Борьба за чистоту русской литературной речи в первой половине 30-х годов советской эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
9. Raffaelli S. Le parole proibite: Purismo di stato e regolamentazione delle pubblicità in Italia (1812–1945). Bologna: Il mulino, 1983.
10. Brumme J. Die „Einheit Spaniens“ und die „Einheit der Sprache“ im Diskurs der Falange (1936–1939) // Bochmann K. Sprachpolitik in der Romania: Zur Geschichte sprachpolitischen Denkens und Handelns von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993. S. 382–407.
11. Геерс М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
12. Ляфе Э. Развитие книжной лексики албанского языка во второй половине XX в. // Studia linguistica et balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой. СПб.: Наука, 2001. С. 346–352.
13. Golino E. Parola di Duce. Milano: RCS Libri S.p.A., 2010.
14. Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты Л.: Наука, 1968.

REFERENCES

1. Kosteva, V. M. (2018). Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme XX veka = Linguistics of totalitarianism in the linguophilosophical paradigm of the 20th century: abstract of Senior Doctorate in Philology. Perm. (In Russ.)
2. Thomas, G. (1991). Linguistic purism. London; New York: Longman.
3. Polenz, P. von (1967). Sprachpurismus und Nationalsozialismus. In Germanistik – eine deutsche Wissenschaft (S. 113–160). Beiträge von E. Lämmert; W. Kilz, K. O. Conrady, P. von Polenz. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
4. Neustupn, J. V. (1989). Language purism as a type of language correction. In Jernudd, B. H., Shapiro, M. J. (Eds.), The politics of language purism (pp. 211–225). Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Basovskaja, E. N. (2011). Soviet linguistic purism: word and deed (on the material of periodicals of 1920–1930s). RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series, 7, 114–124. (In Russ.)
6. Pekarskij, P. P. (1863). Materialy k istorii zhurnal'noj i literaturnoj dejatel'nosti Ekateriny II = Materials to the history of journal and literary activity of Catherine II. St. Petersburg: Academy of Sciences Typography. (In Russ.)
7. Kirkness, A. (1975). Zur Sprachreinigung im Deutschen 1789–1871. Eine historische Dokumentation. I. Forschungsberichte des Instituts für Deutsche Sprache. Mannheim. Vol. 26. Tübingen: Verlag Narr.
8. Klimajte, D. Ju. (1989). Bor'ba za chistotu russkoj literaturnoj rechi v pervoj polovine 30-h godov sovetskoj jepoh i= Struggle for the purity of Russian literary speech in the first half of the 30s of the Soviet era: abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Raffaelli, S. (1983). Le parole proibite: Purismo di stato e regolamentazione delle pubblicità in Italia (1812–1945). Bologna: Il mulino.
10. Brumme, J. (1993). Die „Einheit Spaniens“ und die „Einheit der Sprache“ im Diskurs der Falange (1936–1939). In Bochmann, K., Sprachpolitik in der Romania: Zur Geschichte sprachpolitischen Denkens und Handelns von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart (S. 382–407). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
11. Geers, M. E. Jazykovoju purizm v istorii Anglii i Germanii = Language purism in the history of England and Germany: abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
12. Ljafе, Je. (2001). Development of the book lexicon of the Albanian language in the second half of the 20th century. In Studia linguistica et balcanica: In memory of Agnia Vasilievna Desnitskaya (pp. 346–352). Collection of articles. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
13. Golino, E. (2010). Parola di Duce. Milano: RCS Libri S.p.A.
14. Desnickaja, A. V. (1968). Albanskij jazyk i ego dialekty = Albanian language and its dialects. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костева Виктория Михайловна

доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой германской филологии
Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosteva Viktoria Michailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Head of the Department for German Philology
Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.06.2025
28.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РФ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 81'22+81'37+811.512.1

Глагол вкусовой перцепции *амсай* в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс

Р. П. Иванова

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», Мирный, Россия
raissa1@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить когнитивно-семиотические механизмы концептуализации вкусового опыта в якутском языке на примере глагола *амсай*. В работе применяется интегративный метод, сочетающий принципы когнитивной лингвистики и семиотики, что позволяет анализировать языковые единицы как элементы сложных знаковых систем, связанных с культурными кодами и ментальными структурами. Материалом послужили лексикографические данные и примеры из художественной литературы. Результаты исследования демонстрируют, что глагол *амсай* обладает сложной концептуальной структурой, интегрирующей сенсорные, когнитивные и культурно обусловленные компоненты значения. Полученные данные значимы для исследований в области перцептивной семантики и сохранения языкового наследия коренных народов Сибири.

Ключевые слова: вкусовая перцепция, якутский язык, семиотика, семантика, тюркские языки, картина мира

Для цитирования: Иванова Р. П. Глагол вкусовой перцепции *амсай* в якутском языке: когнитивно-семиотический ракурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 84–91.

Original article

The Verb of Taste Perception *amsai* in the Sakha Language: A Cognitive-Semiotic Perspective

Raissa P. Ivanova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russia
raissa1@yandex.ru

Abstract. The study aims to identify cognitive-semiotic mechanisms of conceptualizing taste experience in the Sakha language through the analysis of the verb *amsai*. The research employs an integrative methodology combining principles of cognitive linguistics and semiotics, enabling the analysis of linguistic units as elements of complex sign systems connected with cultural codes and mental structures. The research materials include lexicographic data and examples from literary works. The findings reveal that the verb *amsai* possesses a complex semantic structure integrating sensory, cognitive, and culturally determined components of meaning. The obtained data are significant for studies in perceptual semantics and for preserving the linguistic heritage of indigenous Siberian peoples.

Keywords: taste perception, Sakha (Yakut) language, semiotics, semantics, Turkic languages, worldview

For citation: Ivanova, R. P. (2025). The Verb of Taste Perception *amsai* in the Sakha Language: A Cognitive-Semiotic Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 84–91. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования перцептивной лексики в малоизученных языках, что способствует более полному пониманию универсальных и специфических механизмов концептуализации сенсорного опыта. Особую значимость приобретает анализ метафорических переносов вкусовых понятий в якутском языке, отражающих традиционные ценности и этнокультурные особенности народа.

Исследование опирается на антропоцентрическую парадигму, в рамках которой язык понимается как динамическая знаковая система, формирующаяся под влиянием человеческого восприятия мира и социально-культурных норм [Арутюнова, 1999; Малинович М., Малинович Ю., 2003; Темиргазина, 2005]. Такой подход закономерно приводит нас к необходимости применения когнитивно-семиотической методологии, которая представляет собой интегративный исследовательский инструмент [Daddesio, 1995; Валькман, 2012; Zlatev, 2012; Paolucci, 2021; Сахно, 2023], объединяющий принципы когнитивной лингвистики, позволяющие анализировать языковые единицы как репрезентации ментальных структур, а также семиотические методы, направленные на изучение знаковых систем в их культурном контексте.

Основной целью и задачей работы является раскрытие когнитивных и семиотических аспектов функционирования глагола *амсай* в якутской языковой картине мира.

Исследование вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики и этнолингвистики, предлагая новые данные для типологических сопоставлений в области сенсорной семантики. Полученные результаты имеют значение для теории языка, межкультурной коммуникации и сохранения языкового наследия коренных народов Сибири.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когнитивно-семиотический анализ представляет собой исследовательский подход, объединяющий принципы когнитивной лингвистики и семиотики для комплексного изучения языковых феноменов [Daddesio, 1995]. В его основе лежит понимание языка как динамической знаковой системы, тесно связанной с когнитивными процессами и культурными контекстами.

Сущность метода заключается в одновременном рассмотрении языковых единиц как когнитивных репрезентаций ментальных структур и как элементов сложных семиотических систем [Zlatev, 2012]. Такой подход позволяет раскрывать глубинные

механизмы смыслообразования, выявляя, как языковые формы отражают особенности человеческого мышления и культурно обусловленные способы категоризации действительности.

Применяя данный метод, исследователь фокусируется на процессах концептуализации и категоризации, проявляющихся в языке через систему знаков и их значений [Lakoff, 1987; Рош, 1988; Вежбицкая, 1996; Барсалоу, 2010]. Особое внимание уделяется анализу концептуальных метафор и метонимий как базовых механизмов, связывающих языковую форму с ментальным содержанием [Lakoff, Johnson, 1980; Козлова, Кремнева, 2021]. При этом языковые знаки рассматриваются не изолированно, а в их взаимосвязи с другими семиотическими системами культуры [Лотман, 2004]. Важной характеристикой когнитивно-семиотического анализа является его междисциплинарность [Валькман, 2012; Zlatev, 2012], позволяющая интегрировать достижения лингвистики, когнитивной науки, антропологии и культурологии. Исследование сосредоточено на семантическом анализе глагола *амсай* в соответствии с методологией, предложенной Е. Г. Беляевской в рамках когнитивной лингвистики [Беляевская, 2014].

Материалом исследования послужили лексикографические данные из Большого толкового словаря якутского языка¹ (далее БТСЯЯ), примеры из художественной литературы в словарной статье слова *амсай* (БТСЯЯ, т. 1, с. 454–455).

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА АМСАЙ

Глагол *амсай*, этимологически восходящий к монгольским языкам, занимает центральное положение в системе средств выражения вкусовой перцепции в якутском языке. Его семантическая структура отражает глубинные связи между языковым выражением сенсорного опыта и культурными особенностями якутского этноса. Будучи основным предикатом вкусового восприятия, данный глагол демонстрирует сложное взаимодействие сенсорных, когнитивных и культурно обусловленных компонентов значения, что делает его важным объектом когнитивно-семиотического анализа.

АМСАЙ (БТСЯЯ, т. 1, с. 454–455).

1. Туох эмэ амтанын билэргэ айаххар, тылгар дуона суогу ылан боруобалаан көр. Пробовать на вкус, взяв в рот, на язык что-либо в ничтожном количестве.

¹Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1 (Буква А).

Анализ словарной дефиниции глагола *амсай* выявляет сложную организацию его значения, интегрирующего несколько взаимосвязанных аспектов. В основе семантики данного глагола лежит ментальный компонент, эксплицируемый через глагол *бил* (узнать), что подчеркивает когнитивную природу описываемого перцептивного акта. Локативные маркеры (рот, язык), выступающие как рецепторы вкусового восприятия, указывают на соматическую основу данного языкового знака. Ядерная сема «пробовать на вкус» характеризуется количественной ограниченностью объекта (небольшой объем). При этом в концептуальной структуре глагола отчетливо прослеживается признак интенциональности, проявляющийся в целенаправленном характере перцептивного действия, ориентированного на извлечение сенсорных данных. Такая многоуровневая семантическая организация *амсай* отражает комплексный характер вкусовой перцепции, синтезирующей сенсорные, когнитивные и интенциональные компоненты значения. Рассмотрим пример:

- 1) Мин Өлөөн мууһуттан ылан *амсайан* көөртүм – улаханнык биллэр туустаах (А. Софронов). – Я *попробовал на вкус* кусок льда реки Оленёк, он оказался сильно соленым¹.

В результате перцептивного акта субъект получил сенсорные данные, которые когнитивно интерпретировались как свидетельство повышенной солености воды в реке Оленёк. Этот процесс демонстрирует взаимосвязь между непосредственным сенсорным опытом (вкусовым восприятием) и формированием знаний об окружающей среде, где вкусовые характеристики становятся важным диагностическим признаком качества водного источника.

- 2) Силип хамыйабынан ылан куобах миинин *амсай-ан* “сыып” гыннарда. Күннүк Уурастыырап. – Филипп, причмокивая, *попробовал* ложкой суп из зайчатины.

В приведенном примере семантика глагола *амсай*, несмотря на отсутствие эксплицитного выражения целевой валентности, содержит имплицитный интенциональный компонент. В данном контексте акт дегустации предполагает проверку готовности блюда и степени его солености. Примечательно, что сочетание *амсай* с глаголом однократного действия *сыып гын*² создает комплексное обозначение пер-

цептивного процесса, где вкусовое восприятие сопровождается характерным звуковым сопровождением, что отражает синкретизм сенсорного опыта.

- 3) Вася балыгын *амсайан* баран тыаба тарта (Н. Лугинов). – Вася, *поев* рыбы, отправился в лес.

В предложении глагол *амсай* передает значение ограниченного по объему приема пищи – в данном случае рыбы. Действие представлено как нейтральный факт, предшествующий основному событию (походу в лес), без выраженной целевой установки или причинно-следственной связи с последующим действием. Семантически глагол здесь акцентирует сам факт употребления небольшого количества пищи, не подразумевая особой мотивации или намеренности. Такое употребление отражает базовое, свободное от дополнительных смысловых оттенков значение глагола *амсай* как обозначения простого акта еды.

В БТСЯЯ в этом же значении приводится следующее толкование, отдельной строкой:

- Кыратык аһыы-сии түс (үксүгэр үчүгэй, амтаннаах эбэтэр олус ахтылбаннаах аһыах аһы) – отве-
дывать, вкушать (обычно о вкусной или редкой небольшо-
й пище).

В данном контексте глагол *амсай* приобретает дополнительные коннотативные смыслы, выходящие за рамки простой констатации факта приема пищи. Особое значение здесь приобретает качественная характеристика объекта потребления, которая представлена как ценный и редкий пищевой ресурс, что принципиально меняет семантику глагола.

Само употребление небольшого количества подчеркивает особый статус продукта – бережное отношение к нему свидетельствует о его дефицитности и значимости. В этом случае глагол *амсай* уже не просто фиксирует акт приема пищи, но и передает целый комплекс культурных смыслов: уважительное отношение к пищевому ресурсу, осознание его ценности, ритуальность потребления. Такое толкование предполагает, что за внешне нейтральным действием стоит глубоко укорененная в культуре практика бережного обращения с редкими продуктами. Малое количество в этом случае – не случайная характеристика, а значимый маркер, отражающий систему ценностей носителей языка. Таким образом, глагол в данном употреблении оказывается носителем важной культурной информации, выходящей за рамки его базового словарного значения.

Обратимся к примеру:

¹Здесь и далее перевод наш. – Р. И.

²Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Убрятова Е. И., Коркина Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. ; отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 290.

4) “Чэйдэрин испэккэ эрэ бары матыспакка, ымсыырбыт-баҕарбыт курдук аһы олороллорун көрөн баран, кырдьык, өтөр бурдук аһы *амсайбатах* дьон барахсаттар эбит ээ”, – дии санаатым (А. Софронов). – Увидев, как они, не притрагиваясь к чаю, жадно поедали булочки, он понял, что они, бедненькие, никогда до этого не *пробовали* хлебо-булочные изделия.

В данном примере глагол *амсай* выходит за рамки простого обозначения приема пищи, приобретая глубокий символический смысл. Он передает ключевой момент первого сенсорного опыта, когда дети впервые в жизни знакомятся с ранее недоступным для них вкусом булочек. Через описание поведения персонажей раскрывается социальный подтекст ситуации – их бедность, нищета, отсутствие в доме обычных для других продуктов. Наблюдатель дает эмоциональную оценку этому через слово *барахсаттар* (бедненькие), что добавляет экспрессивности всему высказыванию. Глагол в данном контексте фиксирует не просто физический акт еды, а важный экзистенциальный момент – «инициацию» через первое вкусовое переживание. Это превращает обычное действие в значимое жизненное событие, отражающее социальное положение персонажей и их ограниченный жизненный опыт. Таким образом, *амсай* здесь выступает как маркер не только самого процесса потребления пищи, но и важного личностного опыта.

5) Ити балыктан биир обургу собус үөрэҕэни сулбу элитэн ылан сытар эдьийгэр мииннээ, таарыччы бэйэн да кыратык *амсайыа* этинг (Н. Заболоцкай). – Возьми немного рыбы и свари ухи для своей больной сестры, заодно и сама немного *попробуешь*.

В данном контексте глагол *амсай* приобретает глубокую социокультурную значимость, выходящую за рамки простого обозначения дегустации. Упоминание небольшого количества рыбы как ценного и редкого ресурса создает особую смысловую перспективу, где акт пробы трансформируется в значимое социальное действо. Глагол здесь отражает сложную систему взаимоотношений: заботу о больной сестре, бережное отношение к дефицитному продукту и этику распределения пищевых ресурсов в условиях их ограниченности. При этом даже минимальная доля пробующего наделяется особой ценностью, подчеркивая значимость совместного пищевого опыта. Семантика *амсай* в таком употреблении органично соединяет экономический аспект (редкость продукта), социальные нормы (приоритет больного) и культурные практики (символическое значение совместной трапезы). Это превращает

простой акт пробы на вкус в многомерный социальный акт, где пищевое поведение становится языком выражения сложных межличностных отношений и коллективных ценностей.

6) *Амсайыах* эрэ ол сылгы кымыһа барахсаны. Кымыс испэтэх ыраатта (В. Протодияконов). Давайте *попьем* немного кобыльего кумыса. Давно не пили его.

В данном высказывании глагол *амсай* в форме взаимного залога¹ с частицей *эрэ* передает не просто намерение отведать напиток, а воплощает целостный культурный код. Употребление кумыса, подчеркнутого как продукт из кобыльего молока, маркирует традиционный пищевой ритуал, приобретающий особую значимость из-за длительного перерыва в его совершении. Форма взаимного действия преобразует простой акт питья в социальную практику совместного потребления, где важен не столько сам напиток, сколько воссоздание коллективного опыта. Частица *эрэ* при этом смягчает побуждение, превращая его в деликатное приглашение разделить ценный гастрономический и культурный момент. Такое употребление глагола отражает глубинные механизмы языковой репрезентации, где пищевое поведение становится средством выражения:

- культурной памяти (через апелляцию к традиционному продукту);
- социальной связанности (посредством формы взаимного действия);
- ценностных ориентиров (благодаря семантике редкости и особой значимости).

Таким образом, перед нами пример того, как языковая форма может аккумулировать и транслировать сложные пласты культурного опыта и коллективных представлений.

Разберем следующее толкование:

аһыы-сии түс (үчүгэй, сонун, сибиэһэй аһы – ыарыһахха) – отведывать, попробовать немного (*обычно так предлагают вкусную, редкую пищу больному*).

В данном случае глагол *амсай* приобретает особую коммуникативную функцию. Он служит для мягкого, деликатного побуждения больного человека к приему пищи, где семантика небольшого количества играет ключевую роль. Такое употребление отражает важный культурный механизм: через языковую форму транслируется одновременно и забота, и уважение к состоянию больного. Минимальный объем пищи здесь – не просто количественная характеристика, а

¹Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Е. И. Убрятова, Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров / отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 271.

способ установить контакт, поддержать человека без давления. Глагол в этом контексте становится инструментом тонкой социальной коммуникации, где важно не столько физическое насыщение, сколько сам акт поддержания пищевой практики. Таким образом, мы видим, как язык адаптируется для деликатных ситуаций межличностного взаимодействия. Рассмотрим пример:

7) Тоойуом, чэ, бар эдьийгэр, бу балыгын илдьэ охсон биэр, баҕар, *амсайаарай* (*Суорун Омоллоон*). – Доченька, отправляйся к своей старшей сестре, чтобы передать ей рыбу, может быть, она все-таки *поест немного* (*попробует*).

Форма возможного наклонения¹ *амсайаарай* (авось попробует) в данном контексте приобретает особую прагматическую нагрузку, выходящую за рамки простого обозначения потенциального действия. Его употребление отражает целостную стратегию деликатного взаимодействия с больным человеком, где языковая форма становится инструментом мягкого воздействия. Семантика возможного наклонения здесь передает не просто вероятность совершения действия, а воплощает сложный комплекс социальных и эмоциональных значений. Модальный оттенок глагола позволяет выразить одновременно и желание помочь, и понимание уязвимого положения человека, и веру в возможность положительных изменений. Этот лингвистический выбор превращает предложение пищи в акт эмоциональной поддержки, где главное – не насыщение, а сам факт сохранения связи через трапезу. Язык здесь тонко озвучивает сложную гамму чувств: от трепетной надежды до уважения к состоянию больного, предлагая ему не просто еду, а знак внимания и участия.

8) Настаа эмээхсин кытыйаҕа арыылаах саламаат кутан аҕалла уонна уолугар ааттаһарды эттэ: «Тукаам, саламаат сыыһа *амсайа түспэккин ээ*» (*Күннүк Уурастыыран*). – Бабушка Настя положила в деревянную чашу саламат и сказала сыну умоляющим тоном: Сыночек, не хочешь ли ты *немножечко попробовать саламата?*

В словах бабушки Насти, обращенных к сыну, слышится не просто просьба – в них кроется вся глубина материнского чувства. Глагол *амсай*, оформленный деепричастной формой с кратковременным *түс* в отрицании, звучит как бережное

прикосновение. Это не приказ, а осторожное предложение, в котором уважение к выбору взрослого сына смешивается с надеждой, что он примет ее помощь. Саламат в деревянной чаше – не просто еда. Это вековой обряд, в котором сплетается мудрость предков, материнская жертвенность и священный смысл семейной трапезы. Бабушка Настя не кормит – она исцеляет, следуя традиции, где пища становится мостом между здоровьем и болезнью, между матерью и ребенком. В этой деликатности – вся ее любовь.

В словарных материалах БТСЯЯ зафиксировано второе значение глагола *амсай* – «распивать спиртное». Эта семантическая особенность находит параллели в родственных тюркских языках. Как отмечает М. Д. Чертыкова, в хакасском языке глагол *амза* (имеющий общее происхождение с якутским *амсай*) также обладает сходной двойственной семантикой, связанной как с дегустацией пищи, так и с употреблением алкогольных напитков [Чертыкова, 2019, с. 65]. Разберем дефиницию:

кэпс. Арыгыны ис (кыратык эбэтэр элбэхтик, субу-субу) – пить вино (понемногу или часто).

9) [Арыгыһыт] Истэбинэ эрэ чэпчиир, Буллабына эрэ уоскуйар, *Амсайдабына* эрэ аһыыр буолла (*А. Софронов*). – [Алкоголику] Становится легче, только когда выпьет, Успокаивается, только если найдет выпивку, Может поесть, только если *выпьет*.

В рамках когнитивно-семиотического подхода лексема *амсай* представляет собой динамичный знак, эволюционирующий от сакрально-ритуального к деструктивному значению. Изначально воплощая акт вкушения, соединяющий физиологическую потребность и культурную практику, в значении алкогольной зависимости глагол претерпевает семантическую редукцию. Его концептуальное поле сужается до смысла потребления алкоголя, что отражает глубинные когнитивные сдвиги в значении глагола.

10) Лэгийн бири сөбүлээбэт. Сорох уолаттар арыгы иһэллэр. Ити Ваня уол бүгүн эмиэ *амсайан баран* сирэйэ-хараҕа балабыран турар (*Н. Босиков*). – Лэгиэн (имя) не любит одного. Некоторые парни выпивают спиртное. Этот парень Ваня сегодня снова *выпил* и стоял с угрюмым лицом.

В этом фрагменте языкового материала глагол *амсай* теряет свою традиционную смысловую многогранность, сводясь к простой констатации факта употребления спиртного. Исходное значение, связанное с дегустацией или ритуальным

¹Убрятова Е. И. [и др.]. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Е. И. Убрятова, Е. И. Коркина, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров / отв. ред. Е. И. Убрятова. Москва: Наука, 1982. С. 334.

потреблением, вытесняется узким пониманием – «выпить алкоголь». Язык в таких ситуациях отражает социальную реальность: слово, обозначавшее сложный культурный акт, теперь служит для констатации бытового явления. Так происходит трансформация языковых значений: от богатого культурного смысла к упрощенному бытовому обозначению.

В переносном значении *амсай* раскрывает свою глубинную семантику, выходящую за рамки физического акта потребления. Здесь глагол становится метафорой прожитого опыта, где концептуальный признак «перенесенного» трансформирует его изначальное значение.

көсп. Араас үчүгэйи-куһаҕаны, эрэйи, үөрүүнү-хомолто-ну бэйэҥ экинэн-хаангынан бил – познавать, испытывать все невзгоды, трудности, радости жизни на себе.

11) Үс сылга Айаан иккитэ чэпчэкилик бааһырбыта, саллаат эрэйдээх олобун, мүччүргэннээх сырыытын тото *амсайбыта* (Н. Габыев). – За три года Айаан был дважды тяжело ранен, он испытал все трудности жизни солдата, сполна *вкусил* разные невзгоды.

В приведенном примере глагол *амсай* в форме прошедшего времени третьего лица *амсайбыта* реализует метафорическое значение, связанное с усвоением жизненного опыта. Данное употребление отражает характерную для многих языков мира тенденцию использования вкусовой лексики для описания процессов познания и приобретения опыта (ср. *рус.* *вкусить*, *англ.* *to taste*). Тяготы военной службы, включая ранения и лишения, концептуализируются через призму гастрономического опыта, что позволяет говорить о соматизации абстрактного опыта и реализации архаичной модели познания через физическое взаимодействие с объектом. Важно отметить, что подобное употребление сохраняет связь с исконной семантикой глагола *амсай*, который в якутском языке традиционно использовался не только для обозначения физического акта потребления пищи / напитков, но и для описания ритуальных практик, предполагающих глубокое, трансформирующее взаимодействие с объектом потребления.

12) Биһиги Саһылтан хонноот, айан обургу аһыытын-һулуунун *амсайбытынан* барарга тийибиппит (Н. Заболоцкий). – Как только мы тронулись с Саһыл (местность), *познали* (досл. 'вкусили') все трудности дороги.

В приведенном контексте глагол *амсай* реализует метафорическое значение, связанное с приобретением опыта преодоления трудностей пути.

Особый интерес представляет сочетание данного глагола с парным прилагательным *аһыытын-һулуунун* (*кислый – некий*), образующим сложную семантическую конструкцию. Указанное сочетание отражает концептуализацию пути как чередования противоположных состояний, где опыт воспринимается через призму вкусовых ощущений. Такое употребление демонстрирует характерную для якутского языка тенденцию к использованию перцептивной лексики для обозначения абстрактных понятий, когда сложный процесс передвижения осмысливается через телесный опыт вкусового восприятия. Примечательно, что антиномичная структура прилагательного передает не просто последовательную смену состояний, но их диалектическое единство в рамках единого процесса преодоления пути. Это свидетельствует о развитой системе метафорического моделирования в якутском языке, где физиологические ощущения служат основой для концептуализации сложных жизненных ситуаций. Таким образом, анализируемое сочетание представляет собой яркий пример того, как в якутском языке реализуется глубинная связь между телесным опытом и когнитивными процессами осмысления действительности.

13) Аан дойду
Айхаллаах олобуттан *амсайан*
Санаам туолан,
Сүрэбим үөрэн бардым (А. Софронов). –
Познав земную жизнь,
Ухожу с радостным сердцем.

В якутском языке глагол *амсай* демонстрирует значительный семантический потенциал при концептуализации абстрактных понятий. Его употребление с абстрактным объектом «жизнь» свидетельствует о развитой метафорической системе, где соматические переживания служат базой для осмысления экзистенциальных категорий. Данное языковое явление отражает универсальный механизм концептуализации, при котором телесный опыт становится источником для формирования сложных мировоззренческих понятий. В якутской лингвокультуре акт вкушения трансформируется в инструмент познания, сохраняя при этом связь с архаичными представлениями о единстве физического и духовного начал. Анализируемый пример иллюстрирует, как конкретное действие приобретает метафизическое измерение, позволяя выразить процесс глубокого и осознанного восприятия жизни. Такая семантическая трансформация подчеркивает антропоцентрический характер языковой картины мира, где телесные практики становятся основой для философского осмысления существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структура глагола *амсай* представляет собой сложный когнитивный комплекс, интегрирующий несколько концептуальных слоев. Его ядерное значение, связанное с актом вкушения, развивает дополнительные смысловые измерения, отражающие глубинные культурные коды якутского этноса. В семантике данного глагола пересекаются концептуальные признаки целенаправленного действия и приобретения опыта, что свидетельствует о традиционной связи акта потребления с процессами познания. При этом сохраняется имплицитная семантика ограниченного количества и особой ценности объекта вкушения, восходящая к архаичным практикам ритуального потребления. Отдельный

концептуальный пласт связан с употреблением алкогольных напитков, где глагол приобретает специализированное значение. Такая семантическая диверсификация отражает сложную систему этнокультурных представлений, в которых акты физического и символического потребления оказываются тесно переплетены. Подобная многомерность концептуальной структуры демонстрирует, как в отдельном языковом элементе могут кристаллизоваться фундаментальные аспекты мировосприятия, соединяющие материальные практики с духовными концептами. Это позволяет рассматривать *амсай* как лингвокультурный маркер, фиксирующий специфические механизмы концептуализации действительности в якутском языковом сознании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Малинович Ю. М. Малинович М. В. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича. М., Иркутск, 2003. С. 7–28.
3. Темиргазина З. К. Антропологическая лингвистика и культурная антропология в современной системе гуманитарных знаний // Тіл әлемі. Мир языка. Алматы: Нұр-Принт, 2005. С. 40–44.
4. Daddesio T. On Minds and Symbols: The Relevance of Cognitive Science for Semiotics. Berlin: De Gruyter Mouton, 1995.
5. Валькман Ю. Когнитивная семиотика в процессах образного мышления // Problems of Computer Intellectualization. Kiev; Sofia: Ithea, 2012. С. 350–358.
6. Zlatev J. Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning // Public Journal of Semiotics. 2012. Vol. 4. № 1. P. 2–24.
7. Беляевская Е. Г. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2014. вып. 20 (706). С. 9–21.
8. Paolucci C. Cognitive Semiotics. Cham: Springer Nature, 2021.
9. Сахно А. А. Когнитивно-семиотический аспект запаха // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Зиньковской [и др.]. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 99–102.
10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
11. Рош Э. Принципы категоризации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 23–52.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
13. Барсалоу Л. В. Модели категоризации в когнитивной науке // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 45–62.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago press, 1980.
15. Козлова, Л. А. Кремнева А. В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 47–59.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2004.
17. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago : University of Chicago Press, 1987.
18. Чертыкова М. Д. Глагольное выражение вкусового восприятия в хакасском и других тюркских языках // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 63–75. DOI 10.24411/2072-8980-2019-00021.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)

2. Malinovich, Yu. M., Malinovich, M. V. (2003). Antropologicheskaya lingvistika kak integral'naya nauka = Anthropological linguistics as an integrative science. In Malinovich, Yu. M. (Ed.), Antropologicheskaya lingvistika: Kontsepty. Kategorii (pp. 7–28). Moscow; Irkutsk. (In Russ.)
3. Temirgazina, Z. K. (2005). Antropologicheskaya lingvistika i kul'turnaya antropologiya v sovremennoi sisteme gumanitarnykh znaniy = Anthropological linguistics and cultural anthropology in the modern system of humanities knowledge. In Til álemi. Mir yazyka (pp. 40–44). Almaty: Nūr-Print. (In Russ.)
4. Daddesio, T. (1995). On minds and symbols: The relevance of cognitive science for semiotics. Berlin: De Gruyter Mouton.
5. Valkman, Yu. (2012). Kognitivnaya semiotika v protsessakh obraznogo myshleniya = Cognitive semiotics in processes of imaginative thinking. In Problems of Computer Intellectualization (pp. 350–358). Kiev; Sofia: Ithea.
6. Zlatev, J. (2012). Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning. Public Journal of Semiotics, 4(1), 2–24.
7. Belyaevskaya, E. G. (2014). Cognitive methods of analyzing lexical semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(706), 9–21. (In Russ.)
8. Paolucci, C. (2021). Cognitive semiotics. Cham: Springer Nature.
9. Sakhno, A. A. (2023). Kognitivno-semioticheskii aspekt zapakha = Cognitive-semiotic aspect of smell. In Zinkovskaya, A. V. et al. (Eds.), Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya (pp. 99–102). (In Russ.)
10. Lakoff, G. (1987). Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.
11. Rosch, E. (1988). Printsipy kategorizatsii = Principles of categorization. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, 23, 23–52. (In Russ.)
12. Wierzbicka, A. (1996). Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)
13. Barsalou, L. W. (2010). Modeli kategorizatsii v kognitivnoi nauke = Models of categorization in cognitive science. Kognitivnye issledovaniya = Cognitive studies, 4, 45–62. (In Russ.)
14. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago press.
15. Kozlova, L. A., Kremneva, A. V. (2021). Kontseptual'naya metafora v kognitivno-semioticheskom osmyslenii = Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation. Cognitive Linguistics, 1, 47–59. (In Russ.)
16. Lotman, Yu. M. (2004). Semiosphere. St.Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
17. Lakoff, G. (1987). Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.
18. Chertykova, M. D. (2019). Verbal expressing of taste in Khakas and other Turkic languages. Vestnik of Tuvan State University. Social sciences and humanities, 4(52), 63–75. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Раиса Петровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой английской филологии
Политехнического института (филиала) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» в г. Мирном

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Raisa Petrovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of English Philology, Mirny Polytechnic Institute (branch)
of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Статья поступила в редакцию	10.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

Лингвокогнитивные особенности концепта «завтра» (на материале монгольского концепта «маргааш»)

О. А. Цыбенова

Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия
tabu_olga@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется концепт *маргааш* в монгольской языковой картине мира. Рассматриваются его структура, семантические особенности и когнитивные механизмы, формирующие его многозначность. Особое внимание уделяется ядерному значению понятия *маргааш* как временного ориентира, периферийным интерпретациям, связанным с неопределенностью будущего и переносом событий, а также взаимодействию данного концепта с другими временными категориями монгольского языка. Исследование основывается на данных лексикографических источников, примерах из монгольской речи и культурных контекстах, что позволяет выявить его философское и прагматическое значение. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию монгольской концептуализации времени и расширяют представления о варьировании временных концептов в языках мира.

Ключевые слова: концепт *маргааш*, языковая картина мира, монгольский язык, временные концепты, когнитивная лингвистика, культурная семантика

Для цитирования: Цыбенова О. А. Лингвокогнитивные особенности концепта «завтра» (на материале монгольского концепта «маргааш») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (902). С. 92–99.

Original article

Linguo-Cognitive Features of the Concept “Tomorrow” (based on the Mongolian concept “Margaash”)

Olga A. Tsybenova

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia
tabu_olga@mail.ru

Abstract. This article analyzes the concept of *margaash* in the Mongolian linguistic worldview. It examines its structure, semantic features, and cognitive mechanisms that shape its polysemy. Special attention is given to the core meaning of *margaash* as a temporal reference, its peripheral interpretations associated with the uncertainty of the future and the postponement of events, as well as its interaction with other temporal categories of the Mongolian language. The study is based on lexicographic sources, examples from Mongolian speech, and cultural contexts, which allow for identifying its philosophical and pragmatic significance. The obtained results contribute to a deeper understanding of the Mongolian conceptualization of time and broaden perspectives on the variation of temporal concepts across languages.

Keywords: *margaash* concept, linguistic worldview, Mongolian language, temporal concepts, cognitive linguistics, cultural semantics

For citation: Tsybenova, O. A. (2025). Linguo-cognitive features of the concept “Tomorrow” (based on the Mongolian concept “Margaash”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 92–99. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Время является одной из фундаментальных категорий человеческого восприятия и важнейшим элементом языковой картины мира. Несмотря на его универсальный характер, осмысление категории времени заметно варьируется от культуры к культуре. Разные языки по-разному структурируют временные отношения, отражая тем самым глубинные особенности мышления своих носителей. Монгольский язык в этом отношении представляет особый интерес. Его носители демонстрируют неординарный взгляд на будущее – подвижный, гибкий, не всегда совпадающий с европейской линейной моделью.

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт – это не просто слово, а сложная ментальная единица, включающая в себя как лексическое значение, так и культурные, прагматические и ассоциативные компоненты. Одним из таких концептов в монгольской языковой картине мира выступает *маргааш* – «завтра». Однако в речи это слово часто выходит за рамки календарного значения, приобретая дополнительные оттенки, связанные с неопределенностью, отложенными планами и философским восприятием грядущего.

Актуальность исследования связана с необходимостью изучения концептуализации времени в языках, отличающихся от европейской традиции. Монгольский язык – не просто средство общения, но отражение образа жизни и мышления народа, где «завтра» может быть скорее намерением, чем фактом. Анализ концепта *маргааш* позволяет точнее понять специфику монгольской языковой картины мира и расширить представления о вариативности временных категорий в когнитивной системе человека.

Цель исследования – провести анализ концепта *маргааш* в монгольской языковой картине мира, выявить его структуру, семантические и когнитивные особенности, а также определить его роль в формировании временных представлений носителей монгольского языка.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- 1) определить основное (ядерное) значение концепта *маргааш* и его периферийные интерпретации. Для решения этой задачи использовался лексикографический анализ по данным словарей;
- 2) выявить когнитивные механизмы, способствующие расширению значения. Для этого были применены следующие методы: семантический анализ, когнитивный анализ;

- 3) проанализировать культурно-семантические связи концепта с другими временными категориями монгольского языка. Для решения данной задачи использовался этнолингвистический подход;
- 4) изучить прагматические функции концепта *маргааш* в монгольской коммуникации. Для этого был проведен дискурсивный анализ (публицистика, устная речь).

Применение данных методов позволило провести комплексное исследование концепта *маргааш*, выявить его когнитивные и семантические особенности, а также определить его роль в формировании временной картины мира монголов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе концепта *маргааш* с позиций когнитивной лингвистики и культурной семантики. В работе впервые подробно рассматриваются его периферийные значения, связанные с неопределенностью будущего, переносом событий, а также философским осмыслением времени в монгольской культуре.

Теоретическая и практическая значимость: исследование расширяет представления о концептуализации времени в различных культурах, подтверждая возможность вариаций временных концептов. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения когнитивных и этнолингвистических аспектов временной семантики, а также применимы в преподавании монгольского языка, составлении билингвальных словарей и межкультурной коммуникации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория времени является неотъемлемым элементом языковой картины мира, однако способы ее концептуализации различаются в зависимости от культурных традиций. В каждой языковой системе формируются специфические временные концепты, отражающие представления о связи прошлого, настоящего и будущего, а также когнитивные и прагматические особенности восприятия времени.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, «пространство и время выступают в качестве интерпретирующих, модусных концептов, которые наряду с концептами конкретных языковых и неязыковых объектов являются неотъемлемой частью концептуальной и языковой картины мира человека и которые в качестве форм языкового сознания призваны обеспечивать реализацию его интерпретирующей функции» [Болдырев, 2018, с. 71]. В различных культурах временные концепты могут приобретать особое значение, отражая мировоззренческие установки

и ментальные особенности носителей языка. Монгольская языковая картина мира в этом отношении представляет особый интерес, поскольку восприятие времени в ней отличается от европейской традиции и характеризуется большей гибкостью в разграничении временных промежутков.

Исследования, посвященные временным концептам в монгольском языке, преимущественно сосредоточены на более общих аспектах, таких как лексическая система, отражающая временные категории, национально-культурные особенности восприятия времени и его связь с природными циклами [Туяа, 2004; Даяндорж, 2008а; Даяндорж, 2008б; Жуковская, 2002]. В то же время в лингвистике накоплен обширный материал, посвященный концепту «время» на материале других языков, в том числе в русско-французско-конголезском сопоставлении [Бансимба, 2007], во фразеологических системах английского, испанского и русского языков [Афанасьева, 2007], в английских и украинских сказках [Никульшина, 2013], в немецко-русской фразеологии [Щербина, 2006], а также в сравнении языкового сознания русских и японцев [Палкин, 2018]. Указанные исследования подтверждают как универсальность, так и вариативность концептуализации времени в разных лингвокультурах.

В частности, наше раннее исследование «Соотношение и функциональная роль лексем *цаг* – *уе*» как временной категории в языковой картине мира монголов» было посвящено анализу лексем *цаг* и *уе* как ключевых временных категорий в языковой картине мира монголов, их функциональной роли и семантическим особенностям [Цыбенкова, 2025]. Настоящая работа развивает этот подход, акцентируя внимание на концепте «маргааш», его когнитивных характеристиках, периферийных значениях и дискурсивных особенностях, что ранее оставалось вне фокуса исследований.

Понимание концепта «маргааш» требует обращения к теоретическим основам концептологии. В настоящее время существует множество определений понятия «концепт», предложенных различными исследователями [Худяков, 1996; Токарев, 2003; Воркачев и др., 2007; Маслова, 2008; Базарова, 2010; Болдырев, 2018; Бабушкин, Стернин, 2018]. Несмотря на различия в трактовках, большинство подходов тождественны в том, что концепт представляет собой ментальную единицу, отражающую знания о мире, организованные в определенную структуру. Концепты формируют основу языковой картины мира, так как именно через язык они объективируются и передаются в процессе коммуникации. Обобщая существующие формулировки, определяем концепт как когнитивную единицу, объединяющую знания, культурные представления

и индивидуальный опыт, связанные с определенным объектом или явлением, и находящую свое выражение в языковой картине мира.

Такой подход, в рамках которого концепт рассматривается как носитель культурных знаний и ценностей, находит обоснование в трудах А. Вежбицкой. По ее мнению, «некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом» [Вежбицкая, 2001, с. 37]. В данном исследовании слово *маргааш* рассматривается именно как такое ключевое слово, позволяющее выявить особенности временной картины мира монголов и пролить свет на культурно обусловленное восприятие будущего.

Также следует учитывать, что репрезентация временных представлений в языке формируется в тесной связи с историко-культурным опытом носителей. В частности, кочевой образ жизни монголов, основанный на сезонной цикличности и прямой зависимости от природных ритмов, обусловил специфическое восприятие и практику освоения времени. Как подчеркивает Н. Л. Жуковская, «эмпирическое время [в традиционной монгольской культуре] необратимо нарастало, двигалось вперед, нуждалось в измерении и соизмерении с ним всех хозяйственных и житейских потребностей» [Жуковская, 2002, с. 39].

В связи с этим формировались народные способы измерения времени, рожденные реалиями кочевого быта. Жуковская выделяет несколько таких ориентиров: время по тарбагану, время по солнцу в юрте, время по видам хозяйственной деятельности, а также выражения, обозначающие краткие отрезки времени: «время дойки овцы» (около 10 минут), «время кипячения одного котла чая» (8–10 минут), «время между двумя чаепитиями» (1 час), «время между двумя приемами пищи» (2 часа), «время установки юрты» (чуть больше часа) и др. [там же].

Эти формы свидетельствуют о том, что восприятие времени в монгольской культуре носит прагматически ориентированный и событийный характер, соотносимый с процессами кочевого хозяйства, а не с абстрактной календарной шкалой. Именно в этом контексте «маргааш» (завтра) может приобретать не только значение календарного «следующего дня», но и более широкое значение неопределенного будущего. Оно связано с ожидаемым, но отложенным действием, что и отражает национально-специфический пласт концепта, укорененный в кочевой культуре. Таким образом, при всей универсальности идеи «завтра» в разных языках и культурах, ее

когнитивная репрезентация в монгольской языковой картине мира несет на себе отпечаток традиционного образа жизни, что позволяет говорить о культурной маркированности периферийных интерпретаций концепта «маргааш».

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА МАРГААШ

Понятие времени в монгольской культуре находит свое отражение в концепте *маргааш*, семантическая структура которого выходит далеко за рамки буквального значения. Анализ этого концепта требует рассмотрения его ядра и периферийных зон, что позволит выявить не только основное значение, но и культурные, ассоциативные и прагматические нюансы.

Ядром концепта «маргааш» является его основное, нейтральное значение «завтра», т. е. день, следующий за сегодняшним днем. Это значение устойчиво, опирается на повседневный опыт и служит отправной точкой для всех прочих смыслов. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания» [Болдырев, 2018, с. 53]. В этом смысле *маргааш* – это элемент повседневной ориентации во времени, связанный с ожиданием следующего дня как неизбежного продолжения настоящего.

Однако в монгольской языковой картине мира *маргааш* – это не только «завтра» в хронологическом смысле. В «Большом толковом словаре монгольского языка» также фиксируется значение «действие, относящееся к будущему времени», что указывает на способность слова охватывать более широкий временной горизонт, включая неопределенное будущее. Это расширение возможно благодаря когнитивному механизму генерализации. Если *завтра* всегда наступает, то оно может символизировать будущее вообще, не имеющее четких границ.

Такое значение демонстрирует переход концепта от конкретного временного ориентира к более широкой категории, включающей любые события, которые могут произойти в неопределенном будущем. Важно отметить, что данный смысл формируется за счет когнитивного механизма генерализации: если завтрашний день всегда наступает, то «завтра» может метафорически использоваться для обозначения неопределенного будущего в целом. Именно это значение активно используется в монгольском языке в различных социальных и культурных контекстах, отражая особенность монгольской картины времени.

Таким образом, *маргааш* – многозначный концепт, значения которого реализуются в зависимости от ситуации. По мнению Н. Н. Болдырева, «многозначность слова, как представляется, заключена не в многокомпонентности семантической структуры его значения (полисемии), а в реальной возможности слова передавать разные смыслы за счет реализации разных концептуальных признаков» [Болдырев, 2018, с. 208]. В случае с *маргааш* это, с одной стороны, линейная последовательность времени, с другой – метафора будущего, находящегося вне точного календарного определения.

Подобное расширение значений отражает особенности монгольской картины мира, где представление о времени лишено жесткой структурированности и допускает вариативность. Понятие «*маргааш*» в этой системе функционирует не просто как указание на следующий день, но как культурно-когнитивная единица, выражающая отношение к будущему, его неопределенности и гибкости.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА МАРГААШ

Периферия концепта «*маргааш*» формируется на основе его базового значения, но обогащается за счет культурных, прагматических и ассоциативных контекстов. Одно из распространенных периферийных значений связано с обозначением намерения или будущего действия без конкретной временной привязки. В этом случае *маргааш* приобретает модальный оттенок: оно указывает не столько на завтрашний день, сколько на намерение что-либо сделать когда-нибудь в будущем.

Такое употребление можно охарактеризовать как субъективно-прагматическое. Например, выражения вроде *маргаашаас хичээлдээ шамдана (с завтрашнего дня буду усердно учиться)* или *маргаашаас ажил хайна (с завтрашнего дня начну искать работу)* не гарантируют начала действия именно завтра. Они отражают скорее устремление, план, который может быть отложен – в зависимости от обстоятельств. Здесь *маргааш* превращается в своего рода «временную отговорку», что характерно для монгольской речевой традиции, допускающей временную гибкость.

Эта временная пластичность имеет культурные корни. В традиционной кочевой культуре монголов строгие расписания были невозможны. Образ жизни диктовался природой, изменчивыми погодными условиями и другими факторами. Поэтому планирование носило адаптивный, а не линейный характер. Это отразилось и в языке, поэтому *маргааш* обозначает скорее открытое, подвижное будущее, нежели определенный день.

Еще одно значимое периферийное значение связано с размытостью, невняtnостью будущего. В высказываниях *маргааш* может символизировать не просто будущее, а его недостижимость, отложенность или иллюзорность, например:

Монголын *маргааш* дуусахгүй шиг Таны *маргааш* гэх шалтаг дуусахгүй. – Как у Монголии никогда не заканчивается «завтра», так бесконечны и твои отговорки про «завтра».

В данном примере мы имеем дело с метафорическим и символическим употреблением. Базовое значение отходит на второй план, а *маргааш* превращается в образ бесконечного откладывания, вечного ожидания. Этот перенос осуществляется с помощью метафоры, метонимии и гиперболы. Метонимия позволяет использовать *завтра* в значении неясного будущего, метафора формирует образ отложенного действия, а гипербола подчеркивает бесконечность и уклончивость.

Как отмечает В.В. Корнилов, «символика же самым тесным образом связана с коннотативной зоной языка, т. е. той частью НЯКМ (Национальная языковая картина мира), которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира» [Корнилов, 2003, с. 83]. В контексте концепта «*маргааш*» речь идет о зоне ожидания, приостановки, отсрочки, иногда – критического осмысления привычки откладывать важные дела.

Таким образом, периферийные значения концепта «*маргааш*» показывают, что язык отражает особенности восприятия времени в монгольской культуре не как жестко линейной категории, а изменчивой и зависимой от контекста реальности.

Еще одно периферийное значение связано с переносным употреблением *маргааш* в значении «нового этапа», «изменений» или «будущих возможностей». Переход от буквального значения к символическому прослеживается в поэтической и публицистической речи, где *маргааш* нередко используется как символ надежды, перемен или новой жизненной ступени. Например, в предложении *Өчигдөр бол түүх, Маргааш бол нууц, Өнөөдөр бол бэлэг!* (Вчера – это история, *завтра* – это тайна, сегодня – это подарок!) слово *маргааш* получает философскую окраску. Оно ассоциируется с неизвестным будущим, которое недоступно для контроля и не поддается точному предсказанию. Такое употребление подчеркивает контраст между тремя временными планами: *өчигдөр* (вчера) – фиксированное прошлое, *өнөөдөр* (сегодня) – реальность настоящего момента, и *маргааш* – абстрактное, скрытое, потенциальное.

Эта триада указывает на специфическое восприятие времени в монгольской культуре. Прошлое воспринимается как завершенное и понятное, настоящее – как наиболее значимое и «осязаемое», а будущее – как пространство возможностей, одновременно волнующее и нечеткое. Здесь *маргааш* становится частью философского взгляда на жизнь, в котором важны терпение, гибкость и внимание к текущему моменту.

Кроме того, в монгольском дискурсе *маргааш* может быть носителем критической или ироничной интонации. Так, в выражении *Маргааш гэх шалтаг дуусахгүй! (Отговорки про «завтра» бесконечны!)* концепт превращается в маркер поведенческой стратегии, а именно, ухода от ответственности, постоянного откладывания и отсутствия решительности. Здесь *маргааш* не просто слово о будущем, а способ выразить социальную оценку.

Маргааш в современном политическом и публицистическом дискурсе нередко выполняет символическую функцию, обозначая национальное будущее, ожидание перемен или, напротив, выражая тревогу и беспокойство. Например, в заголовке статьи АН: МАН-д Монголын *маргааш* хамаагүй болсон байна¹ (АН: МАН больше не заботится о будущем Монголии) слово *маргааш* выступает в роли символа будущего всей страны. Здесь оно используется для выражения политического упрека и передачи тревожного ощущения безответственности, создавая эмоционально нагруженный образ национального завтра, оставленного без внимания.

Такое употребление характерно для полемических текстов, где *маргааш* включается в систему концептов, отражающих гражданскую позицию, социальные ожидания и критику власти. В подобных контекстах слово может быть усилителем смысла, инструментом эмоционального воздействия и риторическим приемом, подчеркивающим важность ответственности за будущее.

Следует отметить, что концепт *маргааш* не существует изолированно. Он тесно связан с другими временными понятиями: *өнөөдөр* (сегодня), *өчигдөр* (вчера), *ирээдүй* (будущее), *цаг* (время), *сар* (месяц), *жил* (год). Эти связи формируются как на уровне лексики, так и через такие когнитивные механизмы как метафора, метонимия, противопоставление и ассоциации. Например, в оппозиции *маргааш* – *өнөөдөр* – *өчигдөр* выстраивается базовая временная ось, отражающая восприятие хода времени. При этом *маргааш* занимает в этой системе особое положение, оно может быть ближайшим будущим, но также метафорически обозначать и время, которое никогда не наступит.

¹URL: <https://news.mn/r/2721866/> (дата обращения: 23.02.2025).

Метонимия позволяет *маргааш* выступать вместо более абстрактных понятий, таких как *ирээдүй* (будущее в широком смысле), а метафора – превращать его в символ ожидания, надежды или оттягивания. Так, выражение: *Монголын маргааш дуусахгүй шиг...* (Как у Монголии никогда не кончается «завтра»...) становится риторическим приемом, в котором *маргааш* передает образ бесконечного ожидания или вечного откладывания, что находит отклик в коллективном сознании и культурной памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ концепта «*маргааш*» в монгольской языковой картине мира показывает, что за простым лексическим значением «завтра» скрывается сложная система когнитивных, семантических и культурных связей. Будучи временным ориентиром, *маргааш* в то же время выступает как символ ожидания, гибкости, надежды, неопределенности и даже уклонения от действия или ответственности как в социальном, так и в философском контексте.

Восприятие времени в монгольской культуре, сформированной в условиях кочевого быта, отличается нелинейностью, адаптивностью и зависимостью от природных и жизненных циклов. Эти особенности нашли отражение в концепте «*маргааш*», который может означать как ближайший день, так и абстрактное будущее, отложенное действие или обещание без срока исполнения. Такие значения формируются через когнитивные механизмы метафоры, метонимии, гиперболы и противопоставления, а также через национальные культурные

установки. Подобная многозначность концепта укоренена в традиционном кочевом образе жизни, допускающем адаптацию к изменяющимся условиям. В таких условиях перенос принятия решений становится нормой, что делает *маргааш* не только временной, но и поведенческой категорией.

Таким образом, анализ концепта «*маргааш*» иллюстрирует потенциал ключевых слов как репрезентантов культурных смыслов. Подобные лексемы, как *маргааш*, позволяют проникнуть в ментальные структуры, отражающие мировосприятие и систему ценностей носителей языка.

В данной работе анализ концепта «*маргааш*» ограничен рамками монгольской языковой картины мира. Особый интерес представляет дальнейшее исследование влияния морфологической структуры языка (в частности, агглютинативности) на способы репрезентации и осмысления временных понятий. Кроме того, перспективным представляется проведение сопоставительного анализа концепта «завтра» на материале других языков (русского, английского и др.), что позволит выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности его когнитивной репрезентации. Подобные сопоставительные исследования особенно актуальны в контексте межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Как подчеркивал В. В. Корнилов, «знание ЯКМ другого языка – это необходимый фундамент, база для любых культурологических изысканий» [Корнилов, 2003, с. 80]. Изучение концепта *маргааш* – это шаг к осмыслению уникальности монгольского мировидения через призму языка, раскрывающий как общие черты, так и самобытные аспекты временного мышления в кочевой культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
2. Туяа Г. Семантическое выражение времени как национально-культурный компонент в монгольском языке (на материале художественных произведений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.
3. Даяндорж А. Отношение к времени как выражение целостности мировосприятия: концепт «день» в русском и монгольском языке (на материале письменных памятников) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008а. № 80. С. 65–71.
4. Даяндорж А. Именная темпоральность в картине мира русского и монгольского языков (на материале памятников письменности и народных календарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008б.
5. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002.
6. Бансимба М. Концепт «время» в русской, французской и конголезской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
7. Афанасьева О. В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.
8. Никульшина Т. Н. Концепт время: сопоставительный аспект изучения (на материале английских и украинских сказок) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 7. № 1. С. 156–168.

9. Щербина В. Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: монография. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2008.
10. Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 4. С. 5–15.
11. Цыбенкова О. А. Соотношение и функциональная роль лексем «цаг – үе» как временной категории в языковой картине мира монголов // Мир науки, культуры и образования. 2025. № 1 (110). С. 554–558.
12. Худяков А. А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград–Архангельск: Перемена. 1996. С. 97–103.
13. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003.
14. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев, Л. Э. Кузнецова, Г. В. Кусов [и др.]. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007.
15. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2008.
16. Базарова Л. В. Понятие концепт в когнитивной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 4. С. 176–178.
17. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Издательство Ритм, 2018.
18. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
19. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЧеРо, 2003.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2018). Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language. Moscow: YaSK. (In Russ.)
2. Tuyaa, G. (2004). Semanticheskoye vyrazheniye vremeni kak natsional'no-kul'turnyy komponent v mongol'skom yazyke (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy) = The Semantic Expression of Time as a National and Cultural Component in the Mongolian Language (based on literary works): PhD thesis in Philology. Ulan-Ude. (In Russ.)
3. Dayandorzh, A. (2008a). Otnosheniye k vremeni kak vyrazheniye tselostnosti mirovospriyatiya: kontsept «den'» v russkom i mongol'skom yazyke (na materiale pis'mennykh pamyatnikov). Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 80, 65–71. (In Russ.)
4. Dayandorzh, A. (2008b). Imennaya temporal'nost' v kartine mira russkogo i mongol'skogo yazykov (na materiale pamyatnikov pis'mennosti i narodnykh kalendarey) = Nominal Temporality in the Worldview of the Russian and Mongolian Languages (Based on Written Monuments and Folk Calendars): PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)
5. Zhukovskaya, N. L. (2002). Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika = Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbolism. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
6. Bansimba, M. (2007). Kontsept «vremya» v russkoy, frantsuzskoy i kongolezskoy yazykovykh kartinakh mira = The Concept of «Time» in the Russian, French, and Congolese Linguistic Worldviews: PhD thesis in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
7. Afanas'yeva, O. V. (2007). Semanticheskaya struktura kontsepta «vremya» i yeye otrazheniye vo frazeologicheskikh sistemakh angliyskogo, ispanskogo i russkogo yazykov = Semantic Structure of the Concept «Time» and Its Representation in the Phraseological Systems of English, Spanish, and Russian Languages: PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)
8. Nikul'shina T. N. (2013). Concept Time: the Comparative Study (in English and Ukrainian Tales). Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta after A. S. Pushkin, 7(1), 156–168. (In Russ.)
9. Shcherbina, V. Ye. (2008). Kontsept «vremya» vo frazeologii nemetskogo i russkogo yazykov _ The Concept of «Time» in the Phraseology of German and Russian Languages. Orenburg: Orenburg State University, 2008. (In Russ.)
10. Palkin, A. D. (2018). Image of Time in the Language Consciousness of Russians and the Japanese. NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 16(4), 5–15. (In Russ.)
11. Tsybenova, O. A. (2025). The correlation and functional role of the lexemes tsag and üe as temporal categories in the linguistic worldview of the mongols. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 1(110), 554–558. (In Russ.)
12. Khudyakov, A. A. (1996). Kontsept i znacheniyе = Concept and meaning. Yazykovaya lichnost': kul'turnyye kontsepty: sbornik nauchnykh trudov (pp. 97–103). Collection of articles. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena. (In Russ.)

13. Tokarev, G. V. (2003). Kontsept kak ob"yekt lingvokul'turologii (na materiale reprezentatsiy kontsepta «trud» v russkom yazyke) = The Concept as a Subject of Linguocultural Study (A Case Study of the Concept «Labor» in Russian). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
14. Vorkachev, S. G. et al. (2007). Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya = Linguocultural concept: typology and areas of existence Volgograd: Volgograd state university. (In Russ.)
15. Maslova, V. A. (2008). Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku = Introduction to Cognitive Linguistics. 4th ed. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
16. Bazarova, L. V. (2010). Ponyatiye kontsept v kognitivnoy lingvistike = The Notion of Concept in Cognitive Linguistics. Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk, 4, 176–178. (In Russ.)
17. Babushkin, A. P., Sternin, I. A. (2018). Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya = Cognitive linguistics and semasiology. Voronezh: Izdatel'stvo Ritm. (In Russ.)
18. Vezhbitskaya, A. (2001). Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov = Understanding Cultures Through Keywords. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
19. Kornilov, O. A. (2003). Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov = Linguistic Worldviews as Derivatives of National Mentalities. 2nd ed. Moscow: ChEro. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыбенкова Ольга Аюровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры художественного перевода
Литературного института им. А. М. Горького

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tsybenova Olga Ayurovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Literary Translation
at A. M. Gorky Literary Institute

Статья поступила в редакцию	02.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Научная статья
УДК 81'25

Предикативность как переводческая категория

К. В. Иваненко¹, В. И. Фролов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹aino-312@yandex.ru

²pretransfallacy@gmail.com

Аннотация. Авторы рассматривают языковую категорию предикативности с переводческой точки зрения. При этом в переводоведении предлагается разделять подходы – строго лингвистический и более широкий, междисциплинарный. С одной стороны, формы и способы выражения предикативных отношений в конкретной паре языков будут различаться и по частотности употребления, и по стилистической отмеченности, что приводит к необходимым и закономерным преобразованиям при переводе. С другой стороны, предикативность, будучи категорией функционально-логической, входит в переводческий инвариант, а значит, требует сохранения при порождении текста на языке перевода.

Ключевые слова: предикативность, предикативные структуры, инвариант перевода, междисциплинарный объект, методология переводоведения

Для цитирования: Иваненко К. В., Фролов В. И. Предикативность как переводческая категория // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 100–105.

Original article

Predicativity as a Translation Concept

Kseniya V. Ivanenko¹, Valentin I. Frolov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹aino-312@yandex.ru

²pretransfallacy@gmail.com

Abstract. The paper discusses the linguistic category of predicativity from the standpoint of translation. It is also suggested to differentiate between strictly linguistic and broader, interdisciplinary approaches in translation studies. On the one hand, the forms and ways of expressing predicative relations within a particular language pair would differ in terms of frequency of usage and stylistic marking, which leads to necessary and consistent transformations in translation. On the other hand, predicativity, being a functional and logical category, is a part of the translation invariant, thus requiring to be preserved in the course of the generation of the target text.

Keywords: predicativity, predicative structures, translation invariant, interdisciplinary, translation studies methodology

For citation: Ivanenko, K. V., Frolov, V. I. (2025). Predicativity as a translation concept. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 100–105. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Наше небольшое исследование необходимо предварить важными общеметодологическими размышлениями. В переводоведении до сих пор ведутся дискуссии о том: а) является ли оно частью прикладной лингвистики или самостоятельной наукой; б) если верно последнее, то каковы междисциплинарные особенности и границы переводоведения. Мнения существуют самые разные, при этом всякое серьезное переводоведческое утверждение, на наш взгляд, можно делать только в том случае, если позиция автора по вышеуказанным вопросам выражена с достаточной ясностью и строгостью.

С одной стороны, теория перевода как наука родилась как лингвистическая дисциплина, что было в первую очередь связано с необходимостью четко выделить и в известном смысле ограничить объект и предмет исследования. С другой стороны, вполне очевидно, что сам феномен перевода узколингвистической проблематикой не исчерпывается, и для его всестороннего анализа он должен быть описан и изучен как *междисциплинарный объект*. Именно поэтому представляется важным иметь четкую позицию еще по одному вопросу: противоречат ли друг другу строго лингвистический подход к переводу и любой другой, более широкий? Нам представляется, что нет: дело лишь в том, какой аспект перевода изучается и какие методы для этого используются. Дело в том, что перевод как объект научного исследования настолько многогранен, что по определению требует разных подходов и методов для изучения этих самых граней [Фролов, 2022], что не отменяет необходимости единого междисциплинарного, но при этом непротиворечивого концептуально-понятийного его описания. В этом контексте особую роль приобретает принцип описания междисциплинарного объекта, сформулированный В. А. Пищальниковой: «Новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин всё-таки используется, он *требует обязательного приспособления для описания нового объекта*¹» [Пищальникова, 2016, с. 9].

Итак, любую переводческую проблему, а также любой языковой факт, ситуативно становящийся релевантным для перевода, можно рассматривать как со строго лингвистических позиций (оставаясь в рамках методологии лингвистической теории перевода), так и с более широких междисциплинарных позиций (психолингвистических, социолингвистических) – всё зависит от того, каким образом была

поставлена исследовательская задача. Именно в таком ключе далее нам бы хотелось взглянуть на языковую категорию предикативности.

Таким образом, наше исследование *актуально* ввиду того, что весь спектр языковых и речевых категорий требует переосмысления как категорий переводоведения в узколингвистическом и широком междисциплинарном смысле. *Научная новизна* его, в свою очередь, определяется тем, что анализ материала и теоретическое его осмысление производятся с позиций последних разработок в рамках общей и лингвистической теории перевода. К использованным в исследовании *методам* можно отнести сопоставительный анализ и типологический метод. *Практическая же значимость* заключена в том, что выводы, сделанные в исследовании, пусть и касаются общетеоретических вопросов, имеют непосредственное отношение к стратегии поиска конкретных переводческих решений.

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

Предикативность – сложная языковая категория, этимологически и содержательно связанная с понятиями «предикат» и «предикация». Понятие «предикат» – наиболее общее и широкое по значению. Под ним традиционно подразумевают *то, что говорится о субъекте*. При этом сами понятия «субъект» и «предикат» можно трактовать как в изначальном логическом значении, так и в языковом преломлении. Производное от предиката понятие «предикация» является в полной мере языковедческим. В словаре лингвистических терминов дается следующее определение: предикация (*лат. praedicatio* – высказывание) – отнесение содержания высказывания к действительности, осуществляемое в предложении². В предикации логический субъект раскрывается логическим предикатом (что-то о чем-то утверждается или отрицается).

Наконец, термин «предикативность», в отличие от предикации как некоего действия, процесса, используется для описания особого свойства высказывания, т. е. выступает как категория речевой коммуникации. Определений предикативности существует много. Приведем фрагмент словарной статьи из Большой российской энциклопедии: предикативность – синтаксическая категория, определяющая функциональную специфику предложения; ключевой конституирующий признак предложения, относящий его содержание к действительности и тем самым делающий его единицей сообщения (высказывания)³.

²Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 1976.

³URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

¹Курсив наш. – К. И., В. Ф.

Предикативность является стыком, особым интерфейсом между языком и речью. Более подробно данная категория описана в классических научных трудах [Пешковский, 2009; Распопов, 2009], нам же здесь важно подчеркнуть, что, во-первых, предикативность описывается как категория *синтаксическая*, а во-вторых, что она определяет именно *функциональную* специфику предложения. В этом смысле неслучайна отмечаемая многими исследователями непосредственная связь между категорией предикативности и актуальным членением предложения. Среди прочих, интересно утверждение, согласно которому «на уровне актуального членения, предикативность имплицитно выражается темой, а эксплицитно – соединением темы с ремой» [Крылова, 2006, с. 170].

Потенциально продуктивным также представляется соотнесение понятия предикативности с любопытным, но так твердо и не вошедшем в концептуально-методологический аппарат лингвистики разделением на явные и неявные категории, которое более полувека назад предложил Б. Л. Уорф. Помимо привычных нам, как носителям языков индоевропейской семьи, *явных* категорий, в языках (при том не только экзотических!) присутствуют и категории *неявные*, которые «маркируются, будь то на морфологическом или синтаксическом уровне, только в определенных типах предложений, а не в каждом предложении, в котором встречается слово или элемент, относящиеся к данной категории» [Уорф, 2024, с. 111]. Именно ввиду того что разного рода виды предикативности (вторичная, скрытая, свернутая и др.) и способы их выражения не имеют столь же последовательных и обязательных способов маркирования, как грамматические категории, выявить их в предложении не так просто, что, помимо прочего, вызывает и переводческие трудности. Вопросы сопоставительного анализа различий в способах выражения предикативности в английском и русском, а также переводческая проблематика, рождаемая этими различиями, отражение в трудах исследователей уже нашли [Беклемешева, 2022]. Указанный автор выделяет по крайней мере два способа выражения редуцированной предикативности в английском языке – так называемый инфинитив последующего действия и абсолютную конструкцию (независимый причастный оборот), – являющиеся полными грамматическими лакунами в русском языке и в силу этого требующие поисков нетривиальных переводческих решений.

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Каким образом языковая категория предикативности становится категорией переводческой? Для

ответа на этот вопрос предлагается использовать дифференцированный подход, сформулированный выше во введении. Если предикативность нас интересует с точки зрения сопоставительного анализа употребления тех или иных способов ее выражения в текстах на материале конкретной пары языков, то мы остаемся в рамках строго лингвистического подхода, некогда называемого субститутивно-трансформационной онтологией [Галеева, 1997], но который, учитывая последние разработки внутри лингвистической теории перевода, вернее было бы назвать *частотно-типологическим* [Псурцев, 2019]. Действительно, весьма перспективным полем для исследований представляется рассмотрение самых разных форм выражения предикативности – предикативных структур, полупредикативных структур, структур со свернутой предикативностью – в двух языках с точки зрения поиска способов их адекватной передачи при переводе. Дело это уже начато [Гудухина, Карданова-Бирюкова, 2020; Иваненко, 2024], при этом важно осуществлять такого рода сопоставительные исследования именно с точки зрения *типологических* различий двух языков и различий в *частотности* употребления тех или иных языковых явлений в двух языках. К примеру, в английском языке отсутствует деепричастие, а в русском – уже упоминавшийся выше инфинитив последующего действия. При этом оба этих языковых явления являются формами выражения свернутой предикативности. Что же в этом случае считать *единицей перевода*? В разные времена для выделения минимальной синтаксической единицы предлагались такие термины, как «элементарное предложение» [Адмони, 1963, с. 19], «базовая модель синтаксической структуры» [Золотова, 2001], «элементарная предикативная единица» [Покусаенко, 1983, с. 33]. Для нашего исследования наиболее подходящим представляется последний вариант (далее ЭПЕ).

Итак, в переводческой практике возникают следующие задачи:

- 1) выделение в ТО элементарных предикативных единиц;
- 2) поиски адекватных способов их передачи на другой язык;
- 3) выявления необходимых для этого закономерных преобразований, или, выражаясь иначе, поисков в ПЯ наиболее частотных в необходимом экспрессивно-стилистическом диапазоне способов выражения тех же предикативных отношений, которые сохранились в ТО.

Рассмотрим пример, включающий оригинальное предложение на английском языке с несколькими вариантами его перевода на русский.

a. *Have* (1) the patient *sit* (2) *facing* (3) you, *pointing* (4) his index fingers toward you with his eyes *closed* (5).

а'. Попросите пациента сесть, повернувшись лицом к вам, закрыть глаза и направить указательные пальцы в вашу сторону.

а". Пациент должен сидеть лицом к вам с закрытыми глазами, направив указательные пальцы в вашу сторону.

В оригинальном предложении пять ЭПЕ: составное глагольное сказуемое, два причастия настоящего времени и абсолютная причастная конструкция с предлогом. Не анализируя здесь все остальные вопросы, остановимся на том, как были переданы именно эти компоненты высказывания. В первом варианте перевода число ЭПЕ совпадает. Причем для всех полупредикативных единиц – инфинитива, двух причастий и абсолютной причастной конструкции – подобраны также полупредикативные эквиваленты: инфинитив, деепричастие, инфинитив, инфинитив.

Во втором варианте перевода мы видим только три ЭПЕ. Один из причастных оборотов (*facing you*) и абсолютная причастная конструкция с предлогом (*with his eyes closed*) переданы словосочетаниями «лицом к вам» и «с закрытыми глазами» соответственно. При этом второй вариант представляется более удачным с точки зрения узуральности и частотности употребления в речи. Можно ли из этого сделать вывод, что число предикативных единиц не входит в переводческий инвариант? Или наоборот – что первый вариант всё-таки точнее, несмотря на меньшую идиоматичность? Для ответов на эти вопросы из плоскости сугубо лингвистической и частной нам необходимо переместиться в плоскость общих вопросов переводоведения.

Для этого категорию предикативности придется описать по-новому – как часть коммуникативного события перевода – в соответствии с подходом к переводу как к объекту междисциплинарного исследования. И здесь начать необходимо с рабочего определения перевода, поскольку определение всегда задает ракурс дальнейшему анализу. В одной работе, где была осуществлена попытка описания перевода в соответствии со строгими критериями формулирования междисциплинарного объекта, он определяется следующим образом: «Перевод – это порождение речевого высказывания на основе внутренней программы, заданной извне» [Фролов, 2020, с. 95].

Внутренняя программа речевого высказывания здесь понимается в категориях теории речевой деятельности А. А. Леонтьева и определяется как

«система функционально нагруженных смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами». Поскольку теория речевой деятельности как часть общей теории деятельности через А. Н. Леонтьева восходит к идеям его учителя Л. С. Выготского, то представляется обоснованным наметить связь понятий «внутренняя программа речевого высказывания» и «внутренняя речь» (в трактовке Л. С. Выготского), которая была описана как «чистая и абсолютная предикативность». Таким образом, порождение перевода как речевого высказывания осуществляется на основе инвариантной внутренней программы, в которую входит и категория предикативности. Возвращаясь к вышеописанному примеру, мы можем сделать два во многом противоположных вывода: либо мы признаем, что второй вариант перевода неполноценен, поскольку не сохраняет предикативный рисунок оригинала; либо вводим понятие скрытой или неявной предикативности, которая присутствует в переводческих решениях «лицом к вам» и «с закрытыми глазами» (если сначала соглашаемся с практическим соображением о большей адекватности второго варианта). Так или иначе, как было показано, основанием для анализа становится попытка интерпретировать категорию предикативности с точки зрения частной и общей теории перевода.

Переосмысляя категорию предикативности как категорию переводческую, еще раз отметим, что предикативность – свойство высказывания, входящее в *инвариант* перевода. При этом способы и формы выражения предикативности относятся уже к *вариативной* части и становятся частью закономерных преобразований, производимых при порождении ТП с учетом типологических различий двух языков и различий в спектрах частотности употребления тех или иных языковых средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделав во введении ряд важных общеметодологических замечаний, мы попытались встроить понятие «предикативность» в теоретический аппарат переводоведения как в его строгий лингвистический, так и в более широкий, междисциплинарный изводе. Процедуру такого рода необходимо, на наш взгляд, производить с любым понятием, которое привносится в переводоведение из смежных наук. Только так можно избежать терминологической размытости, а также осуществить полноценный анализ перевода как объекта междисциплинарного исследования.

Предикативность – важная категория, существенно относящаяся к логико-функциональному плану, однако находящая выражение на

формально-языковом уровне (на уровне синтаксиса). Именно поэтому в самом общем смысле она входит в переводческий инвариант, т. е. составляет часть той внутренней программы высказывания, на основе которой при переводе создается новый текст. При этом существуют различные формы выражения предикативных отношений, и репертуар этих форм может совпадать в ИЯ и ПЯ лишь отчасти. Тогда в сфере проблематики лингвистической теории перевода мы имеем стандартную задачу выявления частотности, экспрессивности, стилистической отмеченности каждого конкретного способа выражения предикативности в каждом

из двух языков для последующего учета этих различий при переводе. Задача это осложняется тем, что предикативность, не будучи узко грамматической категорией, не имеет универсальных и неизменных маркеров.

В свою очередь, психолингвистическая природа предикативных отношений внутри высказывания (выявленная при анализе соответствующих утверждений Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева) позволяет говорить о том, что дальнейший анализ этого явления может стать плодотворным для описания перевода в его процессуальном, речемыслительном аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролов В. И. О триединстве предмета общей теории перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 64–76.
2. Пищальникова В. А. К проблеме содержания базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация: сборник материалов. М.: URSS, 2016. С. 6–15.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 9-е изд. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2009.
4. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. 2-е изд. М.: URSS, 2009.
5. Крылова О. А. Актуальное членение предложения и имплицитная предикативность // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: материалы Международной научной конференции. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 165–171.
6. Уорф Б. Л. Язык, мышление, действительность. М.: Альма матер, 2024.
7. Беклемешева Н. Н. Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4. № 2. С. 91–100.
8. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: Тверской государственный университет, 1997.
9. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 2 (62). С. 46–60.
10. Гудухина М. Н., Карданова-Бирюкова К. С. Особенности передачи полупредикативных структур при переводе английского научного текста на русский язык // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2020. Вып. 3 (77). С. 51–59.
11. Иваненко К. В. Преобразование предикативных структур при переводе в паре «русский – английский» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 51–57.
12. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
13. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд-е, стереот. М.: УРСС, 2001.
14. Покусаенко В. К. Переходные конструкции в области сложного и простого предложения. Ростов-н/Дону: Издательство Ростовского университета, 1983.
15. Фролов В. И. Определение и границы перевода: психолингвистический подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4 (833). С. 91–101.

REFERENCES

1. Frolov, V. I. (2022). On the tripartite nature of the general translation theory's research focus. *Vestnik of the Nizhnii Novgorod State Linguistic University*, 3(59), 64–76. (In Russ.)
2. Pishchal'nikova, V. A. (2016). On the meaning of basic terms in modern Russian psycholinguistics. *Metodologija sovremennogo jazykoznanija: Porozhdenie i ponimanie rechi. Znachenie i smysl. Virtual'naja kommunikacija: sbornik materialov* (pp.6–15): The digest of articles. (In Russ.)

3. Peshkovskii, A. M. (2009). Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii = Russian syntax in a scholarly perspective. Moscow: LIBROKOM/URSS. (In Russ.)
4. Raspopov, I. P. (2009). Ocherki po teorii sintaksisa = Essays on the theory of syntax. Moscow: URSS. (In Russ.)
5. Krylova, O. A. (2006). Thematic-rhematic segmentation and implicit predicativity. In Semantic-discursive studies of language: explicit / implicit expression of meanings (pp. 165–171). Proceedings of the International Scientific Conference. Kaliningrad: Baltijskij federal'nyj universitet imeni Immanuila Kanta. (In Russ.)
6. Whorf, B. L. (2024). Yazyk, myshlenie, deistvitel'nost' = Language, thought, reality. Moscow: Alma mater. (In Russ.)
7. Beklemesheva, N. N. (2022). English structures-carriers of secondary predicativity from the point of view of translation. Language research and modern humanities, 4(2), 91–100. (In Russ.)
8. Galeeva, N. L. (1997). Osnovy deyatel'nostnoi teorii perevoda = The framework of the activity-based theory of translation. Tver: Tverskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
9. Psurtsev, D. V. (2019). Frequency-typology model of translation. Bridges. Journal of translators, 2(62), 46–60. (In Russ.)
10. Gudukhina, M. N., Kardanova-Biryukova, K. S. (2020). Transformations of semi-predicative structures within the scope of translation of English scientific text into Russian. Vestnik of North-Eastern Federal University, 3(77), 51–59. (In Russ.)
11. Ivanenko, K. V. (2024). Transformations of predicative structures in Russian-English translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 51–57. (In Russ.)
12. Admoni, V. G. (1963). Istoricheskii sintaksis nemetskogo yazyka = Historical syntax of the German language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Zolotova, G. A. (2001). Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa = Communicative aspects of the Russian syntax. Moscow: URSS. (In Russ.)
14. Pokusaenko, V. K. (1983). Perekhodnye konstruktii v oblasti slozhnogo i prostogo predlozheniya = Transitive constructions in complex and simple sentences. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. (In Russ.)
15. Frolov, V. I. (2020). Definition and limits of translation from psycholinguistic perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(833), 91–101. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иваненко Ксения Валерьевна

старший преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Фролов Валентин Игоревич

кандидат филологических наук
доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanenko Kseniya Valeryevna

Senior Lecturer at the Department of Translation Studies and Practice of English Language Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Frolov Valentin Igorevich

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Translation Studies and Practice of English Language Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	15.06.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	12.07.2025	
	20.08.2025	

Проблема интерпретации цветообозначений как смыслового средства в художественном произведении

М. Сакураи

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m.sakurai.moscow@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается роль цветового знака в художественном тексте и межкультурной коммуникации. При переводе с русского языка на японский и с японского языка на русский понимание смысла достигается преимущественно через восприятие контекста. Целью исследования является предложение способа понимания смысла цветообозначений через значение составляющих ее иероглифов. В отличие от буквы алфавита, иероглиф имеет собственный смысл. Существует синонимия иероглифов, которая значительно усиливает синонимию лексики японского языка. При выборе эквивалента в русском языке для перевода японского слова большое значение имеет анализ иероглифов, составляющих это слово. Практически это означает интерпретацию смысла цветового знака в языковой традиции национальной картины мира.

Ключевые слова: цветовой знак, цветовая метафора, смысл, перевод, контекст

Для цитирования: Сакураи М. Проблема интерпретации цветообозначений как смыслового средства в художественном произведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 106–113.

Original article

Translation of Colour Terms as a Means of Conveying Sense in a Work of Fiction

Mai Sakurai

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m.sakurai.moscow@gmail.com*

Abstract. The paper explores the role of colour sign in a work of fiction and its conveying in cross-cultural communication. In the process of translation between Japanese and Russian the sense interpretation is achieved through the cognitive translation of the context. The paper's objectives are to give the way how to understand the Japanese character meaning in a colour terms. Unlike a letter of the alphabet, a character has its own meaning. There is a synonymy of characters, which significantly enhances the synonymy of the Japanese language vocabulary. When choosing an equivalent in Russian to translate a Japanese word, when choosing an equivalent in Russian to translate a Japanese word, the analysis of the characters that make up this word is of great importance. In practice this stands for conveying sense of colour sign in the linguistic picture of the traditional culture.

Keywords: colour sign, colour metaphor, sense, translation, context

For citation: Sakurai, M. (2025). Translation of colour terms as a means of conveying sense in a work of fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 106–113. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Семантическое поле цвета достаточно универсально и развито во всех известных языковых картинах мира.

Русская и японская цветовая лексика различаются способами формирования и передачи смысловых моделей в художественном тексте. Символические значения цветов и оттенков, исторически сложившиеся в разных культурах, порождают разные ассоциации и часто используются в художественной литературе для формирования и интерпретации образов.

Цель статьи – демонстрация необходимости аналитического подхода к прочтению переводчиком художественного произведения при определении способов передачи смысла, заложенного в его контексте. Кроме того, особенность письменности японского языка делает целесообразным смысловой анализ иероглифа в цветообозначении.

Новизну нашего исследования составляет попытка рассмотреть в переводческом аспекте иероглиф, входящий в термин цветообозначения, как носитель собственного значения и смысла. На примере оценки функционирования терминов для обозначения красного цвета мы отмечаем актуальность знания синонимии иероглифов в терминах цветообозначения.

Иероглиф в составе слова может привести в текст свой собственный смысл и усилить контекст. Зрительное восприятие иероглифа частично может иметь такое же значение, как восприятие цветового знака. Асимметрия восприятия смысла цветообозначений в художественных произведениях читателями разных языковых культур исследована нами в произведениях середины прошлого века Юкио Мисимы и в современных произведениях Харуки Мураками как на японском языке, так и в переводе различных российских переводчиков на русский язык. Для сравнения были проанализированы отдельные фрагменты перевода романа Льва Толстого «Война и мир» на японский язык.

Кроме сравнительно-сопоставительного анализа оригиналов и переводов избранных художественных произведений, в значительной мере использован метод интроспекции.

Важным моментом при сопоставительном анализе цветоопределений в японском и русском языках является разность активности развития лексико-семантических полей цвета. В русском языке активность развития структуры цветоопределения достаточно высокая. Разнообразие цветов и оттенков постоянно расширяется членением макроцветов и присвоением оттенкам цвета собственных именований.

В японской цветовой картине исторически накопилось больше культурных традиций использования цветовых оттенков для передачи смысла и сохраняются более устойчивые определения. Причину этого можно усмотреть в более строгом отношении к цветовому знаку.

ПРЕДМЕТ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом нашего исследования являются авторские способы использования цветовых терминов в художественных произведениях на японском и русском языках и их переводах с японского и на японский язык.

На передачу смысла цветового знака влияют три фактора, которые в лингвистическом понимании можно сравнить с восприятием контекста. Эти три фактора распространяются как на источник цвета, так и на адресата цветового сигнала:

- источник цвета может быть статичным и соотноситься только с положением в общей цветовой гамме или динамичным (нарастающим, затухающим) и привлекающим особое внимание;
- цвет может отражаться или поглощаться (глянцевая или матовая поверхность) и тем самым передавать дополнительную информацию, связанную с впечатлением от передаваемого сигнала;
- цветовой знак оказывает психологическое воздействие, в котором вполне можно выделить его прагматическое понимание и даже прагматическую направленность.

Наше отношение к цветовой системе мира сравнимо с деревом, у которого есть ствол из семи основных цветов с дополнением белого и черного и обширная крона из ветвей, отражающих семиотизацию цветов в прикладных значениях. Общее для всех культур физическое явление «радуга» является единым источником понятия основных цветов в разных культурах. Каждая языковая картина мира имеет свои собственные черты, но преимущественно эти черты имеют единое основание.

Радуга – это основа для развития цветообозначений в различных языках, где формируются цветовые переходы и оттенки. В. Г. Кульпина считает радугу «зоной цветовой неэксплицированности» [Кульпина, 2019, с.6]. Радуга понимается как целостное цветовое явление, а ее отдельные цветовые элементы дифференцируются каждой языковой культурой.

Из всех прикладных функций цвета одной из важнейших во все времена и во множестве ситуаций была его символика. Функционирование цветов как знаков может повторять систему и иерархию

отношений в обществе, что можно рассмотреть на примере запретных цветов в японской национальной культуре.

Комментируя беседу Авла Геллия, Умберто Эко заинтересовался вопросом, какая разница между красным цветом крови, красным цветом пурпура, красным цветом шафрана и красным цветом золота. И дает единственно возможный в лингвистике ответ, что для определения латынь (как и все живые языки) может прибегнуть только к прилагательным, образованным от названий предметов, с которыми ассоциируется этот цвет [Есо, 1985]. Многие цветовые ассоциации позднее были проиллюстрированы У.Эко в разделе «Символика цвета» в книге «История красоты» [Эко, 2007].

Один из выводов У.Эко: определение цвета является не психологической или эстетической проблемой, а культурологической, которая «фильтруется» через лингвистическую систему [Есо, 1985]. Мы понимаем это так, что невербальный опыт (зрительное восприятие и «визуальный опыт») трансформируется и фиксируется в языке.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Одной из форм функционирования знаковой цветовой системы является понятие запрещенных цветов 禁色 (*kinjiki*) в Японии. Сётоку – регент императрицы Суйко – создал систему чинов и званий, в которой использовал систему цветов и рангов. Каждому уровню в иерархии рангов исполнителей государственной службы соответствовал свой цвет как знак. Ранг делился на шесть уровней, а в каждом уровне было две степени – большая и малая, т.е. двенадцать рангов сотрудников госслужбы. Шести уровням были присвоены шесть цветов: фиолетовый, синий, красный, желтый, белый и черный. Степени во всех уровнях отличались оттенками цвета [早坂優子, 2014]. Эта система цветовых различий происходила из двух противоположных начал китайской философии Инь и Ян и главенства пяти элементов – металла, дерева, воды, огня и земли – 陰陽五行説. Но эта философия, пришедшая из Китая, основывалась еще на пяти основных цветах, символизирующих структуру окружающей действительности: *синий* 青 (дерево, восток; в китайской традиции воспринимается еще и зеленым), *желтый* 黄 (земля, центр), *красный* 赤 (огонь, юг), *белый* 白 (металл, запад) и *черный* 黒 (вода, север) [城一夫, 2017]. В Японии в китайскую цветовую символику был добавлен почитаемый японской культурой благородный чувственный фиолетовый цвет 紫 (*murasaki*).

Позже эта система цветов не один раз пересматривалась [早坂優子, 2014]. Внедрение этой

системы, при которой цвет короны и одежды указывал на статус и положение, повысило интерес людей к цвету и улучшило навыки мастеров, которые красили одежду. Вместе с тем у японцев совершенствовалось и чувство цвета [中江克己, 2007]. Главное для нашего исследования – это то, что изначально визуальная знаковая природа цвета, во-первых, обладает однозначным смыслом и несет социально значимую информацию, а во-вторых, имеет широкие возможности дублировать результаты вербально формулируемых понятий. Такая знаковая система может визуализировать законы и положения в укладах существовавшего строя. У нее есть еще третья важная функция – создавать систему японских традиционных цветов и совершенствовать чувство особого восприятия цвета у японцев.

Регент императрицы Суйко положил начало функционированию в японской национальной культуре строгой семиотической системы, которая стала основой социального устройства нации. Маркируя уровни социального устройства общества, эта система оказывает регулирующее воздействие на многие правила поведения в обществе.

Исследуя «цветовой символизм» (色彩シンボリズム), С. Идзуми насчитывает 12 рангов для высших персон и 48 рангов для исполнительных чинов с присвоенными им цветовыми кодами еще в 685 году [泉滋三郎, 1996].

Символизм цветов пронизывал социальное устройство в древней Японии и оказывал огромное влияние на развитие японских традиционных цветов и чувства цвета у японцев. В большей или меньшей мере такой символизм функционирует и любой другой национальной культуре. Здесь находит безусловное доказательство тезис Умберто Эко о том, что в современном обществе говорят не только о цветах, но и с помощью цветов (флаги, светофоры, дорожные знаки, эмблемы) [Есо, 1985].

Традиционное восприятие государственного флага Японии как восходящего солнца следовало бы дополнить пониманием святости и чистоты белого цвета. Красный цвет на флаге выражает человеколюбие и жизненную силу.

Для понимания значимости красного цвета необходим анализ иероглифа, обозначающего этот цвет. Это двухэлементная идеограмма 赤, включающая иероглифы 大 (*большой*) и 火 (*пламя*), что воспринимается как символ человека с распростертыми руками и горящего пламени. При описании красного цвета упоминается еще то, что он является «киноварным» или «южным цветом». Причина, по которой его называют цветом юга, исходит из китайской теории пяти элементов, о которой упомянуто выше. На юге тепло и солнечно,

поэтому сочетание иероглифов 大 (большой) и 火 (огонь) выражает значение юга. В иероглифических словарях толкование иероглифа 赤 (красный) разнятся. В словаре «漢字源 (Kanjigen)»¹ объясняется, что иероглиф 赤 (красный) представляет собой цвет большого горящего огня. А в словаре «新漢語林 (Shinkangorin)»² говорится, что он «представляет человека, купающегося в свете огня, так как 大 символизирует человека, а 火 выражает огонь – форма пламени». В словаре «字通 (Jitsū)»³ объясняется не только то, что 大 символизирует форму человека, но и то, что «добавление огня к нему означает метод очищения, чтобы изгнать зло зловещих оракулов». То есть иероглиф, обозначающий использование огня в качестве заклинания, интерпретируется как 赤 (красный). Существуют различные толкования иероглифа 赤, но все они сходятся на том, что огонь тесно связан с иероглифом 赤. Кацуми Накаэ в своей книге отмечает, что «красный цвет использовался также в качестве заклинания, чтобы отогнать зло», и добавляет, что «люди стали испытывать живые и таинственные чувства по отношению к красному. Это потому, что красный – цвет огня и солнца» [中江克己, 2021, с. 18].

Цвет солнца в мире интерпретируется по-разному. В Японии многие люди ассоциируют цвет солнца с красным, а красный цвет, в свою очередь, ассоциируется со страстью и энергией. Можно считать, что сам иероглиф 赤 выражает «возвышенные чувства», «заклинания» и «энергию», в зависимости от толкования его происхождения.

Сочетание красного и белого цветов имеет особый термин в японском языке – 紅白 (*kōhaku*). *Kōhaku* в культурологическом значении символизирует радость и поздравление. В результате опроса, проведенного одним из журналов, на тему: «Что напоминает красный цвет: исследование, проведенное в 100 странах мира» – оказалось, что красный цвет чаще всего ассоциируется у японцев с поздравлением, за ним следует сочетание красного и белого цветов⁴. Термин «*kōhaku*» используется для таких случаев, как обозначение красно-белых занавесов на торжествах, очень популярны красно-белые рисовые пирожные или красно-белые булочки,

которые дарят как знак приветствия. Такие образы красного и белого традиционны для Японии.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В России функционируют другие ассоциации, и красный цвет во многих случаях воспринимается иначе. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» начинается с интересного, но загадочного для японского читателя сюжета с Анной Павловной Шерер, в котором говорится о том, что «В записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех...»⁵ Перевод на японский язык вызывает вопросы у читателей, связанные с «красным лакеем»:

その朝、赤い仕着せを着た従僕が届けて歩いた案内状には、皆一様にフランス語で次のように認めてあった。 – Sono asa, akai shikise wo kita jūboku ga todokete aruita annaijō niwa, mina ichiyōni furansugo de tsuginoyōni shitatameteatta⁶.

Даже если японский читатель сможет предположить, что лакей был одет в красную униформу, хотя этот цвет явно не подходит для одежды человека, находящегося на социальном уровне слуги, остается вопрос, почему Л. Н. Толстой делает специальный акцент на внешнем виде этого мало заметного персонажа. Для русского читателя ответ может быть очевидным: только слуги императрицы Марии Федоровны были одеты в красную униформу, и Анна Павловна Шерер, пользуясь положением фрейлины Марии Федоровны и имея возможность распоряжаться слугами императрицы, придавала таким образом значимость вечеру, на который приглашала записками, врученными этим *символом* – «красным лакеем».

Двумя словами «красный лакей» в романе передан достаточно важный смысл, содержание которого невозможно передать лексическими или грамматическими средствами другого языка. Это культурологическое содержание текста, и достаточно интересный случай, когда использование в тексте указания на визуальный знак экономично передает широкую информацию о событии в сюжете романа.

В условиях другой языковой культуры такой прием не воспринимается с предполагавшейся автором очевидностью. От переводчика явно требуются глубокие культурологические знания и эксплицитный перевод на их основе. В данном случае проблему можно было бы решить на

¹ 藤堂明保、松本昭、竹田晃、加納喜光。漢字源 改訂第五版。 – 東京：学研教育出版, 2011 = Тодо Акиясу, Мацумото Акира, Такаэда Акира, Канноу Ёсимицу. Кандзигэн. 5-й вып., испр. Токио: Гаккэнкёйку, 2011.

² 鎌田正、米山寅太郎。新漢語林 第二版。 – 東京：大修館書店, 2011 = Камата Тадаси, Ёнэяма Торатаро. Синкангорин. 2-й вып. Токио: Тайсюкансётэн, 2011.

³ 白川静。字通。 – 東京：平凡社, 1996 = Сиракава Сидзука. Дзицу. Токио: Хэйбонся, 1996.

⁴ 「赤から想起するもの世界100カ国調査」レポート。博報堂 = Доклад «Что напоминает красный цвет: исследование, проведенное в 100 странах мира». Компания Хакуходо. URL: <https://kohkoku.jp/417/red/report/> (дата обращения 21.10.2024).

⁵ Толстой Л. Война и мир. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.

⁶ トルストイ。戦争と平和（上） / 北御門二郎訳。 – 東京：東海大学出版会, 2001 = Tolstoy L. Sensō to heiwa (jō) / Translation from Russian into Japanese by Kitamikado Jiro. Tokyo: Tōkaidaigakushuppankai, 2001.

лексическом уровне перевода не простым указанием на цвет униформы лакея, как этого достаточно в оригинале, а указанием сферы его деятельности («лакей императрицы» или «лакей императорского двора»).

Специфика письменности японского языка дает переводчику дополнительные возможности передачи смысла, но в переводе романа Л. Н. Толстого в эпизоде с цветом одежды лакея может быть использовано только традиционное иероглифическое написание красного цвета 赤い (*akai*). Но у японского читателя не возникают те ассоциации, которые ожидал автор у своих читателей. Обычный читатель, не анализирующий текст, как это делает переводчик, а просто следящий за развитием сюжета, подумает об одежде лакея не более, чем о странности одеваться в униформу не соответствующего социальному уровню цвета, и не поймет заложенно-го автором смысла.

В других ситуациях с необходимостью указания цветов в японском языке есть возможность подчеркнуть асимметрию восприятия культурологических особенностей. Если текст посвящен или адресован зарубежному читателю, то, безусловно, используются не иероглифы, а простое написание катаканой. Например, Toyota «Sensual Red Mica» будет написана トヨタ [センシュアルレッドマイカ]. Такой вариант написания без использования иероглифа 赤 вполне понятен, поскольку выходит за рамки своей национальной культуры и вызывает естественную реакцию на обмен информацией с представителями другой культуры.

Проблема использования знакового характера системы цветопередачи актуальна и для перевода японской литературы на другие языки, в частности, на русский язык. Роман Юкио Мисимы «禁色» (*Kinjiki*)¹ был издан в России дважды: в переводе через английский язык как язык посредник под названием «Запретные удовольствия»² и несколько позже – с японского языка на русский под названием «Запретные цвета»³. В переводе на английский язык роман Юкио Мисимы назван «Forbidden Colours»⁴.

Конечно, сложно утверждать, что взял за основу Юкио Мисима, определяя название своего романа. Но с уверенностью можно говорить о метафоричности этого названия и высоком философском подтексте как всего романа, так и его названия. Метафоричность названия и авторские философские

размышления – достаточные основания для эксплицитного перевода.

Японское название романа «禁色» («*Kinjiki*») действительно предполагает почти дословный перевод «Запретные цвета». Однако проблема здесь заключается в значении иероглифа 色 (*iro*), который в японском языке имеет собственное словарное значение. Слово 色 (*iro*) означает не только цвет, но и окраску, блеск, вкус, внешний вид, а также еще чувственные желания, сексуальность и любовную связь. Существуют различные мнения о происхождении иероглифа 色 (*iro*). Одно из них заключается в том, что он построен из двух элементов, обозначающих понятия человек и сидящий человек. Так оно передает чувственные желания между мужчиной и женщиной⁵. Японские читатели могут легко догадаться о сути метафоричности, принятой Юкио Мисимой и маскирующей суть нетрадиционных любовных отношений, на которых строится глубокий философский сюжет романа.

С другой стороны, в английском языке *colour* и в русском языке цвет не содержат таких смысловых нюансов. Поэтому иностранные читатели могут не понять, почему цвет имеет отношение к этому роману. В таком случае перевод «Запретные удовольствия», вероятно, является результатом попытки переводчика выразить смысл чувственных наслаждений или нетрадиционных отношений использованием слова удовольствия. Нет объяснения самого Юкио Мисимы, почему он назвал роман «禁色», но можно допустить, что, зная о запрещенных цветах, установленных регентом Сётоку, автор специально воспользовался этим понятием и метафорически вложил в него другой смысл. Когда переводчик передает название романа «禁色» как «Запретные цвета», он имеет для этого достаточные основания.

Возможно и еще одно предположение. В 1950-х годах, когда Юкио Мисима публиковал свой роман, нетрадиционные отношения мало обсуждались в японском обществе, он не мог не учитывать этого и посчитал целесообразным замаскировать свое произведение метафорой, но это могут понять только те, кто знает значение японского иероглифа и слова 色 (*iro*).

Возвращаясь к мысли Умберто Эко о том, что в современном обществе говорят с помощью цветов, можно заметить, как Юкио Мисима использует цвета в сочетании с особенностями синонимии в японском языке для передачи «оттенков смысла». В романе есть несколько фрагментов, когда он передает красный цвет разными иероглифическими выражениями:

⁵標準漢和辞典 第六版. 東京: 旺文社, 2011 = Стандартный иероглифический японский словарь. 6-й вып. Токио: Обунся, 2011.

¹三島由紀夫『禁色』 2007 年 株式会社新潮社 東京 = Мисима Юкио. Запретные цвета (*Kinjiki*). Токио: Синтёся, 2007.

²Мисима Юкио. Запретные удовольствия / пер. с англ. О. Д. Сидоровой. М.: Центрполиграф, 2005.

³Мисима Юкио. Запретные цвета / пер. с яп. А. Вялых. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023.

⁴Mishima Yukio. *Forbidden Colours* / Translated from the Japanese by Alfred H. Marks. Penguin Books, 1968.

– 寒そうな小さい紅い口が可憐である。Samusōna chiisai akai kuchi ga karen dearu (Мисима, 2007, с. 267).
– У нее был холодный **красный** миленький ротик (Мисима, 2023, с. 275).

– おや、あなた大そう目が赤いね。泣いたのかい。Oya, anata taisō me ga akai ne. Naitanokai (Мисима, 2007, с. 405). – Боже, какие **красные** глаза у тебя! Ты что, плакал? (Мисима, 2023, с. 418)

– 朱く塗られた鉄橋の鉄骨の傍らを通ったのである。Akaku nurareta tekkyō no tekkotsu no katawara wo tōtta no dearu (Мисима, 2007, с. 382). – Они проехали выкрашенный **суриком** железный мост (Мисима, 2023, с. 395).

В японской литературе, кроме выражений с иероглифом 赤, используется много выражений, означающих красный цвет с разными смысловыми оттенками: レッド (red), 紅色 (beni-iro), 朱色 (shu-iro), 韓紅 (karakurenai), 真紅/深紅 (shinku), 緋色 (hi-iro), 茜色 (akane-iro), 臙脂色 (enji-iro) и т. д.

Прилагательное 朱い (akai) несет в себе смысл желтовато-красного цвета. Этот цвет первоначально был цветом киновари¹. Мы считаем, что именно по этой причине цвет 朱い (akai) переводится в романе как «сурик». Таким образом, с помощью разных иероглифов Юкио Мисима передает тонкие оттенки цвета в разных фрагментах сюжета.

При описании эмоционального состояния человека через оттенок его лица в японском языке обычно используется слово 赤らめる (краснеть), перевод которого на другие языки не проблематичен. Юкио Мисима использует другие возможные варианты:

– 恥辱のために顔を赤らめる始末であった。² (Chijoku no tame ni kao wo akarameru shimatsu deatta. Мисима, 2007, с. 260). – Старик **зарделся** от смущения (Мисима, 2023, с. 268).

– 頬を赤らめた³. Hō wo akarameta (Мисима, 2007, с. 43). – Юноша **покраснел** (Мисима, 2023, с. 42).

При чтении текста романа интересно понять, почему Юкио Мисима использует иероглиф 赧 (tan), чтобы подчеркнуть эффект покраснения лица.

В словаре «漢字源» («Kanji gen») иероглиф 赧 объясняется следующим образом: «краснеть;

¹桜井輝子. 色の名前と言葉の辞典888. – 東京：東京書籍, 2022 = Сакурай Тэруко. Словарь названий и слов цветов 888 (Iro no namae to kotoba no jiten 888). Токио: Токиосёсэки, 2022.

²Использован иероглиф 赤, как это чаще всего бывает в художественной литературе.

³В этом случае использован иероглиф 赧, что необычно для большинства японцев и может вызвать проблему для выбора эквивалента при переводе на другие языки.

становится красным, как жареным огнем; в широком смысле: покраснение лица от стыда» (あからめる。火であぶったようにあかくなる。広く、恥じて顔を赤くする)⁴.

Можно предположить, что используя необычное написание, Юкио Мисима стремился подчеркнуть неординарность ситуации и особую реакцию своих персонажей в конкретных обстоятельствах данной ситуации.

В словарях указывается всего несколько слов с использованием иероглифа 赧: 赧愧 (tanki), 赧然 (tanzen), 赧顔 (tangan), 赧赧 (tantan) – и все они передают эффект покраснения только в связи со смущением или чувством стыда.

Понимание этого авторского выразительного приема оправдывается тем, что общепринятое слово (с иероглифом 赤) 赤らめる (akarameru) используется в обычных ситуациях и имеет высокочастотное употребление; оно и не может так выделять ситуацию, как хотел ее выделить Юкио Мисима – подчеркнуть не только физическое покраснение, а морально-этическое. Выражение あかくなる (akakunaru) «становиться красным» можно использовать, когда что-нибудь физически краснеет; например, когда глаза становятся красными, можно использовать иероглиф 赤, а иероглиф 赧 несет в себе смысл не только покраснения, но и морально-этического смятения.

В романе много других сюжетов, где красный цвет несет определенный смысл. В подобных случаях в японской литературе используются различные выражения, такие как 赤 (aka), 紅 (beni / kurenai), 緋色 (hi-iro), 臙脂 (enji), 真紅 (shinku), 茜色 (akane-iro), 朱色 (shu-iro) и т. д. – всё это большое разнообразие названий цветов, даже для одного и того же типа цвета используется Юкио Мисимой, как мы считаем, чтобы добавить определенные нюансы в сюжет романа:

「赤や黄や水いろの提灯」 (aka ya ki ya mizuiro no chōchin. Мисима, 2007, с. 454). – ...**красные**, желтые и цвета морской волны фонарики (Мисима, 2023, с. 468).

「緋いろの絨毯」 (hiro no jūtan. Мисима, 2007, с. 114). – ...по устланной **красным** ковром лестнице... (Мисима, 2023, с. 116)

「臙脂のネクタイ」 (enji no nekutai. Мисима, 2007, с. 129). – ...**карминный** галстук (Мисима, 2023, с. 132).

⁴藤堂明保、松本昭、竹田晃、加納喜光. 漢字源 改訂第五版. – 東京：学研教育出版, 2011 = Тодо Акиясу, Мацумото Акира, Такэда Акира, Канноу Ёси-мицу. Кандзигэн. 5-й вып., испр. Токио: Издательство Гаккэнкёйку, 2011.

「真紅のジャンパア」(shinku no janpā. Мисима, 2007, с. 136). – ...в **ярко-красном** джемпере (Мисима, 2023, с. 140).

「茜色に染まっていた」(akaneiro ni somatteita. Мисима, 2007, с. 179) – ...заливало лучами **закатного солнца** (Мисима, 2023, с. 182).

「鮮明な朱いろの横切るのを感じて」(senmeina shuiro no yokogiru nowo kanjite. Мисима, 2007, с. 382). – ...нечто **красное** пересекло темную линию горизонта (Мисима, 2023, с. 395).

В оригинале романа «Запретные цвета» Мисима использует разные названия красных цветов в разных ситуациях, чтобы читатели могли через нюансы оттенков почувствовать тонкие впечатления, которые они производят, и ярче представить себе сцены, которые разворачиваются в романе. А в переводе на русский язык 赤, 緋色, 朱色 передаются просто как красный, и различия в оттенках никак не выражены. Возможно, переводчик специально упустил их при переводе, считая их второстепенными, но мы думаем, что это всё же приводит к асимметрии между представлением японских читателей о конкретной ситуации и восприятием читателями перевода, и скрадывает те

важные сцены и нюансы, которые автор хотел тонко подчеркнуть. А в итоге выявилась одна из самых сложных проблем перевода этого романа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привычная во всех национальных культурах знаковая система цветов имеет значительные расхождения при использовании для передачи смысла. Названия цветов могут отличаться в разных языковых картинах при совпадении передаваемых этими знаками смыслов. При кажущейся простоте подбора лингвистического соответствия проблема межъязыкового перевода цветообозначений остается достаточно сложной и требует от переводчика глубоких культурологических знаний. Актуальность этой проблемы значительно усиливается при переводе между языками с различной письменностью. Иероглиф, в отличие от буквы алфавита, содержит в себе свой смысл. При обозначении цвета он может нести дополнительную информацию, например, об отношении человека к подразумеваемому иероглифом исходному денотату. При переводе литературного произведения переводчик должен видеть и глубоко проникать во все особенности авторских знаковых интерпретаций смысла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кulpина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. Отв. ред. В.А. Татаринов. Москва: МАКС Пресс, 2019.
2. Eco U. How Culture Conditions the Colours We See // On signs. Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 1985. P. 157 – 183.
3. Эко У. История красоты. М.: Слово, 2007.
4. 早坂優子. 和の色のものがたり 歴史を彩る390色. 東京: 視覚デザイン研究所, 2014. = Хаясака Юко. История японских цветов. 390 цветов, которые раскрашивают историю (Wa no iro no monogatari. Rekishi wo irodoru 390 shoku). Токио: Сикакудэзайн кэнкюдзё, 2014. (На яп.яз.)
5. 城一夫. 日本の色のルーツを探して. – 東京: パイインターナショナル, 2017. = Джо Кадзуо. В поисках корней японских цветов (Nihon no iro no ru:tu wo sagashite). Токио: Пай Интернешнл, 2017. (На яп.яз.)
6. 中江克己. 歴史にみる「日本の色」. – 東京: PHP研究所, 2007. = Накаэ Кацуми. «Японские цвета» в истории (Rekishi ni miru «Nihon no iro»). Токио: PHP кэнкюдзё, 2007. (На яп.яз.)
7. 泉滋三郎. 「衣服令」の色彩シンボリズム // 基礎科学論集: 教養課程紀要 14, 神奈川歯科大学, 1996. – P.38-47. = Идзуми Сигэсабуро. Цветовой символизм «Эбукурё» (Системы рангов по цветам корон и одежды) // Вестник гуманитарных искусств и наук. №14. Стоматологический университет Канагавы. 1996. (На яп.яз.)
8. 中江克己. 日本人が追い求めてきた美の世界 色の名前の日本史. – 東京: 青春出版社, 2021. = Накаэ Кацуми. Мир красоты, изысканный японцами. Японская история названий цветов (Nihonjin ga oimotometekita bi no sekai. Iro no namae no nihonshi). Токио: Издательство Сэйсюн, 2021. (На яп.яз.)

REFERENCES

1. Kulpina, V.G. Lingvisticheskay Cvetologia: ot Istorii k Sovremennosti Cvetovych Konceptosfer = Linguistic Colorlogia: from History to Modern Conceptual Colour Spheres. Moscow: MAKs Press, 2019. (In Russ.)

2. Eco, U. (1985). How Culture Conditions the Colours We See. In On signs (pp. 157–183). Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press.
3. Eko, U. (2007). Istoriya krasoty. = History of Beauty. Moscow: Slovo. (In Russ.)
4. 早坂優子. 和の色のものがたり 歴史を彩る390色. 視覚デザイン研究所, 2014 = Hayasaka Yuko (2014). Japanese Colour History. 390 colours that colour history. Shikaku Design Kenkyujo. (In Japanese)
5. 城一夫. 日本の色のルーツを探して. パイインターナショナル, 2017 = Jo Kazuo (2017). In search of the roots of Japanese colours. PIE International. (In Japanese)
6. 中江克己. 歴史にみる「日本の色」. PHP研究所, 2007. = Nakae Katsumi (2007). «Japanese Colours» in history. PHP Institute. (In Japanese)
7. 泉滋三郎. 「衣服令」の色彩シンボリズム // 基礎科学論集: 教養課程紀要 14, 神奈川歯科大学, 1996. P. 38-47. = Izumi Shigesaburo (1996). Color Symbolism on Dress Regulations in Yaroritsuryo. Bulletin of liberal arts and science, 14, 38–47. (In Japanese)
8. 中江克己. 日本人が追い求めてきた美の世界 色の名前の日本史. 青春出版社, 2021. = Nakae Katsumi (2021). A world of beauty sought by the Japanese. Japanese history of colour names. Seishun Publishing. (In Japanese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сакураи Май (櫻井 麻生)

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sakurai Mai (櫻井 麻生)

PhD student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

Интерактивность исторической перцепции и художественной объективации в драматургии Фридриха Шиллера

А. П. Бондарев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru*

Аннотация. Этапы эволюции шиллеровского театра от «Разбойников» (1781) к «Марии Стюарт» (1800) отражали углубляющееся понимание драматургом диалектического единства противоположностей между субъективными намерениями и объективными результатами. Штюрмерское благородство Карла Моора опорочилось преступным грабежом богемских разбойников Шпигельберга. Искреннее стремление английской королевы следовать гуманистическим представлениям о справедливости и сохранить жизнь Марии Стюарт было дезавуировано необходимостью сохранения государственной целостности, вынудившей Елизавету I утвердить принятый парламентом смертный приговор шотландской королеве.

Ключевые слова: калокагатия, априоризм, вещь в себе, конфликт, противоречие, диалектика

Для цитирования: Бондарев А. П. Интерактивность исторической перцепции и художественной объективации в драматургии Фридриха Шиллера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 114–121.

Original article

Interactivity of Historical Perception and Artistic Objectivation in the Dramaturgy of Friedrich Schiller

Alexandre P. Bondarev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru*

Abstract. The stages of evolution of Schiller's theatre from The "Robbers" (1781) to "Mary Stuart" (1800) reflected the playwright's deepening understanding of the dialectical unity of opposites between subjective intentions and objective results. The striker's nobility of Karl Moor was disgraced by the criminal robbery of the Bohemian robbers of Spiegelberg. The English queen's sincere desire to be guided by humanistic ideas about justice and to save the life of Mary Stuart was disavowed by the need to preserve the integrity of the state, which forced Elizabeth I to approve the death sentence passed by Parliament on the Scottish queen.

Keywords: kalokagathia, apriorism, thing-in-itself, conflict, contradiction, dialectics

For citation: Bondarev, A. P. (2025). Interactivity of Historical Perception and Artistic Objectivation in the Dramaturgy of Friedrich Schiller. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования заключается в установлении интерактивной обусловленности этапов эволюции исторического сознания Фридриха Шиллера с этапами эволюции немецкой исторической драмы рубежа XVIII–XIX веков от идеальной субъективности героев к реальной объективности событий.

Задача работы состоит в том, чтобы эксплицировать креативный механизм претворения постигаемой Шиллером исторической закономерности в динамику его драматургических сюжетов.

Жанр исторической драмы позднего Просвещения и раннего романтизма формировался в поисках ответа на вопрос о смысле и назначении Французской революции. Стремление современников постичь логику непрерывной политической радикализации Конвентов – жирондистского, якобинского и термидорианского – приводило к выводу, что цели, преследуемые деятелями революции, неуклонно отвергались силой более дальновидной и могущественной, чем та, что посягала на разрушение старого миропорядка во имя утверждения нового царства «свободы, равенства и братства».

Незадолго до «штурма Бастилии» – символа пенитенциарной системы абсолютизма – шевалье Луи де Жокур в статье «Мятеж» (*Sédition*), опубликованной в 15-м томе (1765) Энциклопедии – «Толковом словаре наук, искусств и ремесел», призывал представителей государственной власти поддерживать баланс между естественным правом (*ius naturale*) и естественным законом (*lex naturalis*). Риторика де Жокура свидетельствовала о непоколебимой вере философов Просвещения в разъясняющую, убеждающую и воспитывающую силу слова.

Согласно прекраснотным представлениям де Жокура монаршьи правители, учитывая и собственные интересы, примут к сведению авторитетные рекомендации ученых-энциклопедистов. Ради предотвращения мятежей, – взывает к их вниманию де Жокур, – «следует восстановить принципы управления, соблюдать справедливость по отношению к народу, избегать голода с помощью облегчения торговли, а безработицы – с помощью учреждения мануфактур, преследовать роскошь, помочь агрикультуре предоставлением кредитов, не допускать произвола властей, придерживаться законов и уменьшать подати» [Жокур Луи де, 1978, с. 278].

Публицистический дискурс де Жокура выдержан в духе шиллеровской калокагии – обращения к выпестованному гуманизмом Просвещения концепту прекрасного человека. Между тем упрямое дионисийское «углубление» революции игнорировало целенаправленную апелляцию к аполлоническому разуму: «Есть нечто сатанинское

во французской революции, отличающее ее от того, что было, и от того, что, быть может, еще только грядет», – откликнулся на гильотинную вакханалию Конвентов религиозный мыслитель Жозеф де Местр [Maistre J. de, 1864, с. 55].

Фридрих Шеллинг объяснял причину рокового своеволия исторических процессов вторжением объективно-деструктивных стихий в субъективно-креативные проекты: «Если наша рефлексия обратится только на бессознательное, или объективное, во всяком действовании, то мы должны будем признать, что все свободные действия, следовательно, и история, детерминированы, но не сознательной, а совершенно слепой предопределенностью, которая находит свое выражение в темном понятии судьбы» [Шеллинг, 1987, с. 463].

Опыт Французской революции феноменологизировал противоречие между креативным намерением слова и деструктивным результатом дела. Гетевский Фауст, подыскивая переводческий эквивалент ветхозаветному постулату «В начале было слово» (*«Im Anfang war der Sinn»* – разум, смысл), отверг идеалистическое прочтение библейского оригинала и отдал предпочтение материалистическому «делу»: «В начале было дело» (*«Im Anfang war die Tat»*).

Практическое дело воздействовало на события продуктивнее теоретизирующего слова. Претворяясь в поступки, реформаторский энтузиазм восторженных героев Фридриха Шиллера обнаруживал себя втянутым в объективную историческую реальность, диалектика которой существенно корректировала, а иногда и опровергала планы по ее усовершенствованию. Социально-экономические последствия благонамеренных начинаний опознавались разумом лишь *a posteriori*. Аллегорическое стихотворение Шиллера «Саисское изваяние под покровом» (1795) – прозвучало исповедью отчаяния, охватившего пытливую юношу, который под иллюзорным покровом Майи обнаружил изваяние древнеегипетской богини Изиды, персонифицировавшей роковую победу прогресса над природой – «человека творящего» (*homo faber*) над «человеком естественным» (*homo naturalis*):

О, горе тем, – твердил он неизменно
В ответ на все расспросы, – горе тем,
Кто к истине идет путем вины!
Она не даст отрады человеку.

Пер. Е. Эткинда

Юноша понял, что претензии знания подчинить себе природу обрекают человечество на самоуничтожение. В стихотворении «Боги Греции» Шиллер объяснил причину распада блаженного

тождества человека и жизни научно-технической секуляризацией древнегреческой мифологии:

Лишь закону тяжести послушна,
Обезбожена земля.

Пер. М. Лозинского

«ПОКОНЧИТЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ»

Достоверность художественной иллюзии воспринималась Шиллером как подтверждение возможности единства материального и идеального. Цель «Писем об эстетическом воспитании человека» (1795) состояла в том, чтобы, по аналогии с художественным символом, отождествляющим единичное и всеобщее, взрастить в индивидууме гражданина. «Стремление к самостоятельной видимости, – подытоживает Шиллер изложение своей эстетической доктрины, – требует большей способности к отвлечению, большей свободы сердца, большей энергии воли, чем необходимо человеку для того, чтобы ограничиться реальностью, и человек должен покончить с реальностью для того, чтобы достичь видимости» [Шиллер, 1935, с. 286].

На креативный потенциал преодолевающей реальность «самостоятельной видимости» возлагал Шиллер задачу претворения иллюзорного искусства в идеальное общество.

Поэтика исторических драм Шиллера формируется в сюжетобразующем взаимодействии авторской преднамеренности, прославляющей борьбу «бунтующих гениев» за утверждение «отвлеченного от реальности» эстетического принципа, с дезавуирующей его непреднамеренностью «вещи в себе», проявляющейся в автономной активности исторического события.

Исповедуемый Шиллером бескомпромиссный идеал «категорического императива» подвиг героя его драмы «Разбойники» (1781) Карла Моора на театральный жест – сорвать с одряхлевшего феодального государства «покров» охраняющих его преступных законов. Прекрасной «видимости» утопии предстояло покончить с уродливой реальностью монархии: «Поставьте меня во главе войска таких же молодцов, как я, и Германия станет республикой, перед которой и Рим, и Спарта покажутся женскими монастырями».

На стремление возглавить таких же, как он, пламенных борцов за справедливость Карла вдохновлял формообразующий кантовский принцип: «...Представляемый объект с качествами, приписываемыми ему чувственным созерцанием, нигде не встречается, да и не может встретиться, так как

именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления» [Кант, 1994, с. 63].

Поскольку Шиллер относился к объективной реальности как вещи в себе, тираноборческий порыв его героя не учитывал внешних условий, необходимых для успешного осуществления бунтарского замысла. Однако по мере утверждения отвлеченной справедливости средствами разбоя бесформенный материал вещи в себе начинал, неожиданно для Карла, преобразовываться в преступный. Отряд богемских разбойников, предводительствуемый Шпигельбергом, правой рукой Карла, разграбил монастырь святой Цецилии и изнасиловал монахинь. И самому Карлу, чтобы в прямом смысле «снять» с виселицы своего друга Роллера, пришлось предать огню целый город, в пожаре которого погибли 83 человека. Поиск причины трансформации высокого идеала в низкую действительность привел Карла к выводу, что его праведные цели опорочивались греховными средствами. По словам юноши, сдернувшего покров с изваяния в Саисе, не дано «вкусить отрады человеку, идущему к истине путем вины». Понимание этой трагической диалектики преобразовало «возмущенное сознание» Карла в «несчастное»: «Умилосердись, умилосердись над мальчишкой, вздумавшим предупредить твой суд! – взывает униженный реальностью благодетель к Провидению, прозревающему, в отличие от него, узор теряющегося в исторической перспективе линейного орнамента субъектно-объектных отношений. – Тебе отмщение, и Ты воздашь!».

Апофатическая смена эмоциональных состояний Карла порождается априоризмом его мышления. Персоналист готов скорее покончить с собой, чем примириться с автономией попирающего его свободу «бесформенного материала». Приставив к виску дуло пистолета, он спохватывается, усмотрев в своем малодушии признание способности к ответу «уничтоженной» им реальности: «Так, значит, умереть от страха перед мучительной жизнью? Дать себя победить несчастьем? Нет! Я все стерплю. (Швыряет пистолет в сторону.) Муки отступят перед моей гордыней! Пройду весь путь».

Латентная логика объективной реальности поставила Карла на грань самоубийства, и лишь усилием воли он смог сохранить верность поколебленной обстоятельствами «самостоятельной видимости».

РОКОВАЯ ИНТРИГА

Признание сюжетобразующего потенциала самостоятельной реальности, все более решительно противопоставлявшей себя интенции самостоятельной видимости, побудило Шиллера перенаправить

избирательный интерес жанра мещанской трагедии «Коварство и любовь» (1784) с *априорной логики* эмоциональных порывов «бурных гениев» на *апостериорную логику* придворного «коварства», превратившего способность Фердинанда фон Вальтера к «отвлечению» в преступление против Луизы Миллер.

Мещанская трагедия маркирует новый этап эволюции исторического сознания Шиллера в сторону постижения им *смысла* обстоятельств, разрушающих любовную восторженность Фердинанда. Для обозначения критерия, отделяющего субъективное восприятие от объективного, автор устанавливает когнитивную дистанцию между героями и зрителями: детальное ознакомление последних с задуманной и приводимой в действие интригой делает для них очевидным непонимание сыном Президента цели навязываемых ему обстоятельств, которые он ложно истолковывает как предательство Луизой освятившей их любви. Разрушение интриганами священного союза Фердинанда и Луизы убеждает зрителей, что феодальные отношения выступают той реальной силой, которая попирает желаемую изолироваться от нее идеальную любовь, заблудившуюся в лабиринте придворных инсинуаций. Поучительно для зрителей Шиллер представляет внешний фон любовной драмы Фердинанда не как «темную слепую предопределенность судьбы» (Шеллинг), а как динамику целенаправленных усилий участников драматического события.

Президент, движимый стремлением упрочить свое положение царедворца, навязывает влюбленному в Луизу сыну женитьбу на леди Мильфорд – бывшей фаворитке взбалмошного герцога.

Вурм, уродливый обликом и душой, но дьявольски проницательный секретарь Президента, автор и режиссер интриги, включает в ее сюжет и свое намерение вынудить Луизу Миллер выйти за него замуж.

Леди Мильфорд, борющаяся за восстановление своего человеческого достоинства, видит в брачном союзе с Фердинандом открывающуюся перед ней перспективу начать новую жизнь, основанную не на приспособлении к враждебным обстоятельствам, но на любви и взаимном уважении.

Музыкант Миллер, отец Луизы, взбунтовавшийся против своего несправедливого положения, отваживается на смертельно опасный для него конфликт с Президентом ради спасения жизни горячо любимой дочери.

Крепнущее историческое сознание Шиллера противопоставляет Фердинанду героев, более адекватно реагирующих на провоцирующие их события. Драматург вовлекает персонажей в страстные диалоги, призванные прояснить причину изматывающего их

душевного надрыва. Обмен пылкими аргументами не только представляет в ином свете когнитивную структуру тиранствующего над ними конфликта, но меняет и их представления о самих себе. Так, Фердинанд, не теряющий здравомыслия в сферах, не затрагивающих его любовь к Луизе, проникается исповедальной искренностью леди Мильфорд и пафосно отрекается от своего предвзятого к ней отношения: «То, что я вам сейчас скажу, смягчит мою вину, – это будет жаркая мольба о прощении... Я в вас ошибся, миледи. Я ожидал... я надеялся, что вы окажетесь достойны моего презрения».

Леди Мильфорд пытается навязать Луизе должность своей камеристки с намерением унижить ее в глазах Фердинанда. Однако неожиданно зрелый ответ шестнадцатилетней девушки разрушает не только планы миледи, но и систему ее представлений о моральной незыблемости сословной иерархии: «Почему вы думаете, что я настолько глупа, что буду стыдиться своего происхождения?» Надсословная человечность Луизы вынуждает бывшую фаворитку отказаться от своего высокомерного отношения к низкородной дочери музыканта.

Вурм строит интригу, эксплуатируя власть, которую в «фаустовской душе» (Шпенглер) обрело желаемое над действительным, или, по терминологии Гете, – «воление» над «свершением». Провоцируя в своих жертвах беспочвенное «воление», интриган использует и беспомощность Президента, исчерпавшего патриархальные способы воздействия на сына, и ревнивую страстность майора, обостренную желанием расшатать устои сословного общества, и развитое моральное чувство Луизы. «Она любит своего отца, можно сказать, до страсти... – ободряет Вурм растерянного Президента. – И вот этого отца ожидает казнь, в лучшем случае – тюрьма, девушку мучает совесть, что это из-за нее, с другой стороны – она понимает, что с майором ей придется проститься, голова у нее в конце концов пойдет кругом...».

В сцене свидания в доме Миллера Фердинанд, полагая, что бросает вызов темной судьбе, возносит идеализированный образ Луизы до небес: «Чувство сыновнего долга надо мною уже не властно. <...> Ты, Луиза, я и наша любовь! Не заключено ли в этом круге все небо!»

Более глубоко укорененная в жизни женская душа Луизы пытается умерить икаров полет Фердинанда напоминанием об ограничивающих его порывистость обязанностях перед действительностью: «А разве у тебя нет иного долга, кроме твоей любви?» Однако «покончившее с реальностью» сознание Фердинанда демонстрирует невосприимчивость к ее доводам: «Твой покой – вот самый священный долг».

Уязвимость желаемого перед действительным обнаруживает не только дочерняя сентиментальность Луизы, но и ставшая болезненно ранимой романтическая «видимость» Фердинанда. Его рефлексии развенчивают категорический императив Канта: априорное эстетическое чувство втягивает майора в ламентацию на тему «подлого предательства» возлюбленной без учета реального положения вещей, по-прежнему остающегося для него пустой вещью в себе.

В ангельской душе Луизы, какой она видится Шиллеру, рождается недоверие к зрелости чувств майора, не выдержавших испытания беспочвенной ревностью: «Фердинанд! Более несчастного существа, чем ты, нет ни на небе, ни на земле. Я умираю безвинная, Фердинанд!»

ОТ МЕЩАНСКОЙ ТРАГЕДИИ К ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ

«Отвлеченный» гуманизм, которым Шиллер обогатил сознания Карла Моора и Фердинанда, принял более зрелую попытку отстоять себя в драматической поэме «Дон Карлос, инфант Испанский» (1787). В ней Шиллер расширил философско-антропологический контекст «проблемы человека» до масштабов испанской империи XVI века.

В принципиальной идеологической дуэли с Филиппом II, сыном и наследником Карла V, императора Священной Римской империи, мальтийский рыцарь маркиз де Поза, рупор авторских идей, принципиальную для эволюционирующего исторического сознания Шиллера концепцию гуманизма, обосновывающую себя в полемике с сословным, государственным и конфессиональным консерватизмом. Согласно пониманию Шиллером истории как эволюционного процесса, вселенское торжество гуманизма лишит социальной почвы подлых интриганов, подобных Францу Моору или Вурму.

Маркиз де Поза решительно отличается от Карла Моора. Он уже не штурмер и не замороженный любовью интроверт, а «политический философ», вооруженный продуманной и аргументированной системой взглядов, предусматривающих преобразование испанской державы во всемирную просвещенную монархию, а, может быть, и в эгалитарные децентрализованные сообщества в духе анархических идей Просвещения. Хотя цель борьбы с деспотизмом осталась прежней, средства ее достижения претерпели существенные изменения: бунтарский революционный порыв снизу уступил место проекту государственных реформ сверху.

В ходе непродолжительной аудиенции маркиз смог доказать самому могущественному монарху эпохи, что представлявшаяся Филиппу II

беспредельной властью империи над поработенными ею народами – ничто в сравнении со вселенской истиной гуманизма. Потрясенный величием развернутой перед ним перспективы, король приглашает маркиза к сотрудничеству и предлагает любую из придворных должностей: «Чем могу я / Вас привязать к себе?» На что де Поза неожиданно для сословной модели сознания короля отвечает: «О, я хотел бы / Самим собой остаться».

Не привычно угодливая, но непривычно независимая воля маркиза заворожала императора, дав ему понять (шиллеровский Филипп II по-человечески очень умен), что в мире родилась и оформилась в новую геополитическую реальность «идея человечества». Эпизод перевоспитания короля, вызвавший возражения современников как исторически малодостоверный, – яркая иллюстрация сохраняющейся веры Шиллера в просветительскую силу слова.

Впрочем, для современного читателя остается безответным вопрос: чем инспирирован высокомерный отказ маркиза от перспективы плодотворного сотрудничества с властью? Неверием в постоянство реформаторского энтузиазма короля? Страхом перед неизбежным сопротивлением чиновничьего аппарата? Сомнением в собственных силах? Предвидением принципиальной неосуществимости волюнтаристских реформ столь грандиозного масштаба?

Имплицитно затрагивая эти вопросы, драматическая поэма фиксирует этап эволюции шиллеровского героя и стоящего за ним автора от субъективного идеализма Фихте к объективному идеализму Шеллинга.

Если историей движет субъективный порыв, отказ маркиза принять приглашение короля к сотрудничеству обоснован его пониманием отсутствия экономической, социальной и политической базы для эксперимента, который не мог удалиться ни Карлу Моору, ни Фердинанду.

Если же история направляется объективным идеализмом, неуклонное самосовершенствование политического и государственного строя входит в планы мирового духа и жизненное назначение реформаторской инициативы маркиза сводится к разъяснению смысла тех эволюционных процессов, которые латентно протекают в недрах повседневной жизни. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» Шиллер излагает своего рода *историческую энтелехию* Аристотеля: «Для разума, не знающего границ, направление есть уже свершение, и путь уже пройден, раз на него вступили» [Шиллер, 1935. с. 223].

Согласно представлениям желающего «остаться самим собой» маркиза, спонтанный личностный рост освобождает от пороков, навязываемых

условиями как революционной борьбы, так и социальной адаптации. Условность придворного этикета рассеивается как ночной морок в солнечном свете бескорыстной юношеской дружбы Дона Карлоса и маркиза де Поза. Ясность их душ служит, согласно Шиллеру, подтверждением возможности жертвенного самоотречения во имя будущего, отвергающего подчинение безличной государственной власти.

Мировоззренческий ракурс маркиза открывает ему, что в глубине души императора таится любящий отец, обеспокоенный будущим слабого, неспособного управлять огромной империей наследника. Со своей стороны, маркиз, в отличие от короля, видит в Карлосе нераскрытый юношеский потенциал, который позволит ему, как легитимному наследнику престола, претворить в жизнь взлелеянные ими обоими принципы эгалитаризма. И Карлос, обретший в моральной поддержке друга недостающие ему силы, патетически объявляет о своем намерении преобразовать мир:

Мой страх пропал – плечо к плечу с тобой
Я брошу вызов моему столетию.

Пер. В. Левика

Однако враждебная реформам реальность выходит на сцену в зловещем обличье патера Доминго. В разговоре с герцогом Альбой идеолог испанской инквизиции пронизательно усматривает в безрелигиозном гуманизме Карлоса смертельную опасность для католицизма:

Карлос мыслит!
Он предался неслыханным химерам,
Он человека чтит! Скажите, герцог,
Годится он в испанские монархи?

Эта реплика иезуита прозвучала манифестом конфликтующей с абсолютизмом инквизиции, безраздельно господствующей над христианским миром и светскими государствами, занятыми пустыми обсуждениями ничтожных для реальной политики вопросов легитимности престолонаследия.

Направляя сентиментальный энтузиазм впечатлительного короля Филиппа в русло политической целесообразности, патер Доминго провозглашает абсолютную власть обеспечивающей мировой порядок инквизиции. Внявший аргументам теперь уже не политической свободы, а религиозной необходимости, король отдает патеру своего сына на заклание, как жертву, которую государству надлежит принести католическому глобализму: «Мы едины в мыслях».

Податливость короля, подчинившаяся обоснованной патером религиозной необходимости,

укрепила власть папизма над испанской империей и всем христианским миром.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В трагедии «Мария Стюарт» (1800) поэтизация Шиллером бунтарской революционности Карла Моора, эстетической «видимости» Фердинанда фон Вальтера и реформаторского прожектерства маркиза де Поза сменяется *интересом* к эмпирическому содержанию вещи в себе – историческому процессу – соперничеству английской королевы Елизаветы I с шотландской королевой Марией Стюарт. Горняя фихтеанская субъективность уступила в этой трагедии место дольней шеллингианской объективности – исторической необходимости.

Шиллер разрабатывает очередной новаторский для него сюжет в согласии с призывом Дени Дидро освободиться от классицистической традиции изображения героя, выбирающего между моральным долгом и личной склонностью, и обращаться к выявлению событийной каузальности, управляющей поступками действующих лиц. Драматург помещает королеву Елизавету в эпицентр борющихся идеологем, результат бифуркации которых позволяет ей осознать *справедливость* как соблюдение интересов государства:

Но разве справедливость я блюла
По доброй воле? Лишь необходимость,
Всевластная, которой подъяремны
И короли, ее блюсти велела.

Пер. Н. Вильмонт

Трагическая коллизия разрешалась не субъективным «волением» властной героини, а объективным «свершением» неизбежного.

За шотландской королевой Марией Стюарт стоял испанский католический мир, за английской королевой Елизаветой – набиравший экономический и политический авторитет европейский протестантизм. Чаша исторических весов, реагируя на непрерывные колебания политической конъюнктуры, в любую минуту могла качнуться в поддержку Марии Стюарт. Исходу соперничающих королевских амбиций суждено было определить католическое, либо протестантское будущее Англии.

Интерес к открытой развязке развивающегося на глазах зрителей противостояния побуждает Шиллера эксплицировать социально-психологические и политические мотивы борьбы представителей придворных партий и группировок.

Джордж Толбот, граф Шрусбери, убежденный государственный деятель, проявляет мудрую предусмотрительность, призывая Елизавету повременить с исполнением вынесенного парламентом смертного

приговора шотландской королеве, сторонников которой немало в самой Англии. Одним из них выступает влюбленный в Марию молодой Мортимер, готовый организовать мятеж для вызволения из заточения боготворимой им женщины. По мнению Толбота, казнь Марии Стюарт будет воспринята английскими католиками как посягательство на их веру и спровоцирует гражданскую войну. Толбот предостерегает Елизавету от опасности перерастания межличностного конфликта в межгосударственный:

Не живой, а мертвой
Марии, обезглавленной страшись!
Она из гроба, грозная, восстанет
И ненасытной богиней распрей,
Взывая к мщенью, обойдет страну.

Политические распри провоцируют социально-психологические конфликты между вовлеченными в них участниками. Барон Берли, государственный секретарь, огласивший Марии Стюарт смертный приговор парламента, столкнулся с ее отказом признать его законность и настойчиво призывает Елизавету утвердить казнь шотландской королевы:

Здесь милосердью женскому не место.
Народа благо – наивысший долг!
Пусть Шрусбери от смерти спас тебя,
Я Англию спасаю – это больше!

Мудрый Берли отдает себе отчет в декларативной «независимости» представляемой им судебной власти, законодательно подчиненной королевской воле, и поэтому искренне сочувствует Елизавете, на плечи которой история возложила ответственность за исход тяжелейшего конфликта, разобщающего конфессии, государства и народы.

Эмьяс Полет, замок которого служит местом заключения Марии Стюарт, изображается Шиллером как вставший на сторону «добра» гуманист. Он апеллирует не к парламенту, не к суду и не к королевской власти, а к идеалу «благотворного правосудия». Верный своему рыцарскому званию, он с негодованием отвергает негласно навязываемую ему роль отравителя:

Убийцу не пушу я на порог,
Пока ее хранят мои пенаты!
<...>
Вы – судьи! Так вершите правый суд!

Компромиссную роль Шиллер отводит представителю старой феодальной знати, графу Лейстеру, призывающему Елизавету, возвышающуюся над законодательной, судебной и исполнительной властями, проявить великодушие, приличествующее главе просвещенной монархии:

Закон английский осудил Марию,
А не монаршая воля. Сострадать
Поверженным во прах вполне достойно
Возвышенной душе Елизаветы;
Смягчать законы – право королей.

Историческому сознанию Шиллера, вступившему в пространство объективного идеализма, предстояло дифференцировать разрывающую душу Елизаветы конфликт между уязвленным женским самолюбием (по мнению окружающих, она уступала Марии красотой), родственными чувствами к двоюродной сестре, человеческим состраданием, совестью, монаршей честолюбивой гордыней и сверхличной необходимостью защищать отвоеванную у католического Рима независимость англиканской церкви. Когда Елизавета, приняв государственное решение, подписывает Марии смертный приговор, ее сознание, освободившись на мгновение от самой тягостной заботы, обнажает перед ней бесчеловечность сделанного выбора. Авторская ремарка возлагает изображение реакции Елизаветы на ее жесты и мимику: «Быстрым, твердым росчерком подписывает бумагу, потом роняет перо и с выражением ужаса на лице отступает».

Шиллер вынес в заглавие трагедии имя не Елизаветы, а Марии Стюарт, чтобы эксплицировать *объективную причину*, по логике которой жестокость исторических событий выбирает своих жертв. Решение о казни шотландской королевы приняла не Елизавета, а осознанная ею политическая необходимость, не только не разрешившая, но обострившая философско-антропологическую проблему человека, которую постреволюционная эпоха XVIII–XIX веков воздвигла перед историческим сознанием Фридриха Шиллера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настороживший Ж. де Местра «сатанизм» Французской революции распространил свою мизантропию и на постреволюционное будущее. Результат анализа этапов эволюции когнитивного сознания Шиллера спонтанно оформляется в парадоксальный силлогизм: труд осознания диалектики субъектно-объектных отношений эмансипирует его героев от субъективной «видимости», чтобы тем неотвратимее подчинить объективной необходимости.

Пройдет время и литературно-эстетическое направление модернизма подвергнет радикальной критике поощряемый исторической необходимостью «прогресс» с позиции эстетического гуманизма Шиллера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жокур Л. де. Мятёж // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Ленинград: Наука, 1978. С. 277–278.
2. Maistre J. de. Considérations sur la France // Maistre J. de. Œuvres complètes: in 8 vols. Lion, 1864. Vol. 1.
3. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.
4. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Письмо двадцать седьмое // Статьи по эстетике. Москва–Ленинград: ACADEMIA, 1935. С. 200–293.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

REFERENCES

1. Zhokur, Lui de. (1978). Myatezh = Rebellion. In Istoriya v Entsiklopedii Didro i d'Alambера (pp. 277–278). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Maistre, J. de. (1864). Considérations sur la France. In Maistre, J. de, Œuvres complètes (vol. 1): in 8 vols. Lion.
3. Shelling, F. (1987). Sistema transtsendental'nogo idealizma = The System of Transcendental Idealism. In Sochineniya (vol. 1, pp. 227–489) : in 2 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Shiller, F. (1935). Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka. Pis'mo dvadtsat' sed'moye. Stat'i po estetike = Letters on the aesthetic education of man. Letter twenty-seventh. In Articles on aesthetics (pp. 200–293). Moscow – Leningrad: Academia. (In Russ.)
5. Kant, I. (1994). Kritika chistogo razuma = Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

«Драгоценный» Болота Ширибазарова: буддийская репрезентация романа воспитания

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках исследования «буддийского текста» современной русской литературы анализируются буддийские образы и мотивы в романе Б. Б. Ширибазарова «Драгоценный». Эта книга рассматривается, в свою очередь, в качестве романа воспитания (Bildungsroman), репрезентированного писателем с точки зрения буддийского мировосприятия и в контексте традиционного жанра буддийской агиографии – намтара (rNam-thar). Ключевые мотивы романа – возвращение, метисность, драгоценность – понимаются Болотом Ширибазаровым не только в антропологическом, семейно-родовом, но и в метафизическом смысле. Так, в частности, понятие «драгоценность» в книге определяется возвращением героев к существованию вне иллюзорных ограничений и без нравственных омрачений, к жизни на пути любви и сострадания.

Ключевые слова: Болот Ширибазаров, Ринпоче, буддийский текст, буддизм, роман воспитания, намтар

Для цитирования: Дубаков Л. В. «Драгоценный» Болота Ширибазарова: буддийская репрезентация романа воспитания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 122–127.

Original article

“The Precious” by Bolot Shiribazarov: Buddhist Representation of the Bildungsroman

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. In the article Buddhist images and motifs in the novel by Bolot Shiribazarov “Precious” are analyzed. This book is also considered as a novel of education (Bildungsroman), represented by the writer from the perspective of the Buddhist worldview and in the context of the traditional genre of Buddhist hagiography – namtar (rNam-thar). It is established that the key motifs of the novel – return, mestizage, preciousness – are understood by Bolot Shiribazarov not only in the anthropological, family-clan, but also in the metaphysical sense. Thus, in particular, the concept of “preciousness” in the book is defined by the return of the heroes to an existence beyond illusory limitations and without moral obscurations, to life on the path of love and compassion.

Keywords: Bolot Shiribazarov, Rinpoche, Buddhist text, Buddhism, Bildungsroman, namtar

For citation: Dubakov, L. V. (2025). “The Precious” by Bolot Shiribazarov: Buddhist representation of the Bildungsroman. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 122–127. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Буддийский текст» русской литературы генетически восходит к концепции «петербургского текста», разработанной В. Н. Топоровым [Топоров, 1995]. Существование этого «религиозного текста» насчитывает более двухсот лет, а его исследованием в последние годы занимались, в частности, Р. Ф. Бекметов, Т. В. Бернюкевич, Г. А. Сорокина, М. С. Уланов [Бекметов, 2018; Бернюкевич, 2018; Сорокина, 2017; Уланов, 2009]. «Буддийский текст» русской литературы представляет собой значимое явление в отечественной словесности. Среди тех, чье творчество можно к нему отнести, – В. О. Пелевин, А. Л. Иванченко, Л. А. Юзefович, А. А. Макушинский, Е. А. Шварц и др. Но не менее важным оказывается рассмотрение и другого, порой тесно сросшегося с ним явления – «буддийского текста» литературы народов России.

Среди современных писателей, не только представляющих свои национальные регионы, но и вышедших на всероссийский литературный простор, и в творчестве которых присутствует буддизм, можно назвать, например, К. Н. Балкова, Б. С. Дугарова, Р. М. Ханинову, Б. Б. Ширибазарова и др.

Болот Баярович Ширибазаров (род. в 1977 г.) – российский, бурятский писатель. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт, мастерскую писателя Н. В. Коляды. Его литературный дебют – пьеса «Прощай, Маньчжурия» (2007). Он является лауреатом Международного конкурса драматургов «Евразия» и финалистом Международного конкурса драматургов «Новая драма». Роман писателя «Драгоценный» в 2023 году вошел в лонг-лист общероссийской литературной премии «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева. Впервые он был опубликован в журнале «Дружба народов». Сам автор на сегодняшний день считает его главным своим трудом, неслучайно замысел этой книги не оставляет его уже долгое время. Так, в 2017 году Ширибазаров в журнале «Байкал» напечатал повесть «Метис», а сейчас работает над романом «Другой». Первый текст фактически содержит протосюжет «Драгоценного», второй является его развитием.

Широкий интерес российского литературоведения к «буддийскому тексту» отечественной литературы (речь идет не только о вышеуказанных монографиях, но и об отдельных статьях) определяет актуальность данной статьи.

Целью представленной работы является анализ романа «Драгоценный» как части «буддийского текста» бурятской и шире – русской литературы. Реализация этой цели определяется достижением следующих задач: исследование буддийских идей,

образов и мотивов названной книги, а также особенностей репрезентации в ней жанра романа воспитания.

Новизна статьи обусловлена почти полным отсутствием литературоведческих работ, посвященных системному рассмотрению «Драгоценного» как буддийского по своей сути и форме произведения.

МЕТИСНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ

Одна из главных тем романа «Драгоценный» – тема рода и семьи [Бадужева, 2024]. Герой книги Алексей Ширапов – метис, его отец – бурят, мать – русская, и эта двукровность и двукультурность оказывается его внутренней проблемой. Он не может однозначно идентифицировать себя, испытывая «чувство как бы подвешенности», и потому придумывает себе обиды или болезненно реагирует на чужую грубость или глупость, оказываясь что в русском, что бурятском окружении. Однако, став взрослым и приехав в родной поселок, Алексей, наоборот, открывает свою метисность как преимущество.

Но метис в «Драгоценном» не только Алексей. Так, например, метисом оказывается Нариман, наполовину бурят, наполовину азербайджанец, у Андрюхи отец русский, а мама – бурятка, отец дяди Далаа украинец, а мама из Бурятии. Как сказал русский друг Алексея Жора: «Где ты в Чите чистого русского видел? Мы тут все гураны, мешанные-перемешанные». В переносном смысле метисами являются также и некоторые другие персонажи. Например, русские Антон и Артур, приехавшие в Бурятию, чтобы приблизиться к буддизму. В интервью газете «МК в Бурятии» Болот Ширибазаров сказал следующее: «То, что нелепо для русского парня, жизненно важно для парня-бурята и наоборот. Поэтому главный герой – метис... – Страна у нас одна – Россия. И за прошедшие столетия появилось нечто, связавшее нас невидимыми нитями»¹. Наконец, метисом Баярма, возлюбленная Алексея, называет Майтрею, будду будущего: «Некоторые ламы говорят, что он будет метисом. Поэтому он сидит на стуле, а не в позе лотоса, как остальные Будды».

Это нечто, о котором говорит писатель, – общая большая культура, общая история и общие или схожие религиозные быт и бытие. По мысли философа Эрэнджена Хара Давана, «в своем бытовом исповедничестве <...> русское православие ближе к восточным религиям, чем к западному католицизму и другим христианским исповеданиям»

¹Родионова Р. Роман писателя из Бурятии претендует на победу в престижной литературной премии // МК в Бурятии. 26 сентября 2023. URL: <https://ulan.mk.ru/culture/2023/09/26/roman-pisatelya-iz-buryatii-pretenduet-na-pobedu-v-prestizhnoy-literaturnoy-premii.html> (дата обращения: 12.08.2025).

[Хара-Даван, 2002, с. 242], «На востоке религия в быте и быт в религии – в этом ее манящая сила» [там же]. Финальная часть «Драгоценного», в которой дядя Алексея рассказывает ему историю происхождения его рода, хотя и кажется герою сказкой, тем не менее убедительно вписана в трагическую российскую историю первой половины XX века. Русская прабабушка Алексея изменила свой характер и свою судьбу под влиянием буддийского монаха Ойдопа багши. Таким образом, понятие метисности в романе включает в себя не только смешение национальных кровей, но и культурно-религиозное соединение, выход за пределы привычного, возможность прорыва к новой реальности.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ДРАГОЦЕННЫЙ» И ДВА ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Определение «Драгоценный», или «Римпоче», означает в буддизме того, кто способен перерождаться и помнить свои прошлые жизни, а также того, кто ощущает инспирацию со стороны высших существ. Драгоценным, ламой-«перерожденцем» в романе оказывается сводный брат Алексея Ойдоп, в котором Гьялцен Римпоче и Нима ламбагай узнали своего переродившегося учителя Ойдопа багшу, с которым расстались в 30-е годы. Но Болот Ширибазаров расширяет понимание этого определения и до мирского значения: «Ты драгоценный метис», – говорит Алексею Баярма. В слове «драгоценный» здесь слышится нежность влюбленной женщины, но кроме того, Баярма воспринимает то, что Алексей – метис, в качестве возможности для него и для себя, а в ответ на проявления его гордости или слабости говорит: «станешь только русским или только бурятом, я от тебя уйду!». Драгоценный – тот, кто мил, и тот, кто по-особенному дорог, нужен. Некоторые из послушников, прошедших ретрит, сразу или спустя время возвращаются к себе домой. Антон, уезжая, объясняет Алексею, что он нужен маме и сестре, что в этой жизни он надеется защитить хотя бы их. Нариман тоже возвращается домой по настоянию отца, ведь как азербайджанец спорить с отцом он не может. Сложная ситуация складывается и с Ойдопом Шираповым: до последнего Алексей не понимает, как ему поступить – вмешаться и не отпускать сводного брата в Индию для долгой учебы, чтобы ребенок остался с матерью, а Саян – с другом, или подняться над родственными чувствами и семейными противоречиями ради народного блага.

Алексей выбирает второе, потому что осознает значимость возвращения великого учителя. Но, возможно, также потому, что в нем самом есть нечто, что резонирует с подобной драгоценностью,

избранностью. Когда он начинается молиться, в ущелье Ойдопа багши оживает родник, он без опаски подходит к свирепому быку Мишке, наконец, в тяжелых условиях он оказывается способен за сорок дней выполнить Бум-Ши, практику ста тысяч простираний. Этот резонанс возникает из-за того, что сам Алексей, судя по рассказу дяди Далая, «перерожденец» – в том смысле, что есть связь между ним и его прабабушкой, а значит, и между ним и Ойдопом. Семейные связи актуализированы в романе не только через кровное родство, но через родство кармическое, духовное. Также особый статус имеют в романе и некоторые другие персонажи. Например, Андрюха, по словам Бальжинима-ахая, «излучение Джамцарана, бога войны». А Нима ламбагай, ученик Ойдопа багши, будучи на войне, всегда возвращался из разведки целым и невредимым. Кроме того, Алексей – одаренный сновидец. В своих снах он общается с призраками, голодными духами, то в несколько искаженном, то в очень точном виде прочувствует живых существ – людей и животных, грядущие события. Сон – основной модус восприятия Алексеем реальности и перемен, с ним происходящих. При этом парадоксальным образом то, что он называет сном, оказывается более подлинной реальностью, чем его прежняя жизнь.

РОМАН ВОСПИТАНИЯ ПО-БУДДИЙСКИ

Прежде чем Алексей почувствовал, осознал себя частью рода и семьи, прежде чем нашел «свою родину, свое место в жизни» [Бадуева, 2022а, с. 33], принял свою национальность, он вошел в буддизм и начал воспитывать самого себя. В этой связи роман «Драгоценный» можно рассмотреть сквозь призму жанра романа воспитания. Согласно определению М. М. Бахтина, этот жанр – «разновидность романа становления, изображающего не статичного героя, а развивающегося» [Тухтаева, Джалилова, 2019, с. 705]. Для Bildungsroman «характерно изображение мира и жизни как опыта» [Бахтин, 1979, с. 201]. М. Хирш выделяет следующие черты этого жанра: «автобиографичность, персонаж-ребенок, чаще всего, ребенок-сирота, лишенный не только родителей, но и родного крова; обучение (научное и морально-этическое) <...>; испытания и скитания; получение знаний, необходимых для процесса развития <...> душевный конфликт; финансовая независимость <...> оттачивание навыков и опыта работы; любовь...» [цит. по: Сержант, 2023, с. 145].

Алексею Ширапову уже за тридцать лет, но маме и самому себе он кажется неповзрослевшим. У него нет стабильной работы, нет жены и детей, нет сильного увлечения, нет призвания. Он нередко

вспоминает школьные годы – их конфликты, ошибки, свою неуверенность. Герой романа живет без отца, поскольку мама от того ушла. Алексей не видит в этом проблемы, хотя, оказавшись в родном поселке, понимает, что для окружающих он именно сын своего отца, и смерть отца – это одна из значимых потерь его жизни. У Алексея нет своего дома, так как мама, видя конфликт между сыном и зятем, мужем дочери, выбирает зятя, и ее сын отправляется искать съемную квартиру. Его скитания прерываются лишь неожиданным возвращением в Могойтуй, поселок его детства. Он дважды оказывается рядом со смертью, пережив приступ аппендицита и искушение самоубийством. Он взрослеет, преодолевая гордость, обиды, ревность, страхи, соприкасаясь, сталкиваясь со своими близкими и дальними родственниками. Он проходит обучение при буддийском храме [Бадueva, 2022б]: встреча с багшой, с другими послушниками, приехавшими, чтобы пройти ретрит, постепенное проникновение в буддийскую практику и метафизику – основное содержание его учебы.

М. Хирш предлагает такую классификацию жанровых подвидов романа воспитания: «роман формирования личности <...>, роман о юности <...>, роман образования <...>, роман ученичества <...>, роман взросления <...>, роман инициации <...>, роман о жизни...» [Hirsh, 1979]. Роман «Драгоценный» в этом отношении содержит в себе приметы каждого из названных поджанров, и каждый из них оказывается освещен светом религиозного, буддийского воспитания. Что бы ни происходило со становящимся героем, его жизненная цель обнимается и объясняется логикой буддийского пути. В этом отношении идея А. В. Исакова, что в романе Болота Ширибазарова «заметны отголоски традиционной буддийской литературы – например, таких жанров, как джатака – притча и намтар – жизнеописание»¹, также представляется вполне обоснованной. Намтар (rNam-thar) – жанр буддийской агиографии, название которого переводится с тибетского языка как «полное освобождение». Основная его задача – рассказать верующим о том, как происходили духовные трансформации практикующего, рассказать читателям о его внешней и внутренней биографии [Willis, 1985]. Элементы намтара в «Драгоценном» прежде всего связаны с фигурой Ширапа Санаева (но отчасти и других персонажей).

Буддийский путь формирования, развития Алексея Ширапова не единственный в книге: в прологе излагается история религиозного воспитания Ширапа Санаева, преодолевшего под влиянием

Содой-ламы свою алчность и гордость и смерть своего тела, погрузившись в глубокую медитацию (возможный его прототип – Пандито Хамбо-лама XII Даши-Доржо Итигэлов, оставивший после себя нетленное тело), а в финале «Драгоценного» описывается и обосновывается будущее воспитание Ойдопа Ширапова в Индии.

РОМАН ВОСПИТАНИЯ КАК РОМАН ВОЗВРАЩЕНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА

Можно также сказать, что роман воспитания в «Драгоценном» предстает как роман возвращения. Каждый из героев романа Болота Ширибазарова раз за разом переживает возвращение – в новое рождение, к своим близким, на свою родину. Ширап Санаев предсказывает, что после трагического времени запрета буддизма будет происходить возвращение лам на родину, и оно сбывается: сам нетленный лама возвращается к людям в виде нетленного тела, а Ойдоп багша возвращается в теле и сознании Ойдопа Ширапова, – Антон и Нариман едут к себе домой, к своей родине, Алексей Ширапов вначале возвращается в поселок детства Могойтуй, затем вновь едет в Читу – город своей юности. А за пределами романа остается его возвращение обратно к бурятским родственникам. По словам писателя: «В конце главный герой уезжает из Аги. Но понятно, что он вернется»². Наконец, главное возвращение, о котором говорит книга, – это возвращение в Чистую землю, благодатную страну, созданную буддой [Торчинов, 2000]. О ней рассказывает еще один «драгоценный» герой романа – Саян. Причем признанный драгоценным Ойдоп Ширапов считает таковым не себя, а его, Саяна, прибывшего из страны богов и знающего, где находится Чистая земля. Возвращение в Чистую землю в книге Болота Ширибазарова – это не только отсылка к буддийской метафизике, но и метафора возвращения человека к счастью, к состоянию без омрачений – без невежества, гнева и алчности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, книга Болота Ширибазарова «Драгоценный» представляет собой буддийскую репрезентацию романа воспитания. С формальной точки зрения, в отличие от других примеров художественной прозы с буддийскими идеями и мотивами [Цветкова, Белянская, 2023], это в значительной степени традиционная реализация жанра Bildungsroman

¹Исаков А. В. Новейшая бурятская литература в 10 книгах // Народы России: культура и литература. 21.06.2022. URL: https://dzen.ru/a/YrGZ30KFizRiVo2M#chto_takoe_byryatskaya_literatyr (дата обращения: 12.08.2025).

²Галданова С. Болот Ширибазаров: Роман «Драгоценный» изначально был о том, каково это, быть и русским, и бурятом // Буряад Үнэн: информационное агентство. 07.09.2023. URL: <https://burunen.ru/news/culture/101133-bolot-shiribazarov-roman-dragotsennyy-iznachalno-byt-otom-kakovo-eto-byt-i-russkim-i-buryatom/> (дата обращения: 12.08.2025).

(исключая фигуру наставника: наставником в книге является не столько багша, но товарищи Алексея, Баярма и даже отчасти юный Саян). Однако при этом все составляющие биографии формирующегося главного героя пропущены в нем сквозь буддийское мировосприятие. Более того, в «Драгоценном» можно увидеть элементы буддийского агиографического жанра – намтара, и, таким образом, в тексте соединяется европейская светская романная традиция с отличительными особенностями произведения, в котором акцент ставится на буддийском, духовном преображении героя.

Также роман воспитания у Болота Ширибазарова оборачивается романом возвращения, но это возвращение понимается писателем не только в семейно-родовом смысле, но и в смысле метафизическом. Ключевые мотивы книги – метисность и драгоценность – тоже истолковываются автором в двух смыслах – антропологическом и семейном и вместе с тем – в религиозном: каждый человек драгоценен по-своему – тогда, когда он возвращается к состоянию без ограничений и омрачений и оказывается способен помогать на этом пути другим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.
2. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018.
3. Бернюкевич Т. В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018.
4. Сорокина Г. А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. 2-е изд., доп. М.: Экон-Информ, 2017.
5. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2009.
6. Бадуева Г. Ц. Тема семьи в романе Б. Ширибазарова «Другой» // Современные проблемы исследования национальной классики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию со дня рождения Людмилы Реасовны Кулаковской, Якутск, 6–7 декабря 2023 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2024. С. 176–179.
7. Хара-Даван Э. Русь Монгольская. М.: Аграф, 2002.
8. Бадуева Г. Ц. Образ родины в современной русскоязычной литературе Бурятии // Педагогический имидж. 2022а. Т. 16. № 1 (54). С. 28–38.
9. Тухтаева Ф. И., Джалилова З. Б. Черты и жанровые особенности романа воспитания // Мировая наука. 2019. № 5 (26). С. 705–708.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
11. Сержант Н. Л. Динамика жанровой дефиниции романа воспитания // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. 2023. № 3. С. 144–147.
12. Бадуева Г. Ц. Образ ламы в бурятской литературе XX–XXI века // Наследие Ринчена Номтоева – выдающегося ученого, литератора, просветителя. Сборник научных статей международной научной конференции / науч. ред. Б. В. Базаров, отв. ред. Д. В. Дашибалова. Улан-Удэ, 2022б. С. 215–225.
13. Hirsh M. The Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions in Studies in the Novel // Genre. 1979. Vol. 7. № 3. P. 293–312.
14. Willis J. D. On the Nature of rNam-thar: Early dGe-lugs-pa Siddha Biographies // Soundings in Tibetan Civilization (Kathmandu) / B. A. Aziz, M. Kapstein (eds.). New Delhi: Manohar, 1985. P. 304–319.
15. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
16. Цветкова М. В., Белянская О. В. Трансформация романа воспитания под влиянием идей дзэн буддизма в романах Керуака «В дороге» и «Бродяги Дхармы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 65–74.

REFERENCES

1. Toporov, V. N. (1995). Peterburg i "Peterburgskij tekst russkoj literatury" = Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature". In Toporov, V. N., Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo (pp. 259–367): Selected. Moscow: Progress-Kul'tura. (In Russ.)

2. Bekmetov, R. F. (2018). Russkaya literatura i buddijsko-daosskij Vostok (problemy dialoga) = Russian Literature and the Buddhist-Taoist East (Problems of Dialogue). Kazan: Shkola. (In Russ.)
3. Bernyukevich, T. V. (2018). Buddizm v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka: idei i reminiscencii = Buddhism in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century: Ideas and Reminiscences. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
4. Sorokina, G. A. (2017). Idei buddizma v literature russkogo zarubezh'ya = Ideas of Buddhism in the literature of Russian abroad. 2nd ed., additional. Moscow: Ekon-Inform. (In Russ.)
5. Ulanov, M. S. (2009). Buddizm v sociokul'turnom prostranstve Rossii = Buddhism in the sociocultural space of Russia. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta. (In Russ.)
6. Badueva, G. Ts. (2024). Tema sem'i v romane B. Shiribazarova «Drugoj» = The theme of family in B. Shiribazarov's novel «The Other». Sovremennye problemy issledovaniya nacional'noj klassiki (pp. 176–179): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of the birth of Lyudmila Reasovna Kulakovskaya. Yakutsk: North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. (In Russ.)
7. Khara-Davan, E. (2002). Rus' Mongol'skaya = Mongolian Rus'. Moscow: Agraf. (In Russ.)
8. Badueva, G. Ts. (2022a). Obraz rodiny v sovremennoj russkoyazychnoj literature Buryatii = The image of the motherland in modern Russian-language literature of Buryatia. Pedagogicheskii obraz, 16–1(54), 28–38. (In Russ.)
9. Tukhtaeva, F. I., Dzhalilova, Z. B. (2019). Cherty i zhanrovye osobennosti romana vospitaniya = Features and genre characteristics of the educational novel. Mirovaya nauka, 5(26), 705–708. (In Russ.)
10. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal creativity. M. M. Bakhtin; Comp. S. G. Bocharov; Text prepared by G. S. Bernstein and L. V. Deryugina; Notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
11. Sergeant, N. L. (2023). Dinamika zhanrovoj definicii romana vospitaniya = Dynamics of the genre definition of the educational novel. Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Series 1, 3, 144–147. (In Russ.)
12. Badueva, G. Ts. (2022b). Obraz lamy v buryatskoj literature XX–XXI veka = The Image of the Lama in Buryat Literature of the 20th–21st Centuries. In Bazarov, B. V., Dashibalova, D. V. (Eds.), Nasledie Rinchena Nomtoeva – vydayushchegosya uchenogo, literatora, prosvetitel'ya (pp. 215–225): Proceedings of the International Scientific Conference. Ulan-Ude. (In Russ.)
13. Hirsh, M. (1979). The Novel of Formation as Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions in Studies in the Novel. Genre, 7(3), 293–312.
14. Willis, J. D. (1985). On the Nature of rNam-thar: Early dGe-lugs-pa Siddha Biographies. In Aziz, B. A., Kapstein, M. (Eds.), Soundings in Tibetan Civilization (Kathmandu) (pp. 304–319). New Delhi: Manohar.
15. Torchinov, E. A. (2000). Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij = Introduction to Buddhology: Lecture Course. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russ.)
16. Tsvetkova, M. V., Belyanskaya, O. V. (2023). Transformaciya romana vospitaniya pod vliyaniem idej dzen buddizma v romanah Keruaka “V doroge” i “Brodyagi Dharmy” = Transformation of the Bildungsroman under the Influence of Zen Buddhist Ideas in Kerouac's Novels “On the Road” and “The Dharma Bums”. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 82(6), 65–74. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубаков Леонид Викторович

кандидат филологических наук

доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubakov Leonid Viktorovich

PhD in Philology

Associate Professor at the Faculty of Philology of Shenzhen MSU-BIT University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.06.2025
15.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 94(47).084.8

Творческие достижения советской архитектуры в годы Великой Отечественной войны

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – в изучении творческих достижений советских архитекторов в годы Великой Отечественной войны, методологическая основа – комплекс общенаучных и специальных исторических методов: проблемно-исторический анализ с учетом социальных условий того времени, ретроспективный метод, оценивающий события в их историческом развитии. Результаты исследования – советские архитекторы внесли бесценный вклад в военно-оборонное строительство, строительство многочисленных эвакуированных и новых промышленных предприятий на Востоке в годы Великой Отечественной войны, в восстановление разрушенных войной городов.

Ключевые слова: архитектура, градостроительство, ансамбль, Великая Отечественная война, проектирование, восстановление, Алабян, оборона

Для цитирования: Горлов В. Н. Творческие достижения советской архитектуры в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 128–135.

Original article

Creative Achievements of Soviet Architecture During the Great Patriotic War

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The purpose of the publication is to study the creative achievements of Soviet architects during the Great Patriotic War. The methodological basis of the research is a complex of general scientific and special historical methods. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time. The retrospective method, which evaluates events in their historical development, played an important role. The results of the study show that Soviet architects made an invaluable contribution to military defense construction, the construction of numerous evacuated and new industrial enterprises in the East during the Great Patriotic War, and the restoration of cities destroyed by war.

Keywords: architecture, urban development, ensemble, Great Patriotic War, design, restoration, Alabyan, defense

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Creative achievements of Soviet architecture during the Great Patriotic War. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 8(902), 128–135. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана с необходимостью понимания, как советские архитекторы преодолевали трудности и самоотверженно трудились в грозные годы войны, добиваясь творческих достижений. Решение современных архитектурных задач требует от исследователей анализа исторического опыта, в том числе деятельности советских архитекторов в переломные периоды отечественной истории.

Задачи исследования – рассмотреть участие советских архитекторов в военно-оборонном строительстве, строительстве многочисленных эвакуированных и новых промышленных предприятий на Востоке, осветить вклад архитекторов в восстановление разрушенных войной городов, проанализировать деятельность видных советских архитекторов в области планировки городов, вопросы организации архитектурного дела в годы Великой Отечественной войны.

Новизна и практическая ценность работы. В работе выдвигаются новые принципиальные вопросы, исследованные с позиции гуманизма архитектуры. В статье показана созидательная роль архитектуры в развитии советского общества. В деле восстановления городов, разрушенных во время войны, роль архитектуры была особой. Советские архитекторы в этой ситуации несли как бы двойную нагрузку: активно включились в многогранную проектную работу по восстановлению городов, одновременно думая и о будущем наших городов. В научный оборот постепенно включаются произведения архитекторов, выполненных в годы Великой Отечественной войны, что требует всестороннего анализа их деятельности.

Автор выделяет труды А. Н. Колесника, А. Н. Комаровского, Л. Б. Карлика, М. И. Астафьеву-Длугач, А. М. Журавлева, Ю. П. Волчка, Н. Н. Третьякова, И. И. Белова, В. В. Курбатова, М. Г. Бархина и др. В этих трудах показано, как приобретенный за годы войны уникальный архитектурный опыт, сформировавшаяся под решение грандиозных задач система организации архитектурного дела, перестройка системы проектирования стали надежной базой стремительного восстановления и реконструкции разрушенных войной советских городов. В своих трудах авторы обращают внимание на то, как обстановка на фронтах порой ставила перед архитекторами казавшиеся невыполнимыми задачи. Не только ставила, но и требовала их неукоснительного решения в кратчайшие сроки. Несмотря на охват проблематики, эта статья не закрывает и не исчерпывает тему творческих достижений советских архитекторов в годы Великой Отечественной войны. Есть еще целый ряд

малоизученных разделов (важнейшие совещания по вопросам восстановительного строительства, творческие дискуссии, процесс принятия проектных решений), которые должны побудить историков к дальнейшему поиску и углубленному изучению этого интереснейшего периода в истории архитектуры.

АРХИТЕКТОРЫ В ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

Великая Отечественная война прервала мирный, созидательный труд советских людей. Буквально с первых дней войны перед советскими архитекторами встала актуальная задача непосредственной помощи фронту. Обращение правления Союза советских архитекторов СССР (ССА СССР) к республиканским, краевым, областным и городским отделениям, принятое 27 июня 1941 года, стало основным программным документом перестройки деятельности архитекторов в соответствии с требованиями военного времени¹.

Архитекторы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, в частности, в составе инженерных войск Красной Армии, занимались маскировкой многочисленных, в том числе и московских объектов, участвовали в проектировании и возведении самых разных сооружений в восточных районах страны.

19 октября 1941 года Государственный Комитет Оборона издаст Постановление. Союз архитекторов, Академия архитектуры, Управление проектирования, Управление планировки Моссовета и другие организации объединили свои усилия в деле обороны Москвы. Оперативная группа Центральной военно-оборонной комиссии СССР утвердила решение о создании в Москве Штаба руководства практическим осуществлением маскировочных работ в городе и области. Проектирование и исполнение маскировочных работ осуществлялось архитектурно-проектным бюро Московского отделения ССА СССР (*Большевик. 1941. № 22*). Центральная проектно-маскировочная мастерская разрабатывала инструкции по технологии маскировочных окрасок, специальные охроматические и хроматические шкалы для определения светлот и светоночности при рекогносцировке, выпускала различные пособия [Колесник, 1988].

Президиум Правления ССА СССР предложил всем республиканским, краевым, областным, городским организациям ССА немедленно коренным образом перестроить всю свою работу, подчинив ее всецело задачам обороны страны. Для выполнения этих важнейших задач местные отделения ССА связывались с местными штабами ПВО для

¹История советской архитектуры. 1917–1958 гг. / И. П. Былинкин и др. М.: Госстройиздат, 1962.

согласования с ними наиболее целесообразных условий форм практического участия архитекторов в осуществлении указанных работ. Правление ССА рекомендовало создать из соответствующих архитектурных кадров бригады для оказания помощи местным государственным органам в строительстве убежищ для населения, в работах по быстрому восстановлению разрушенных зданий, а также в строительстве за чертой города временных домов¹.

В первые месяцы войны работы по реконструкции столицы почти полностью прекратились. Многочисленные налеты вражеской авиации нанесли столице немалый ущерб: 1682 здания в Москве были разрушены полностью или частично, более 400 зданий повреждены. В результате налетов вражеской авиации на Москву пострадали Большой театр, Театр имени Вахтангова, МГУ, Манеж и некоторые другие общественные здания².

Однако остановка строительных работ в Москве не была длительной. В Москве расширяется производство кирпича, извести, гвоздей, стекла. Строительные тресты стали выполнять работы по ремонту зданий, пострадавших от вражеских бомбардировок. Строительство новых жилых домов и культурно-бытовых учреждений в Москве возобновилось. Несмотря на бомбардировки, сооружались новые многоэтажные жилые дома на Можайском шоссе, на улице Горького и Дорогомиловской улице, на Фрунзенской набережной³. Для нужд нового строительства в столице правительством было выделено свыше 300 млн руб⁴.

В феврале 1942 года в Союзе архитекторов состоялось совещание, на котором архитекторы предположили сразу же начать подготовку к послевоенному капитальному строительству. Решено было немедленно приступить к перспективному планированию городов, их застройке и реконструкции. Предвидя, что строительство после войны приобретет большие масштабы и будет вестись напряженными темпами, архитекторы высказались за то, чтобы заблаговременно приступить к изготовлению типовых проектов массового строительства, учитывая при этом опыт проектирования в первые месяцы войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Разработка предварительных проектов восстановления разрушенных городов в основном была сосредоточена

в Институте градостроительства и планировки населенных мест Академии архитектуры [Комаровский, 1972]. Архитекторы проявили инициативу в деле освоения таких местных строительных материалов, как гипсы, грунтоблоки, строительные материалы на основе шлаков. Общественная жизнь архитектуры развивалась в форме специальных совещаний по вопросам строительства военного времени, созывавшихся Союзом советских архитекторов в Москве и на местах⁵.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕЛА

Конец 1930 – начало 1940-х годов в советской архитектуре – эпоха мастеров. И в практике московского строительства новостройки обычно входили в профессиональное сознание накрепко связанными с именами зодчих, их создавших. Так, в столице хорошо были известны «дом Гинзбурга», «театр Алабяна», «шлюз Гольца», «дом Букова» – сооружения, активно вошедшие в образные представления о Москве и ставшие хрестоматийными. Но помимо большой проектной и строительной практики, которую вели такие мастера, как Каро Алабян, Андрей Буков, Моисей Гинзбург, Георгий Гольц, каждый из них обладал еще ярко выраженным амплуа и в этом качестве считался непререкаемым авторитетом.

Экстремальность ситуации военного времени позволяла раскрыть и всё ценное, что накопила советская архитектура за четверть века. Творческий потенциал архитектуры в этот период был особенно сконцентрирован на, может быть, главной и потому наиболее ответственной миссии архитектуры – видеть и проектировать будущее. Именно архитектурное проектирование, наиболее полно выражая развитие культуры и мировоззрения, способно и наиболее емко характеризовать свое время.

В этот период коренным образом перестроилась система проектирования. Если в довоенные годы проекты разрабатывались, как правило, в Москве, Ленинграде, где были сосредоточены проектные институты, то в годы войны проектирование было перенесено непосредственно на стройки, куда направлялись работники проектных институтов. Это позволило разрабатывать чертежи по ходу строительства, широко используя местные материалы и оборудование. Делалось всё возможное, чтобы сократить сроки строительства, трудоемкость работ, экономить дефицитные материалы – металл, цемент, стекло, кровлю [Колесник, 1988].

¹Из истории советской архитектуры. 1941–1945. Хроника военных лет. Архитектурная печать: Док. и материалы / отв. ред. К. Афанасьев. М.: Наука, 1978.

²Москва: годы обновлений и реконструкции / В. Е. Полетаев и др. М.: Московский рабочий, 1977.

³Добродомов А. А. [и др.]. Битва за Москву / А. А. Добродомов, А. Н. Пономарев, К. И. Буков, Ф. И. Тамонов. М.: Московский рабочий, 1966.

⁴История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965 / П. П. Андреев и др. М.: Наука, 1967.

⁵Куркотнин С. К. [и др.]. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / С. К. Куркотнин, И. М. Голушко, Ю. В. Плотноков, Н. А. Антипенко. М.: Воениздат, 1977.

Проявила свою жизнеспособность и система организации архитектурного дела. Основная часть сотрудников Академии архитектуры СССР занималась оборонной тематикой, проблемами массового строительства в условиях военного времени, создавая конструктивно-технологические решения, обеспечивающие экономию дефицитных материалов, рабочей силы и возведение объектов в кратчайшие сроки.

Академия архитектуры сохраняла ту миссию, которая возлагалась на нее как на единственное в своем роде учреждение, призванное решать (кроме великого множества неотложных проблем тыла и фронта) и стратегические, на «после Победы» рассчитанные задачи – задачи восстановления городов и народного хозяйства.

В 1943 году при Академии архитектуры началась планомерная работа над генеральными планами разрушенных городов. В процессе разработки проектов восстановления городов устранялись дефекты их планировки и застройки. Это была генеральная линия проектирования, поскольку масштаб разрушений в большинстве случаев давал возможность вносить существенные коррективы в прежнюю структуру городов. В Академии архитектуры были созданы мастерские для разработки проектов восстановления городов, пострадавших от нацистских захватчиков. При закреплении городов за мастерскими учитывались и личные качества их руководителей, и опыт предвоенной работы. Так, проект восстановления Новгорода был поручен старейшему советскому зодчему – А. Щусеву, великому знатоку и ценителю древнерусской архитектуры [Рябушин, 1986].

В январе 1943 году при Правлении ССА СССР была создана комиссия по восстановительному строительству. Наркомстрою СССР предписывалось построить в 1943 году 22 завода по производству стандартных домов в Смоленской, Калининской и Курской областях. Все ведомства, проводящие строительные работы по восстановлению промышленных предприятий, обязаны были одновременно проводить работы по восстановлению жилых домов¹.

На XI пленуме Правления ССА СССР ответственный секретарь ССА К. Алабян отметил: «Большим дефектом в довоенной работе была плохая организация архитектуры вообще и дела проектирования в частности. Действительно, архитектура и дело проектирования были беспризорными, ими занимались все наркоматы, горсоветы, все проектные тресты, а фактически никто не занимался. Мы должны широко и глубоко подготовиться к работе, с которой нам придется столкнуться после войны. Это вопросы

¹Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 3.

многогранные...вопросы норм, вопросы законодательства в области жилищного строительства и планировки городов, вопросы организации архитектурного дела, вопросы массового строительства и другие вопросы требуют, чтобы мы всесторонне подготовились» [Рябушин, 1979].

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Восстановительные работы развернулись в громадных масштабах. Были вынесены постановления правительства по восстановлению пятнадцати старейших русских городов².

Легендарный город Сталинград, став символом Победы, становился и символом восстановительного строительства. Его проектирование приобретало еще один, возможно, в условиях войны самый главный аспект – идеологический. И понятно, что разработку проекта Сталинграда должен был возглавить человек, мысливший государственными масштабами. Им стал К. Алабян.

Важнейшей задачей, которую ставил К. Алабян при проектировании, было коренное изменение планировочной структуры города Сталинграда, исправление исторически сложившихся ее недостатков, кардинальное изменение облика. Огромные разрушения в Сталинграде позволили ставить и решать задачу именно так. Ключевым понятием для К. Алабяна становится ансамбль. Сталинград не имел целостных архитектурных ансамблей. У города не было четко выраженной схемы магистралей и площадей.

Понятие «ансамбль» было ключевым для советской архитектуры предвоенного времени. Оно содержательно определяло творческие усилия зодчих при решении самых разноранговых архитектурных задач – от проектирования отдельного здания, магистрали и площади до города в целом. На ансамблевость нацеливал зодчих и Союз советских архитекторов, возглавляемый К. Алабяном. При разработке проекта восстановления Сталинграда К. Алабян привлек к проектированию специалистов смежных профессий – транспортников, геологов, экономистов [Карлик, 1966].

Понятие ансамбль приобрело еще один смысл. Совместное творчество людей, в силу своей профессиональной ориентации по-разному подходящих к проектированию города, должно было привести к созданию нового качества архитектуры, которое и позволяет говорить о едином ансамбле города. В 1945 году генеральный план Сталинграда был утвержден правительством и на много лет вперед

²Былинкин Н. П. [и др.]. История советской архитектуры 1917–1954 гг. / Н. П. Былинкин, В. Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева. М.: Стройиздат, 1985.

определил развитие города, ансамбли которого могут по праву считаться памятниками советской архитектуры.

Совсем иначе складывалась судьба проекта восстановления Ялты, над которым работал А. Буров¹. Он считал, что следует пересмотреть всю практику планировки городов. Пересмотреть место человека в «среде». Понятие «среда» становится для А. Букова ключевым при проектировании Ялты. Проект Ялты для А. Букова стал моделью новой организации городской среды².

В проекте восстановления Севастополя М. Гинзбург пытался распространить разрабатываемый им тектонический метод³ не только на объемное проектирование, но и на градостроительство, сплавив их в единое целое – один объект проектирования. Природный ансамбль Севастополя рассматривался автором как основа для разработки генерального плана. Центром города становится природный холм, по гребню которого проходит главная городская магистраль со сложным силуэтом застройки, подчеркивающим своими высотными сооружениями тектоническую структуру холма. Конечным результатом тектонического метода стало раскрытие художественного образа города как города-героя, города русской славы [Астафьева-Длугач, Журавлев, Волчок, 1988].

Для Г. Гольца, более чем кто-либо другой олицетворявшего художественное начало в архитектуре, ключевым понятием при проектировании Смоленска, над которым он особенно много работал, стал образ. Поскольку в сознании архитектора образ Смоленска формируется прежде всего через характерный живописный силуэт, то усиление этого образа шло за счет его обогащения. Если в исторически сложившейся панораме города господствовал гигантский объем Успенского собора, относящегося к XVIII веку, то в проекте Г. Гольца вертикальной доминантой и смысловым центром Смоленска становится комплекс административных и общественных зданий, поставленных на самом высоком месте города. В то же время общий характер панорамы сохранялся [Третьяков, 1969].

Как бы ни были различны проекты городов, выполненные К. Алабяном, А. Буковым, М. Гинзбургом, Г. Гольцем, как бы ни отличались друг от друга исходные позиции и установки авторов, все эти проекты, в сущности, концентрируют представления каждого из них об идеальном городе, городе послевоенного будущего.

¹Буров А. К. Письма, дневники, беседы с аспирантами, мнение современников. М.: Искусство. 1980. С. 88.

²Там же, с. 150.

³Тектоника в архитектуре – это художественное выражение структурных и материальных основ здания.

В годы войны разновременные планы определяли работу архитекторов. Наряду с проектами восстановления городов, активно велось проектирование малоэтажных жилых домов. Было понятно: пока идет война и в первые годы после ее окончания дефицит строительных материалов, средств, рабочих рук и времени приведет к значительному развитию именно этих видов строительства. Во многих проектах восстановления городов специально предусматривались площадки для малоэтажной застройки. В Сталинграде такая застройка не только проектировалась, но и была реализована. Например, поселок при заводе «Красный Октябрь», южный поселок, поселок «Малая Франция» и т. д. были застроены жилыми домами и зданиями культурно-бытового назначения из сборных элементов, изготовленных на уральских домостроительных заводах [Белов, 1966].

В первые послевоенные годы архитекторы отдавали дань проектированию малоэтажных жилых зданий. Имеется в виду весь круг проблем, возникающих в связи с организацией массового жилищного строительства: разработка типовых проектов, развитие индустриальной домостроительной базы и поиски архитектурного облика жилых домов заводского изготовления. Оттого, что решение этих и других вопросов отрабатывалось на материале малоэтажного строительства, их методологическая ценность не снижается.

К. Алабян, занимаясь проектированием малоэтажного жилья, внимательно наблюдал за работами в этой сфере, постоянно оценивая их с позиций будущего. Отсюда его непримиримая, последовательно проводимая в жизнь установка – никакой кустарщины, временных решений.

А. Буров подошел к решению проблемы также с характерной для него точки зрения. Еще в предвоенные годы он работал над созданием новых эффективных строительных материалов. Во время войны он выполняет ряд проектов сборных малоэтажных жилых домов из армированного расширяющегося цемента [Хан-Магомедов, 2009].

Для М. Гинзбурга наиболее важным вопросом, как и в предвоенные годы, оставалась типизация. Во время войны он разрабатывал серию малоэтажных жилых домов. Основная задача, которую ставил перед собой М. Гинзбург – не только выявить все возможные типы одноэтажных-двухэтажных жилых домов, но и стандартизировать планировочные и конструктивные элементы. Можно говорить о том, что создание серии малоэтажных жилых домов явилось прямым развитием идеи стандартизации, выдвинутой архитектором еще в двадцатые годы [Курбатов, 1988].

Г. Гольца в малоэтажном строительстве привлекала проблема вариантности фасадов, разнообразие, создаваемое из стандартных элементов. Он разрабатывает целую серию проектов деревянных щитовых жилых домов заводского изготовления, проявляя при этом незаурядную изобретательность в поисках индивидуального их облика [Бархин, 1974].

Если проекты городов были рассчитаны на осуществление в течение 10-15 послевоенных лет, а проекты малоэтажных жилых домов – на ближайшее будущее, плотно смыкавшееся с настоящим, то тема мемориала, тема памяти, тема героических подвигов не имела временных ограничений. Она родилась в тот момент, когда раздалась первая залпы войны, и уходила в грядущее, превращаясь, в сущности, в эпос советского народа.

Тема памяти – одна из ведущих в советской архитектуре военного времени. Традиционная для зодчества тема памяти зазвучала в отечественной архитектуре тем более мощно, что была окрашена высокой гражданственностью. И советские архитекторы, обладавшие острым чувством современности, активно включились в ее разработку. К. Алабян, А. Буров и Г. Гольц приняли участие в создании проектов мемориала для Сталинграда. К. Алабян как автор генерального плана сформулировал общую концепцию замысла. Единый ансамбль города должен был отображать средствами архитектуры, скульптуры и живописи героическую эпопею обороны Сталинграда. Иначе говоря, весь город трактовался как памятник Победы.

Параллельно с К. Алабяном над проектом центра Сталинграда работал Г. Гольц. Как и К. Алабян, он трактовал весь центр города как единый мемориальный ансамбль, состоящий из системы двух площадей, на которых группировались общественно значимые мемориальные сооружения – стена-памятник, «Храм Славы», где должна была размещаться панорама обороны, и т. д. [Бархин, 1974].

В проектах центра Севастополя М. Гинзбург стремился в архитектуре передать тему памяти через связь героического прошлого (в Сталинграде – оборону Царицына 1918–1919, в Севастополе – оборону 1854–1855) с героическим настоящим. М. Гинзбург не только работал над крупным мемориальным ансамблем. В 1943–1944 годах он проектирует и строит памятники героям войны в Севастополе и Керчи – едва ли не первые в военные годы мемориалы.

Необходимо обратить внимание, что во всех проектах мемориалов, будь то небольшой обелиск или крупный архитектурный ансамбль, тема памяти безоговорочно доверена архитектуре с ее огромным полем содержательных ассоциаций. Готовясь

восстанавливать разрушенные города, архитекторы не могли не задумываться и о том, что такое архитектура, в чем ее содержание и предназначение. Этап подготовки к послевоенному будущему – очень важная веха в истории нашей архитектуры. Архитекторы в буквальном смысле слова готовились к творчеству.

Интересы К. Алабяна затрагивают теперь всю сферу архитектурно-строительного дела. В 1944 году он создает в Академии архитектуры комиссию по научно-техническим проблемам строительства, деятельность которой привела к принятию правительственного решения о пятилетнем плане развития строительной промышленности. Это был один из самых ярких примеров созидательной роли архитектуры в развитии общества. Активное включение архитектуры в общественную жизнь, в народное хозяйство было органично для творческого мышления и всей практической деятельности К. Алабяна [Карлик, 1966].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целостное видение профессии – одно из важнейших завоеваний теоретической мысли в военные годы. В значительной мере это проявилось и в проектировании городов, реализуясь у каждого мастера по-своему, через наиболее важные для него ключевые понятия. Но при этом понятия всегда консолидирующие, собирающие воедино все составляющие архитектуры: тектонику, ансамбль, среду, образ.

Архитектура в тот период взяла на себя всегда непростую миссию объединения всех искусств ради общего целого. Этим целым становится город в самом широком и полном смысле этого понятия. Город, возрожденный после войны. Город, осененный Знаменем Победы. Это было не просто общим правилом как для архитектуры, так и для общества в целом, а правилом, и архитектурой и обществом одинаково понимаемым. Архитектура и общество в это время были единомышленниками – их мысли и чувства находились в полной гармонии.

Тяготы и неустроенность быта военного времени рождали мечту о послевоенной жизни, где всё должно быть красиво, добротно, самого высокого качества. Такая установка не была специфической особенностью только столицы. И в других городах проектировались и строились своеобразные эталоны, сам факт существования которых предполагал равнение на них. Центр в Сталинграде, проспект Ленина в Минске, Крещатик в Киеве становились ориентирами времени, демонстрируя высокий класс решения и строительно-технологических, и собственно архитектурных задач.

В проектах восстановления разрушенных городов, которые на десятилетие во многом определили направление развития отечественного зодчества, огромная содержательная роль предназначалась центрам. Здесь концентрировались образные представления о городе, в них с особой силой прозвучала тема памяти, пронизывающая всё послевоенное строительство. Проектирование городов выливалось в изображение панорам и перспектив их центров. Это приводило к формированию как бы двойственного видения города – как архитектурно воплощенной мечты об обществе будущего и как о среде обитания. Проектные перспективы центров городов формировали самое главное место действия – городскую площадь или систему городских площадей как место общения и ликования, праздника по поводу Победы, места скорби и памяти, связанных с войной. Успех проектного решения городских площадей делал их критерием и мерилom как качества проекта, так и достоинств городской среды в целом.

Понятия, составляющие содержание Победы, имеют богатую историческую традицию выражения средствами архитектуры и монументального искусства. Обелиск, пропилеи, триумфальная арка – неперенные атрибуты всех проектов восстановления городов 1943–1945 годов, проектов, фиксирующих общественное сознание в преддверии Победы. Ярко выраженная активная роль архитектуры в этих проектах задала определенную тенденцию, которая спустя несколько лет найдет свое воплощение.

Пафос восстановительного строительства органично включал в себя ликвидацию нанесенного урона, озеленение и благоустройство центра, с невиданным размахом развернувшиеся в послевоенные годы. В обстановке близости Победы и в первые послевоенные годы практически любое строящееся сооружение задумывалось и воспринималось как своего рода памятник героическим годам войны. Звезда или какой-либо иной общепонятный знак, выложенные на фронте кирпичом, точно отсылают нас к тому удивительному времени.

Памятниками Победы осознавались не только отдельные сооружения и даже комплексы – каждый восстанавливаемый город воспринимался современниками как еще одно доказательство силы и мощи государства. Эту же мысль вкладывали зодчие и в проекты восстановления городов, разрушенных во время войны. Стремление выразить ее приводило к традиционным для отечественной архитектуры приемам постановки развитых в высоту сооружений, фиксирующих наиболее важные в смысловом и композиционном отношениях точки плана города.

Война во многом способствовала пересмотру взглядов и на город, и на его ценность как явление культурно-историческое. Складывалась ситуация, когда, с одной стороны, возникало вполне понятное стремление исправить сложившиеся недостатки, с другой – сохранить и активизировать богатство, которое было накоплено в течение веков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колесник А. Н. Советские военные строители. М.: Воениздат, 1988.
2. Комаровский А. Н. Записки строителя. М.: Воениздат, 1972.
3. Рябушин А. В. Гуманизм советской архитектуры. М., Стройиздат, 1986.
4. Рябушин А. В. Этапы развития советской архитектуры. М.: Стройиздат, 1979.
5. Карлик Л. Б. К. Алабян. Ереван: Айастан, 1966.
7. Астафьева-Длугач М. И., Журавлев А. М., Волчок Ю. П. Зодчие Москвы XX век. М.: Московский рабочий, 1988. Кн. 2.
8. Третьяков Н. Н. Георгий Гольц. М.: Советский художник, 1969.
9. Белов И. И. Поднятые из руин. М.: Стройиздат, 1966.
10. Хан-Магомедов С. О. Андрей Буров. М.: Русский авангард, 2009.
11. Курбатов В. В. Советская архитектура. М.: Просвещение, 1988.
12. Бархин М. Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория. М.: Стройиздат, 1974.

REFERENCES

1. Kolesnik, A. N. (1988). Sovetskie voennye stroiteli = Soviet military builders. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
2. Komarovskij, A. N. (1972). Zapiski stroitelya = Notes of a builder. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
3. Ryabushin, A. V. (1986). Humanism of Soviet Architecture = Humanism of Soviet architecture. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

4. Ryabushin, A. V. (1979). Etapy razvitiya sovetskoj arhitektury = Stages of development of Soviet architecture. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
5. Karlik, L. B. (1966). K. Alabyan = K. Halabyan. Yerevan: Hayastan. (In Russ.)
7. Astafeva-Dlugach, M. I., Zhuravlev, A. M., Volchok, YU. P. (1988). Zochie Moskvy XX vek. = Architects of Moscow XX century. Moscow: Moskovsky Rabochiy. (In Russ.)
8. Tret'yakov, N. N. (1969). Georgij Gol'c = Georgy Golts. Moscow: Soviet artist. (In Russ.)
9. Belov, I. I. (1966). Podnyatie iz ruin = Raised from the Ruins. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
10. Han-Magomedov, S. O. (2009). Andrej Burov = Andrey Burov. Moscow: Russian Avant-garde. (In Russ.)
11. Kurbatov, V. V. (1988). Sovetskaya arhitektura = Sovetskaya arhitektura. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
12. Barhin, M. G. (1974). Gorod 1945–1970. Praktika, proekty, teoriya = City 1945–1970. Practice, projects, theory. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор

профессор кафедры исторических наук и архивоведения

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.06.2025
23.07.2025
20.08.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Исследовательский потенциал культурных моделей (на материале юмористических произведений английских писателей)

Е. Ф. Косиченко¹, Г. В. Попова²

¹Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

²Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹ekosichenko@gmail.com, KosichenkoYF@mpei.ru

²fantgaw80@mail.ru

Аннотация. В работе изучаются возможности применения теории культурных моделей к анализу художественного текста с целью выявления особенностей культуры народа. Материалом исследования послужили англоязычные литературно-художественные произведения. Обзор источников показал, что важными культурными ценностями англичан являются юмор, вежливость и личные границы и что в ситуациях нанесения визитов, столкновения в общественных местах и пеших прогулок они следуют сложившимся моделям поведения. Использование данных моделей для анализа текстового материала в сочетании со структурным и лингвостилистическим методами позволило установить, что в иерархии культурных ценностей англичан соблюдение личных границ уступает место вежливости, а юмор представляет собой принцип, организующий их жизнь.

Ключевые слова: английский юмор, культурные модели, культурные ценности, национальный характер, поведенческие модели, ценность «вежливость», иерархия ценностей, гиперболизация

Для цитирования: Косиченко Е. Ф., Попова Г. В. Исследовательский потенциал культурных моделей (на материале юмористических произведений английских писателей) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 8 (902). С. 136–143.

Original article

Research Potential of Cultural Models (analysis of humorous writings by English authors)

Elena F. Kosichenko¹, Galina V. Popova²

¹Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

²Southwest State University, Kursk, Russia

¹ekosichenko@gmail.com, KosichenkoYF@mpei.ru

²fantgaw80@mail.ru

Abstract. The paper considers possibilities of using the Cultural Models Theory to analyze literary texts with the aim of identifying cultural norms. The study is based on English stories and literary essays. A review of scientific sources has revealed that humour, politeness and personal boundaries are essential features of the English character, and that *visits, collisions in the street, going out for a walk* are important cultural models. Appliance of these cultural models, along with methods of structural and linguo-stylistic analysis, has shown that the English prioritize politeness above their personal space and that humour is a principle that organizes their life.

Keywords: English humour, cultural models, cultural values, national character, behavioral models, value 'politeness', hierarchy of values, hyperbolization

For citation: Kosichenko, E. F., Popova, G. V. (2025). Research potential of cultural models (analysis of humorous writings by English authors). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 136–143. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Основными принципами юмора являются гиперболизация некоторой узнаваемой ситуации или характеристики и неконгруэнтность, т. е. совмещение несовместимого, когда некоторое высказывание или поведение противоречат здравому смыслу. Данные принципы положены в основу всех видов юмора, от добродушных шуток до сатирических произведений, нацеленных на обличение социальных пороков. Еще античные комедиографы Аристофан, Лукиан, Теренций, Плавт изображали в преувеличенном виде характерные модели поведения торговцев, судей, политиков, философов и т. д., вынуждая свой народ смеяться над самим собой. Иными словами, с древних времен именно в юмористических произведениях воспроизводились наиболее типичные для общества модели поведения.

Принципы античной комедии получили развитие в трудах литераторов и философов эпохи Возрождения и составили основу теории характеров английского драматурга Б. Джонсона, описавшего несколько характеров (*humours*), каждый из которых олицетворяет определенный порок или чудачество, например, лицемерие, расточительность, плутовство, и проявляется в соответствующих моделях социального поведения. Немного позднее теория характеров Б. Джонсона была применена У. Шекспиром, создавшим посредством шуток и острот множество ярких образов, в том числе трагических. Традиция представления в преувеличенном виде узнаваемых поведенческих моделей, в которых проявляются национальные черты британцев, была продолжена в англоязычных коротких рассказах и эссе первой половины XX века, в частности, в творчестве британца венгерского происхождения Дж. Майкса (George Mikes), канадца британского происхождения С. Ликока (Steven Leacock), англичанина М. Бирбома (Max Beerbohm).

В данной статье на материале юмористических произведений названных авторов рассматриваются наиболее узнаваемые характеристики англичан, а именно: чувство юмора, чрезмерная вежливость, стремление к соблюдению личных границ. Актуальность выбранной темы определяется вниманием современных гуманитарных наук к проблемам сохранения и передачи культурных знаний и формирования культурной идентичности. Новизна исследования состоит в том, что в нем предпринята попытка продемонстрировать возможности применения культурных моделей к анализу юмористических литературно-художественных текстов для выявления особенностей ценностных ориентаций народа.

МЕТОДОЛОГИЯ

Чувство юмора

и другие культурные ценности англичан

В своей книге «Watching the English» («Наблюдая за англичанами») антрополог К. Фокс показывает, что, несмотря на распространенные утверждения в обратном, англичане не потеряли своей национальной идентичности, которая и в XXI веке проявляется в повседневной коммуникации и в типичных моделях поведения [Fox, 2005]. Как и несколько столетий назад, англичане часто говорят о погоде, проявляют чрезмерную вежливость и склонны, по крайней мере на словах, винить себя в разного рода недопониманиях и незначительных происшествиях, например столкновениях в общественных местах. При этом в книге подчеркивается, что английская вежливость часто имеет знак минус, будучи, по сути, отрицательной вежливостью (*negative politeness*), а привычка извиняться является автоматической и не свидетельствует о раскаянии или намерении взять на себя ответственность. Приведем цитату, в которой данная идея сформулирована наиболее емко.

You may be wondering why the English seem to assume that any accidental collision is our fault, and immediately accept the blame for it by apologizing. If so, you are making a mistake. The reflex apology is just that: a reflex – an automatic, knee-jerk response, not a considered admission of guilt. This is a deeply ingrained rule: when any inadvertent, undesired contact occurs (and to the English, almost any contact is by definition undesired), we say 'sorry' [там же, с. 150]. – Возможно, вас удивляет тот факт, что англичане винят себя в любом случайном столкновении, немедленно принимают всю вину на себя и приносят извинения. Если вам это действительно кажется необычным, то вы заблуждаетесь. Рефлекторное извинение – это всего лишь привычка, автоматическая реакция, а не осознанное признание вины. Это укоренившееся в сознании правило: когда происходит какой-либо непреднамеренный, нежелательный контакт (а для англичан почти любой контакт по определению нежелателен), необходимо сказать «извините»¹.

О том, что ценностью, тесно связанной с вежливостью, является стремление к соблюдению личных границ, говорят и экспериментальные данные. Согласно опросам, британцы ассоциируют вежливость с необходимостью демонстрировать словами и поступками уважение к человеку, его чувствам и праву на конфиденциальность (*privacy*), соблюдать дистанцию, ценить независимость

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. К., Г. П.

и индивидуальность, демонстрировать равное отношение к людям, проявлять сдержанность [Kameh Khosh, Larina, 2020].

Другой особенностью британского характера является чувство юмора. О том, что смех используется в разных культурах с целью скрыть гнев, стыд или застенчивость, а улыбка часто выражает презрение или издевку, писал еще британский эволюционист Ч. Дарвин¹. Философы эпохи Возрождения и Нового времени (Т. Гоббс, Э. Кант, Г. Спенсер, А. Шопенгауэр) пришли к выводу о том, что универсальным механизмом создания юмора в разных языках выступает преувеличение некоторой узнаваемой ситуации или совмещение несовместимого (подробнее см. [Гусейнова, Косиченко, 2024]). Национально-культурные аспекты юмора настолько разнообразны, что требуют к себе постоянного и пристального внимания. Отличительной особенностью английского юмора является, по справедливому замечанию К. Фокс, не столько его характер, сколько осознание его англичанами как культурной ценности.

...while there may indeed be something distinctive about English humour, **the real 'defining characteristic' is the value we put on humour**, the central importance of humour in English culture and social interactions. In other cultures, there is 'a time and a place' for humour; it is a special, separate kind of talk. **In English conversation, there is always an undercurrent of humour** [Fox, 2005, с. 61]. – ...при том что английский юмор действительно специфичен, его отличительной характеристикой является то, что мы рассматриваем его как ценность, как явление, значимое для культуры и для социального взаимодействия. В других культурах для юмора есть свои «время и место»; это особый, самостоятельный тип беседы.

Наши исследования также показывают, что британцы готовы шутить и смеяться в любых ситуациях, например, над политически некорректными шутками или над личными именами, фамилиями и модными ономастическими тенденциями [Косиченко, Попова, 2023; Kosichenko, 2024]. Следует согласиться с мнением о том, что английский юмор характеризуется высокой степенью постоянства и преемственности, являясь для англичан своего рода критерием, на основе которого происходит деление мира на «свой» и «чужой» [Соколов, 2013]. Тот факт, что иностранцами английский юмор часто не воспринимается как смешной, обусловлен его ироническим характером, наличием множественных и не всегда распознаваемых импликаций, а также его ориентированностью на культуру, в которой

традиционно ценятся чудачества и эксцентричное поведение.

В данной статье юмор, вежливость и уважение личных границ рассмотрены как национально-культурные характеристики, с одной стороны, и как культурные ценности – с другой. Культурными ценностями, вслед за В. В. Карасиком, мы называем ориентиры поведения, которые «осознаются, обусловлены эмоциями и детерминируют поступки» [Карасик, 2019, с. 4]. Важно, что в сознании носителей культуры ценности организуются как система культурных приоритетов [Коурова, 2011].

То, что рассмотренные в данном разделе статьи характеристики британцев представляют для них особую ценностную значимость, подтверждается примерами из художественно-литературных произведений, анализ которых также демонстрирует, что ценности «вежливость», «личные границы», «юмор» выстраиваются в определенную иерархию.

Культурные модели

В статье такие черты англичан, как способность шутить в любой ситуации, умение проявлять вежливость и уважение к личным границам человека соотносятся с ценностями «юмор», «вежливость», «личные границы» и одновременно увязываются с характерными моделями поведения людей. Соответственно, в данном разделе мы обратимся к теории культурных моделей, возникшей в 1980 годах и получившей развитие в текущем столетии.

Определяя культурные модели прежде всего как практико-ориентированные знания, позволяющие человеку успешно решать повседневные задачи, Д. Холланд и Н. Куинн характеризуют их также как модели поведения, представляющие собой результат социального договора, и потому зависящие от конкретной культуры и характерных для этой культуры ценностей. Отмечается, что культурные модели достаточно разнообразны и могут как регулировать деятельность социальных институтов, так и описывать особенности поведения людей в конкретных ситуациях, например, при оформлении заказа в ресторане. Существенным нам представляется замечание авторов данной концепции, что культурные модели не могут быть искусственно созданы и внедрены в культуру, а складываются в соответствии с потребностями людей и характерными для культуры традициями [Holland, Quinn, 1987]. При том что понятие «ценность» не является предметом непосредственного интереса авторов, они, тем не менее, оперируют смежными понятиями *culturally acceptable* / *cultural beliefs* / *socially acceptable* [Holland, 1987, с. 4–7], подчеркивая, что культурные модели неотделимы от системы культурных смыслов (*cultural meaning system*),

¹Darwin Ch. The Expression of Emotion in Man and Animals. URL: gutenberg.org (дата обращения: 05.04.2025).

которая «directly satisfies some culturally defined need <...> or sometimes because it also realizes some strongly held cultural norm or value» [там же, с. 11] (непосредственно реагирует на культурные запросы человека <...> или иногда потому, что также транслирует некоторую прочно закрепившуюся культурную норму или ценность).

В последние десятилетия на основе идеи культурных моделей Д. Холланда и Н. Куина была разработана теория культурных моделей (Cultural Models Theory), которая позиционируется как комплексный метод исследования культурного и познавательного опыта человека. Основным положением данной теории является мысль о том, что культура локализуется в сознании людей и что в передаче культурных знаний задействуются когнитивные механизмы, благодаря которым человек осознает тот факт, что носители одной культуры обладают единым для них запасом знаний, которые, являясь, по сути, вторичными, определяют их повседневное поведение [Bennardo, 2018]. Культурные модели могут быть использованы для описания поведения людей в конкретных ситуациях, их системное представление возможно по принципу ядра и периферии [Munck, Bennardo, 2019]. Иными словами, не все культурные модели одинаково значимы для носителей культуры, что позволяет говорить о возможности их представления в качестве иерархически организованной системы.

Далее в статье предпринимается попытка применить теорию культурных моделей к изучению иерархии таких важных для британцев ценностей, как юмор, вежливость, личное пространство, что осуществляется на материале литературных произведений, описывающих ситуации, связанные с нарушением личного пространства.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Прежде всего обратимся к юмористической истории «Трагический конец Мельпоменууса Джонса» в авторстве С. Ликока (*Leacock S. The Awful Fate of Melpomenus Jones*), повествующей о молодом человеке, который в первый день своего шестинедельного отпуска прибыл с визитом к своим знакомым и оставался у них до тех пор, пока не сошел с ума и не скончался. В основе художественного конфликта лежит неспособность молодого человека найти подходящий повод для того, чтобы уйти и при этом не показаться невежливым, с одной стороны, и неспособность хозяев прямо выразить свое отношение к позднему визиту, с другой стороны. Повествование начинается с описаний типичной ситуации, в которой изъясненное гостем желание пойти домой натывается на вежливые просьбы хозяев остаться еще ненадолго.

As the moment draws near when the visitor feels that he is fairly entitled to go away he rises and says abruptly, “*Well, I think I...*” Then the people say, “Oh, must you go now? Surely it’s early yet!” and a pitiful struggle ensues. – По мере того как приближается момент, когда посетитель чувствует, что он имеет полное право уходить, он встает и неожиданно говорит: «Я думаю, мне...» Тогда ему говорят: «Вам уже пора? Но ведь еще так рано!» И начинаются бессмысленные препирательства.

В рассказе данная ситуация повторяется трижды, при этом каждый последующий раз ответная реакция хозяев, оставаясь учтивой, содержит все больше импликаций негативного характера. Приведем пример, в котором хозяйка указывает на позднее время, однако, в соответствии с правилами приличий, ждет от гостя предложения, который позволит ей больше его не задерживать.

“Say good night!” they said, “why it’s only half-past eight! Have you anything to do?” – Попрощаться? Так, еще только половина девятого! У вас срочные дела?

Не получив от Джонса никакого убедительного аргумента, хозяйка предлагает ему посмотреть семейный альбом, и несчастный гость вынужден рассматривать фотографии людей, которых он ранее даже не встречал. Обратим внимание на использование глагола *to draw him out* (*выдворить / выставить*), свидетельствующего о скрытом за вежливыми словами желании хозяйки. Созданию юмористического эффекта способствует метафорическое словосочетание *family museum*, указывающее на наличие в альбоме большого количества старых фотографий, а также использование чисел, говорящих о том, насколько тягостным занятием стал для Джонса просмотр альбома.

After dinner mamma undertook to “*draw him out*,” and showed him photographs. She showed him all the *family museum* <...>. *At eight-thirty* Jones had examined *seventy-one* photographs. There were about *sixty-nine more* that he hadn’t. – После обеда хозяйка решила его «выставить» и стала показывать ему семейные фотографии, череду музейных экспонатов <...>. К восьми тридцати Джонс изучил семьдесят одну фотографию. Оставалось еще около шестидесяти девяти.

Дальнейшее повествование содержит описание того, как, оставаясь в чужом доме, Джонс был вынужден день за днем рассматривать фотографии и пить чай, при этом его душевное состояние постепенно ухудшалось, что передается словами:

miserable, moody and unapproachable (неприступный), swearing bitterly (отчаянно матерясь), saddest (самый печальный), poor (бедный), miserable (несчастный), sulky (угрюмый), with tears in his eyes (со слезами на глазах), broken-hearted (убитый горем), stared wildly (дико пялился), sobbed like a child (по-детски всхлипывал), a horrible laugh (ужасающий хохот), a raging delirium of fever (лихорадочный бред), terrible illness (ужасная болезнь).

Большое число отрицательно окрашенных слов в сочетании с абсурдностью всей ситуации способствует созданию комического эффекта. Трагический исход истории может быть интерпретирован как результат боязни М. Джонса показаться невежливым при попытке отстоять свои границы. Хотя в рассказе ситуация представлена как комическая, что обеспечивается большим числом стилистических средств, проблема излишней вежливости, обуславливающей определенные модели поведения, поставлена автором довольно остро.

Эссе Дж. Майкса «Простите, моя вина» (*Mikes G. Sorry, My fault*) содержит размышления автора над причинами, вынуждающими англичан часто прибегать к извинениям. В качестве примера описана ситуация, в которой водители столкнувшихся автомобилей, даже не попытавшись оценить ущерб, нанесенный их имуществу в результате аварии, извиняются и, перебивая друг друга, принимают на себя ответственность за произошедшее.

Once in North London I saw two cars collide and smash up each other's wings. Both drivers jumped out of their cars, shouting, "Sorry, it's my fault!" Neither of them even looked at the smashed wings and broken lamps, but a sharp quarrel ensued as to whose fault it actually was. Each claimed absolute and exclusive responsibility for himself. – Однажды я стал свидетелем того, как в северной части Лондона столкнулись две машины, в результате пострадали два крыла. Оба водителя выскочили из машин с криками: «Простите, моя вина!» Они даже не взглянули на помятые крылья и разбитые фары, завязался серьезный спор о том, чья это на самом деле вина. И каждый претендовал на то, что ответственность целиком и полностью лежит на нем.

Напомним, что в первом разделе статьи мы уже обсуждали замечание К. Фокс о том, что столкновения в общественных местах рассматриваются англичанами как вторжение в личное пространство, и именно данное отношение к подобного рода ситуациями вынуждает их проявлять вежливость и декларировать свою ответственность. В эссе Дж. Майкса узнаваемая ситуация представлена

в гиперболизированном виде, созданию комического эффекта способствует также использование глаголов *jump out*, *shout*, *not looked*, описания печального состояния транспортных средств (*smashed wings and broken lamps*), а также привлечение юридической терминологии (*absolute and exclusive responsibility*). Поскольку Дж. Майкс отчасти смотрит на всю ситуацию глазами иностранца, ему удастся акцентировать культурную специфику модели поведения, в соответствии с которой англичане часто используют клишированную фразу *Sorry, my fault*, чтобы не показаться невежливыми и не быть обвиненными во вторжении в чужое пространство.

Переходя к анализу еще одного юмористического эссе, напомним, что британцы известны также как большие любители пеших прогулок, которые они рассматривают в качестве возможности отдохнуть и приблизиться к природе. Свидетельством высокой ценностной значимости данного времяпрепровождения являются как публикации, содержащие серьезные исследования [Foster, Hillsdon, 2004], так и ежегодные обзоры в СМИ, информирующие о сезонных предпочтениях британцев¹.

В эссе М. Бирбома «На прогулку» (*Beerbohm M. Going out for a walk*)² обсуждается способность англичан терпеливо и вежливо переносить вторжение в свое личное пространство людей, желающих прогуляться. Характерно, что само намерение пойти на прогулку рассматривается англичанами как своего рода законное право человека, и приглашение присоединиться не может быть отклонено без уважительной причины.

Whenever I was with friends in the country, I knew that **at any moment**, unless rain were actually falling, **some man might suddenly say 'Come out for a walk!' in that sharp imperative tone** which he would not dream of using in any other connexion. People seem to think there is something **inherently noble and virtuous in the desire to go for a walk**. Any one thus desirous feels that he **has a right to impose his will** on whomever he sees comfortably settled in an arm-chair, reading. – Всякий раз, когда я проводил время за городом с друзьями, я точно знал, что в любой момент, если только не шел дождь, кто-нибудь неожиданно скажет: «Пойдемте погуляем!» – и сделает это таким повелительным тоном, который совершенно недопустим ни в какой другой ситуации. По всей видимости, люди находят нечто благородное и добродетельное в самом желании совершать прогулки.

¹URL: <https://www.theguardian.com/travel/2023/jun/12/britains-10-most-popular-walks-according-to-the-os-map-app> (дата обращения: 05.04.2025).

²URL: <https://www.anthologicalitt.com/post/goingoutforawalk-bymaxbeer-bohm> (дата обращения: 05.04.2025).

И каждый, у кого возникло такое желание, полагает, что имеет право навязывать свою волю тому, кто, например, читает, удобно расположившись в кресле.

Далее автор размышляет о том, что культура навязывает определенные правила дискурсивного поведения в такой ситуации, и, если старому другу можно просто сказать «нет», для отказа знакомым потребуется убедительный предлог, например, в виде необходимости написать несколько писем. Однако, во-первых, в такое оправдание никто не верит (*It isn't believed*), во-вторых, это предполагает необходимость подниматься с кресла и пересаживаться за письменный стол (*It compels you to rise from your chair, go to the writing-table*), в-третьих, данный предлог не спасает в воскресенье утром, когда почта не работает (*It won't operate on Sunday mornings*).

Прием гиперболизации, связанный с представлением простой ситуации как проблемной, требующей поиска оптимального решения, создает комический эффект. Данная история демонстрирует, во-первых, нежелание англичан нарушать традиции, во-вторых, роль всевозможных предлогов и оправданий как условий успешной (вежливой) коммуникации; в-третьих, способность англичан терпеливо переносить вторжение в свое личное пространство, если этого требуют правила вежливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В активно меняющемся сегодня мире сложившиеся в течение веков нормы культурного поведения не могут оставаться неизменными, и на фоне интенсивных миграционных процессов велика вероятность того, что в ближайшем будущем характерные для англичан культурные модели

поведения частично будут видоизменяться. Вместе с тем анализ произведений художественной литературы первой половины прошлого столетия, научной и научно-популярной литературы текущего столетия обнаружил преемственность базовых моделей поведения в культуре.

Обращение к трем юмористическим произведениям разных авторов и анализ описанных в них особенностей поведения англичан в ситуациях нанесения визитов, случайных столкновений и традиционных моционов показали, что, как и носители других культур, англичане предпочитают сохранять добрососедские отношения с окружающими людьми, при этом успешное взаимодействие внутри культуры достигается посредством соблюдения ряда правил, включая характерные речевые формулы. К наиболее распространенным формулам речевого этикета относятся извинения и разного рода аргументы, позволяющие оправдать поступки, нарушающие культурные ожидания, но при этом дающие право на сохранение личных границ. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что вежливость как культурная ценность занимает более высокое положение в ценностной иерархии, нежели личные границы. Юмор представляется нам главной ценностью британцев, поскольку используется ими, в том числе для разрешения противоречий между потребностью в соблюдении личных границ и необходимостью оставаться вежливым.

В заключение подчеркнем, что использование культурных моделей как инструмента анализа литературно-художественных произведений может дать интересные результаты о характере культурных ценностей, их иерархии, а также о наличии в культуре тенденций к изменению ценностных ориентиров и культурных норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fox K. Watching the English. The hidden rules of English behavior. London: Hodder, 2005.
2. Kameh Kh. N., Larina T. Cultural Values and Politeness Strategies in British and Persian Family Discourse // Proceedings of INTCESS 2020- 7th International Conference on Education and Social Sciences 20-22 January. Dubai (UAE). 2020.
3. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. Казань: Бук, 2024.
4. Косиченко Е. Ф., Попова Г. В. Политкорректная шутка: миф или реальность? (структурный анализ одного стендап-шоу) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13. № 1. С. 52– 61. DOI 10.21869/2223-151X-2023-13-1-52-61.
5. Kosichenko E. F. Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 755– 770. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-755-770.
6. Соколов А. Б. Юмор как черта английского национального характера (по сочинениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX в) // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 310–327.

7. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Калининград, 30 мая 2019 года. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 22–25.
8. Коурова О. И. Концепция лингвокультурной ценности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 119–123.
9. Holland D., Quinn N. Culture and Cognition // Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 3–40.
10. Bennardo G. Cultural Models Theory. Anthropology News. 2018. Vol. 59. P. 139–142. DOI 10.1111/AN.919.
11. Munck de V., Bennardo G. Disciplining Culture: A Sociocognitive Approach. Current Anthropology. 2019. No. 60 (2). P. 174–193. DOI 10.1086/702470.
12. Foster Ch., Hillsdon M., Thorogood M. Environmental perceptions and walking in English adults // Journal of epidemiology and community health. 2004. No. 58. P. 924–928. DOI 10.1136/jech.2003.014068.

REFERENCES

1. Fox, K. (2005). Watching the English. The hidden rules of English behavior. London: Hodder.
2. Kameh, Kh. N., Larina, T. (2020). Cultural Values and Politeness Strategies in British and Persian Family Discourse. Proceedings of INTCESS 2020-7th International Conference on Education and Social Sciences 20-22 January. Dubai (UAE).
3. Gusejnova, I. A., Kosichenko, E. F. (2024). Grani smeshnogo i yumor bez granicz: semiotika komicheskix tekstov razny`x zhanrov = Facets of the humorous and humour without borders. Kazan: Buk. (In Russ.)
4. Kosichenko, E. F., Popova, G. V. (2023). A politically correct joke: myth or eality? (Structural analysis of a stand-up comedy show). Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics, 13(1), 52– 61. (In Russ.). DOI 10.21869/2223-151X-2023-13-1-52-61.
5. Kosichenko, E. F. (2024). Proper Names in English Humorous Discourse: at the Crossroads of Fundamental Theories and Entertainment. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(3), 755– 770. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-755-770.
6. Sokolov, A. B. (2013). Humour as a feature of the English national character in the travelogues of the late 18th – early 19th cc. Dialogue with time, 44, 310–327.
7. Karasik, V. I. (2019). Values as culturally meaningful patterns of behaviour. Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire : Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kaliningrad, 30 maya 2019 goda. Kaliningrad: Zapadnyj filial Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii (pp. 22–25): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.).
8. Kourova, O. I. (2011). Linguocultural value conception. Journal of historical, philological and cultural studies, 3(33), 119–123.
9. Holland, D., Quinn, N. (1987). Culture and Cognition. Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 3–40.
10. Bennardo, G. (2018). Cultural Models Theory. Anthropology News, 59, 139–142. DOI 10.1111/AN.919.
11. Munck, de V., Giovanni, B. (2019). Disciplining Culture: A Sociocognitive Approach. Current Anthropology, 60(2), 174–193. DOI 10.1086/702470.
12. Foster, Ch., Hillsdon, M., Thorogood, M. (2004). Environmental perceptions and walking in English adults. Journal of epidemiology and community health, 58, 924–928. DOI 10.1136/jech.2003.014068.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

Попова Галина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Юго-Западного государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Popova Galina Vladimirovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University

Статья поступила в редакцию	03.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.06.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 8 (902)**

**VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 8 (902)**

Ответственный за выпуск

Н. Н. Германова
доктор филологических наук, профессор

Executive editor

Natalia N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Редактор М. М. Сингал

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Marina M. Singal

Layout: Andrew V. Alymov

Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 30.08.2025

Усл. печ. л. 18,0

Формат 60х90/8

Заказ № 87/25

Signed for print: 30.08.2025

Conventional printed sheets: 18,0

Layout format 60x90/8

Order 87/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2025

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.

Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.

Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».